

дмитрий глуховский
мы. дневник падения

Дмитрий Глуховский

МЫ

Дневник падения

Vidim Books
Bratislava
2024

«Мы. Дневник падения» — это попытка Дмитрия Глуховского ответить на вопрос «Что случилось с Россией?». Публицистические заметки и светские колонки, каждая из которых — всего лишь реакция на новости и мелочи жизни, складываются в историю путинского режима с 2012 года до войны в Украине. Уже из сегодняшнего дня, двигаясь шаг за шагом от события к событию, Глуховский показывает, как исчезала свобода и демократия, как зверели силовые ведомства, как возвращались призраки СССР, как милитаризовалась государственная идеология, как страна готовилась к войне. Каждый текст автор комментирует в 2024 году, рассматривая самого себя и свое собственное восприятие как исторический объект. «Мы. Дневник падения» с обескураживающей ясностью показывает, как много мы отказывались видеть, пока Россия методично и последовательно шла к воинственной тирании.

Дмитрий Глуховский. Мы. Дневник падения. Отпечатано в ЕС.

Издатели

Александр Гаврилов

Данила Стратович

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Редакторы

Евгений Север

Анна Синяткина

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Выпускающий редактор

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Корректор

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Дизайнер

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Vidim Books — независимое издательство и платформа для дистрибуции книг на русском языке в Европе, Центральной Азии и Северной Америке. Основано в 2023 году.
www.vidimbooks.com

Во имя добра и мира!

Dmitry Glukhovsky

My. Denník pádu

Vydalo Vidim Books (BookLab s.r.o.)

Pekná cesta 19, 831 52 Bratislava — Rača, Slovensko

www.vidimbooks.com

Autor: Dmitry Glukhovsky

Grafický návrh, návrh obálky, grafická úprava, a sazba: Book-Lab s.r.o.

Vydanie v ruštine

Vytlačené v EÚ

978-80-974683-0-9 (mäkká väzba)

978-80-974683-5-4 (PDF)

978-80-974683-6-1 (EPUB)

Все права защищены

Všetky práva vyhradené

All rights reserved

© Дмитрий Глуховский, текст / Dmitry Glukhovsky, text,
2024

© BookLab s.r.o., текст / BookLab s.r.o., text, 2024

© BookLab s.r.o., 2024

С о д е р ж а н и е

Что случилось с Россией?	11
11-05-2012	
<i>Товарищ Сталин, будь ты проклят</i>	19
19-07-2012	
<i>Жить по лжи</i>	25
20-08-2012	
<i>В ожидании Лютера</i>	33
09-12-2012	
<i>Почему сдулся я и почему сдулась революция ..</i>	41
10-04-2013	
<i>Бога нет</i>	58
05-05-2014	
<i>Врать не больно</i>	69
08-08-2014	
<i>Как такое может быть?!</i>	81
27-10-2014	
<i>Россия нигде</i>	90
06-11-2014	
<i>Украина: модель для разборки</i>	102

08-11-2014	
<i>Терпила</i>	113
14-11-2014	
<i>Пускай сдохнет</i>	119
02-12-2014	
<i>Шесть звезд</i>	131
10-12-2014	
<i>В бункере</i>	138
16-12-2014	
<i>На смерть среднего класса</i>	148
06-03-2015	
<i>Все возможно</i>	155
14-09-2015	
<i>Национальный склероз</i>	167
15-08-2015	
<i>Мы не они</i>	175
22-09-2015	
<i>Спасение Европы</i>	189
24-10-2015	
<i>Физлицо</i>	201

10-12-2015	
<i>Креатуры</i>	216
19-01-2016	
<i>Без порток</i>	234
03-02-2016	
<i>Равнение на бразильский флаг</i>	242
15-07-2016	
<i>Проигранная олимпиада</i>	254
01-08-2016	
<i>Производители страха</i>	262
7-10-2016	
<i>Учебная тревога</i>	278
12-01-2017	
<i>В ожидании Трампа</i>	293
13-04-2017	
<i>МИД без башни</i>	301
12-09-2017	
<i>Выборы в чашке Петри</i>	314
08-11-2017	
<i>Спиральная линия</i>	331

01-08-2018	
<i>АУЕ</i>	339
30-09-2018	
<i>Запад и мы</i>	354
01-06-2018	
<i>Фига</i>	368
11-06-2019	
<i>Гидра</i>	382
11-06-2019	
<i>Собачники</i>	396
10-03-2020	
<i>Давайте не будем об этом</i>	405
16-07-2020	
<i>День, когда остановятся куранты</i>	417
24-01-2021	
<i>Не/человеческое</i>	425
23-02-2022	
<i>Теперь мы знаем</i>	437
09-03-2022	
<i>Это не наша война</i>	454

06-04-2022	
<i>Война против России</i>	<i>467</i>
09-04-2022	
<i>Я не хочу в это верить</i>	<i>474</i>
25-04-2022	
<i>Харьков – Москва</i>	<i>487</i>
09-05-2022	
<i>День мертвых</i>	<i>493</i>
10-05-2022	
<i>Депобедизация</i>	<i>502</i>
02-10-2022	
<i>За что воюем?</i>	<i>513</i>
06-04-2023	
<i>Письмо в Басманный суд</i>	<i>520</i>
28-06-2023	
<i>В ожидании чуда</i>	<i>527</i>
16-02-2024	
<i>Смерть героя</i>	<i>544</i>

Что случилось с Россией?

Как получилось, что еще недавно собиравшаяся в будущее страна вдруг наотрез от него отказалась? Как из державы, порвавшей с тоталитаризмом, по доброй воле отозвавшей из Европы танковые армии и распахнувшей свои объятия Америке, она стала снова озлобленной на весь мир страной-изгоем? Как и когда успело произойти с ней это злое превращение? Как вышло так, что народ, которому война с Украиной изначально была навязана, не стал спорить и сопротивляться бойне? Что нашлись и люди, готовые поддержать ее искренне, и такие, кто согласился участвовать в ней из корысти или ради возможностей, открывающихся им через очевидное и заведомое людоедство?

Почему абсолютное большинство моих сограждан предпочло притвориться, что войны просто нет, что она их никак не касается — даже когда она их стала касаться? Для меня эта война стала не просто неожиданностью — настоящим шоком. То есть — в

моих романах я увлеченно рисовал апокалиптические сценарии, но на самом деле не мог поверить в то, что такое чудовищное варварство, такая бессмысленная жестокость, такая легковёрность народа по отношению к беспардонной лжи пропаганды возможны в XXI веке. Однако война началась и идет вот уже второй год. И начала ее Россия, ее начала моя родная страна.

Очевидный ответ на вопрос «Как Россия превратилась из демократического государства в тоталитарную неосоветскую диктатуру?» заключается в том, что Россия никогда не была демократией и до сих пор не является тоталитарной диктатурой. Все эти тридцать лет страна была и по сей день остается насквозь коррумпированной банановой республикой — вроде латиноамериканских или африканских, — но вместо бананов торгующей и шантажирующей мир газом и нефтью.

Оказавшиеся у руля случайные люди, бездари и посредственности, вцепились в истерзанное вымя некогда великой державы и выдоили его все до

крови. И именно эти временщики пытаются изо всех сил себя увековечить, именно эти самозванцы пытаются убедить народ в сакральной природе власти. И именно поскольку сознают свою случайность, они так стараются прикрыть героическим мифом свой голый зад. Сначала они пытались изобразить передовое демократическое современное государство, теперь тужатся, чтобы представить нашу банановую республику грозной реинкарнацией сталинского СССР. На самом же деле вся эта мазня поверх гипсокартонных конструкций нужна лишь для того, чтобы скрыть настоящие процессы, идущие в России: процессы гниения и процессы лихорадочного разворовывания, распахивания по карманам распадающегося народного достояния.

Это бесконечная история обмана и самообмана, в которой власть лжет несчастному и бесправному народу, мечтающему просто о человеческой жизни, о том, почему эта жизнь невозможна и даже ему противопоказана. Потому что есть якобы некая историческая миссия, ради которой он должен всем

жертвовать, как жертвовали его отцы и деды. Потому что кругом враги, «темные силы нас злобно гнетут», как пелось в революционной песне вековой давности и как поется по сей день в телевизионной пропаганде. Потому ничтожность жизни россиянина можно оправдать величием России.

Но почему народ, вышедший из фараонова плена навстречу свободе, в пустыне заскучал по кнуту и сам поплелся обратно к своим надсмотрщикам? Когда Россией овладел бес, заставляющий ее биться в припадке, изрыгая нечленораздельные проклятия и абсурдные обвинения, кидаясь с пеной у рта на своих соседей, пытаюсь порвать им глотки? И как зовут этого демона?

Трансформация эта не была мгновенной. Она происходила постепенно и вовсе не спонтанно; ее направляли государственные и лояльные государству СМИ, она происходила на фоне усиления не только пропаганды, но и репрессий, так что каждому человеку в России постепенно становилось

ясно, как думать приемлемо, а как — не стоит. Однако еще всего за пару лет до захвата и аннексии Крыма в России царили совсем иные настроения — возвращать былые советские или имперские владения жаждало меньшинство граждан, а большая часть мечтала о модернизации и продолжении дрифта на Запад. И до сих пор, несмотря на титанические усилия и безлимитный ресурс пропаганды, несмотря на широко рекламируемые репрессии, уничтожение политических активистов, на тотальную цензуру — единомыслия в России власти достичь не удалось, хотя открытое сопротивление режиму и развязанной им войне сломлено. Тем не менее войну — и параноидально-реваншистский путинский проект — поддерживает значительная часть населения. Эта книга составлена из статей и колонок, которые я писал для разных изданий на протяжении последнего десятилетия, в основном комментируя события, казавшиеся важными, а иной раз и поворотными, и документируя реакции общества

на эти события. Кроме того, по ходу действия я делал для себя какие-то открытия касательно «судеб Отечества» и «состояния умов». И хотя, публикуя их тут в хронологическом порядке, я выстраиваю их как путевые заметки в бортовом журнале падающего в черную дыру космолета, приведенные вместе, они образуют и нечто большее: мозаичное панно, изображающее не только происходящую с Россией катастрофу, но и Россию, с которой эта катастрофа происходит.

Кто виноват — сами знаете, что делать — поди разберись, но вот как мы докатились до жизни такой — это пожалуйста, это сколько угодно.

Чтобы напомнить о том, какие события комментирует та или иная статья, я решил снабдить их введением, напоминающим об историческом контексте: это важно, потому что иные происшествия или обсуждения уже забылись, хотя несколько лет назад общественность была ими очень взбудоражена. Часто я делал прогнозы — и поскольку ошибался тоже нередко, статьи эти нуждаются и в моей

собственной оценке постфактум. Эту оценку я даю в комментариях, которые следуют за статьями.

Во многих из них я использовал такой риторический прием: писал их от лица людей, со мной одновременно в России живущих, от «нашего» лица. «Мы думаем», писал я, «мы чувствуем»... Пытался диагностировать те процессы, которые происходили в народе, ощущая себя его частью.

Но имею ли право я, не предугадав ни войны, ни фактического народного с ней согласия, находясь сегодня в политэмиграции, а у себя на родине будучи заклеяменным как иноагент и объявленным в розыск, говорить от лица этого народа? Да и кто эти «мы»? Можно ли описать пресловутый «русский народ», или «многонациональный народ России»? Можно ли всех проживающих в России людей в него скопом записать, что у них общего, кроме обязанности платить Кремлю подати, жертвовать за него жизнью в военных авантюрах и красного паспорта?

Являются ли вообще его неотъемлемой частью, созвучно этим условным «массам» чувствующей и мыслящей, интеллигенция или средний класс?

Вопросы открытые.

И все же мне кажется, что какие-то комплексы, какие-то болевые точки, какие-то стремления и мечтания, становившиеся общим знаменателем для многих и очень разных моих сограждан, мне иногда почувствовать и зафиксировать удавалось. А когда нанизываешь эти статьи хронологической гирляндой на сюжетную линию превращения России из страны, пытающейся быть нормальной, в государство, нормальность отмечающее, — они начинают выглядеть настоящим дневником массового сознания и коллективного бессознательного. Дневником падения в черную дыру.

Дмитрий Глуховский
2023

11-05-2012

Товарищ Сталин, будь ты проклят

Товарища Сталина у нас трогать нельзя, дети палачей и рабы со стокгольмским синдромом затопчут. Но ты вспомни...

...Четыре утра. Звонок в твою дверь. Открываешь — на пороге трое. Фуражки с васильковыми околышами. За тобой пришли. Выкручивают руки, выволакивают во двор, сажают в воронок с надписью «ХЛЕБ», везут, обещая все объяснить, и через несколько часов, раздавив тебе каблуком сапога мошонку и выбив какое-то признание, выводят в сырой тюремный двор и стреляют тебе в живот. Потом — ты еще жив — добивают. Твоим родителям говорят, что тебе дали десять лет без права переписки. И они еще десять лет верят, что тебя увидят.

Или это.

...Тебе нечего жрать. Жрать тебе нечего, потому что приходят продотряды и все забирают, а кто с ними спорит, того за сараи отводят и из трехлинейки

— в голову. Все зерно, которое ты думал сеять, отобрали. И нечего теперь жрать. И снова приходят продотряды. Чтобы отобрать то последнее, что удалось чудом сберечь. Без чего погибнешь. Из семерых твоих детей двое умерли от голода у тебя на руках, и одного, самого маленького, твоя жена сама придушила подушкой, потому что молока у нее нет, а он от голода визжал не переставая. Соседи, говорят, отмучившегося малыша потихоньку скормили еще живым ребятишкам. Те спрашивали, откуда мясо, — а мать плакала в голос. И ты думаешь: сможешь ты так или нет? И ты берешь в руки обрез, который еще с Первой мировой остался, а сосед — вилы, и прогоняете паразитов. А через несколько месяцев на вас, крестьян, бросают блистательного маршала Тухачевского с кавалерией. Но чтобы зря на вас кавалерию не тратить, Тухачевский вас решает потравить ядовитыми газами. И пухнут, чернеют, задыхаются твои соседи. И сам ты подыхаешь. И все твои дети, которые чудом в голод уцелели.

А это помнишь?

...Ты — герой. Должен быть герой! Потому что удерживал эту чертову церковь сутки. Потому что четверых ты точно убил, а пятый пополз, подергиваясь, растягивая за собой ярко-красную широкую полосу, назад и провалился в свой окоп. Но ты не герой: некуда тебе было из этой церкви деться; попробуешь отойти — встретишь НКВД. У тебя — винтовка, у них — ППС. Срежут очередью и бросят кровью блевать. У тебя — своя служба, у них — своя. Гниды... Ваське, который с тобой вместе бок о бок последние два года, с соседней улицы, пуля в щеку попала, все зубы в крошку, кровь не остановить было. А потом фрицы миномет достали, накрыли все-таки, контузило. Пришел в себя — пощадили. Взяли в плен. А товарищ Сталин сказал: нет у нас военнопленных. И тебя — в концлагерь. Сформировали роту, из роты половина с голоду подохла, офицеров всех сразу в расход, и тех, кто правду сказал, и тех, кто врать пытался. Коммунистов прикладами забили. А ты — вы-

жил. И бежал. Перешел линию фронта, к своим! Хотел дальше воевать! Гадам этим... А тебя НКВД — раз... Такая служба. Зубы выбили. Хотели знать: вербовали фрицы тебя или нет. И — на всякий случай — на пятнадцать лет тебя в Коми АССР. В лагерь. Вышел — без зубов, без печени, без желудка. Без души. И потом сколько тебе осталось — десять лет, может — будешь мечтать доказать, что ты не виноват был. А они и не думали, что ты виноват. Они так, на всякий случай.

Не Сталин выиграл Великую Отечественную. Народ в ней победил. А он к народу — к своему собственному народу — относился как к гвоздям, как к цементу, как к арматуре, как к дерьму.

Будь он проклят.

Взгляд из будущего

Примерно в это самое время в России культ Сталина, который до тех пор был уделом идейных

коммунистов и ностальгирующих по юности ма-разматиков, стал потихоньку превращаться в политический мейнстрим. Какие бы репрессии ни затевали в Кремле, стоило помянуть Сталина, как любые путинские ограничительные меры в его тени начинали казаться либеральным миндальничанием. И Путин сам неоднократно говорил: у нас ведь тут не 1937 год, имея в виду свои, в сравнении с пиком сталинских репрессий, как будто бы невероятные либерализм и мягкость. Однако в этом поминании слышалась и угроза: сейчас не тридцать седьмой, но не надо, мол, меня доводить. Лукавство тут видится и в другом: до известной степени Путин примерял на себя мундир генералиссимуса, мечтая перекраивать карту мира вместе с новыми Черчиллем и Рузвельтом, требуя от бывших союзников новой Ялты. И эта сталиномания, эта тяга к исторической реконструкции, а затем и к исторической реновации — к желанию переиграть Вторую мировую по-своему, в духе «Янки при дворе короля

Артура», имея в распоряжении десантуру и ядерное оружие, была среди факторов, подтолкнувших его к войне.

При этом не стоит забывать и того, что сегодня Россией фактически управляют выходцы из ФСБ, наследники КГБ и НКВД; как есть, наследники палачей. И они себя ощущают преемниками прежней власти, являются сторонниками прежних методов, а «Мемориал» — общественная организация, расследовавшая преступления сталинизма и работающая над сохранением памяти о массовых репрессиях, — запрещен и закрыт. И цепных псов на критиков Сталина спустили как раз перед тем, как культ его памяти стал превращаться в тайную кремлевскую религию — которую теперь уже исповедуют явно и без стеснения.

19-07-2012

Жить по лжи

Контекст

В 2012 году Роскомнадзор начал превращаться в ключевой инструмент цензуры, а государство активно готовило законодательную базу и один за одним принимало законы, ограничивающие свободу высказываний. Один из них — «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”» — выделялся среди других. Принятый по инициативе «Лиги безопасного Интернета» православного бизнесмена Константина Малофеева закон фактически легализовал цензуру и дал Роскомнадзору право составлять черные списки сайтов и автоматически блокировать к ним доступ.

На фоне многочисленных сайтов выделялась социальная сеть «ВКонтакте», которая на тот момент не отличалась лояльностью. После протестов

2011 года ФСБ обратилась к гендиректору площадки с требованием блокировать оппозиционные группы, но он отказал. В ответ на это в июле 2012 года члены квазиобщественной организации «Охотники за головами» (часть движения «Народный Собор») потребовали от министра внутренних дел Владимира Колокольцева привлечь основателя ВКонтакте Павла Дурова к ответственности за распространение детской порнографии. Соцсеть отреагировала быстро, заявив, что «автоматические фильтры социальной сети “ВКонтакте” ликвидировали за последние пять дней 1,5 тысячи видеороликов с детской порнографией и заблокировали 960 аккаунтов».

В 2013 году Генпрокуратура требовала закрыть антикоррупционную группу Алексея Навального и группы сторонников Евромайдана, а также выдать данные организаторов — и тоже получила отказ.

В апреле 2013 года (уже после выхода статьи Дмитрия Глуховского) Дурова обвинили в ДТП, в ко-

тором якобы пострадал полицейский. Это дело, скорее всего, использовали, чтобы вынудить бизнесмена продать соцсеть — что он и сделал, а после покинул Россию. К осени 2014 года единственным владельцем сети стала Mail.ru Group, подчинявшаяся олигарху Алишеру Усманову. Новым руководителем соцсети стал Борис Добродеев, сын директора ВГТРК. Сотрудничество соцсети с МВД, выдача данных пользователей по любому запросу и цензура стали с тех пор обычным делом. В 2018 году издание «Проект» провело расследование и пришло к выводу, что ВКонтакте стала лидером среди российских соцсетей по количеству уголовных дел, заведенных на ее пользователей. Чаще всего дела возбуждали по «экстремистской» статье (часть 1 статьи 282 УК РФ), якобы за разжигание ненависти против той или иной группы лиц. На деле к ответственности либо привлекали случайных людей, либо прицельно атаковали местных гражданских активистов, участвовавших в оппозиционной деятельности. В 2022 году, после начала полномасштабного вторжения

России в Украину, публикации во ВКонтакте продолжали оставаться главным источником полицейского преследования россиян за слова — теперь уже за антивоенные высказывания.

Не прошло и недели после того, как Дума приняла закон о введении цензуры в интернете под предлогом борьбы с педофилами, и вот новый закон этот пытаются использовать против одного из самых успешных проектов Рунета — ВКонтакте. Пытаются использовать в лучших традициях «совка» и по учебникам Высшей школы КГБ — устроить провокацию и ответить репрессией.

Меня, в отличие от администрации ВК, это совсем не удивило. Я, если честно, именно такого и ждал.

Пора привыкнуть: мы живем в королевстве кривых зеркал. И ничто в нем не является тем, чем кажется. Так бывает, когда правители боятся своего народа и не доверяют ему. Так бывает, когда они не

могут сказать людям правды о том, как именно устроена власть, как устроено государство, и когда им приходится придумывать и инсценировать какое-то другое государство — сладенькое и идеальное, ничего общего с реальностью не имеющее.

Когда власти принимают закон о борьбе с педофилией в интернете, этот закон читать, разумеется, надо кверху ногами и через зеркало.

От знакомых, близких к властным кругам, я неоднократно слышал истории о том, что на властных вершинах, когда уже ни деньги, ни имущества, ни женщины больше не приносят удовольствия, остаются несовершеннолетние. Самое страшное, самое отвратительное и самое порочное. Нечто такое, что, не имея доступа к определенным ресурсам и определенной защите, они побоялись бы себе позволить. Но, принадлежа к правящей касте, скрепленные круговой порукой, позволяют себе чаще, чем мы смеем думать.

Обвиняя других в самых постыдных собственных грехах, они, с одной стороны, пугают тех, кто подумывал о дезертирстве, — укрепляют партийную дисциплину. Вход — копейка, выход — рубль. Помни, что мы знаем о тебе все...

С другой, поднимая на копье тему священной борьбы с педофилией, они рассчитывают за счет ее святости и неприкосновенности преодолеть общественное сопротивление по самым чувствительным вопросам.

Мне ясно, и любому мыслящему человеку ясно: проблема ВКонтакте не в том, что в ней распространяется некое детское порно. Проблема ВКонтакте в том, что Дуров отказался по указке ФСБ закрывать группы оппозиции во время митингов, и в том, что отказался являться на профилактическую беседу в Большой дом. В том, что вообразил, будто он уже в Кремниевой долине. И вот ему напомнили, что от Питера Колыма куда ближе, чем Сан-Франциско.

Сейчас настало время для победивших на выборах собрать камни и повязать их на шею тем, кто рискнул бросить им вызов.

И вбросы детского порно во ВКонтакте сразу после принятия закона об интернет-цензуре — это черная метка от власти, камень на шею самого динамичного проекта Рунета. Дальше по плану — выступление прокуратуры, заказной и показной суд, рейдерский захват и смещение нынешних управляющих. Если они не поймут намеков уже сейчас.

Учитесь читать через зеркало, ребята. Вам в этом королевстве еще жить и жить.

Взгляд из будущего

Сейчас, одиннадцать лет спустя после этой публикации, прелести жизни в Зазеркалье, где все смыслы перевраны с точностью до наоборот, вкусил каждый россиянин. Разрешенной к публикации остается только ложь, только изначально коверкающие смысл и насилующие

правду пропагандистские штампы, только шаблоны, специально созданные, чтобы оказавшиеся в этом королевстве лжи люди считали войну «миротворческой операцией», захват чужой земли — «освобождением», чтобы не замечали того, что их страна ведет себя как фашистский рейх, благодаря тому что успела первой обозвать нацистами своих жертв. Выход из Зазеркалья зарастает на глазах. Сотни тысяч страниц заблокированы цензурой за то, что на них рассказывалась правда о войне в Украине. Ютьюб в России (в 2023 году) все еще не заблокирован, но и до этого, наверное, уже недалеко.

Но самое главное и самое печальное — люди не просто научились читать через зеркало, но и начали забывать, как смотреть на мир без него.

20–08–2012

В ожидании Лютера

Контекст

В современной России репутацию Русской православной церкви нельзя назвать безупречной: церковь и причисляла к лику святых криминальных авторитетов, и беспошлинно импортировала табак и алкоголь, и открыто поддерживала действующую власть в предвыборной агитации.

Но в 2012 году Церковь попала в череду знаковых скандалов.

В апреле на официальном сайте РПЦ появилась фотография патриарха Кирилла со следами неумелой ретуши: с запястья исчезли часы фирмы Breguet стоимостью 30 тысяч евро, которые остались в отражении столешницы. Патриархия сначала пыталась все отрицать, но затем заявила, что имела место «грубая ошибка ретушера».

Параллельно в прессу просочилась информация о судебном процессе между патриархом Кириллом и бывшим министром здравоохранения России Юрием Шевченко. Представители патриарха обвиняли Шевченко в причинении ущерба недвижимости патриарха — пятикомнатной квартире в доме напротив Кремля. Кирилл заявил, что собственность ему еще в 1994 году предоставил заместитель мэра Москвы, а проживает в ней его родственница. Летом того же года 26-летний иеромонах Илья (в миру — Павел Семин), находясь за рулем Mercedes-Benz Geländewagen, въехал в группу рабочих на Кутузовском проспекте Москвы. Авария унесла жизни двух человек, сам Илья сбежал с места происшествия, бросив машину. Иеромонах работал секретарем епископа Дмитровского Александра; в ходе следствия стало известно, что в собственности иеромонаха находились автомобили BMW 740Li, Mercedes SL500, а также несколько квартир в Москве и области.

Не раз вызывал публичную критику Храм Христа Спасителя, главный кафедральный собор России. РПЦ не только получает на него субсидии от мэрии Москвы, но и зарабатывает на нем самыми разными путями. Здесь сдаются залы под мероприятия, работает автомойка, дом исламской моды, автосалон.

Я крещеный, но в бога не верю.

Не могу верить в бога, которого представляет карьерист с часами за тридцать тысяч евро на лимузине со спецномерах и гособхраной, но не брезгующий мелочным квартирным рейдерством. Потому что публично этот человек призывает к скромности и смирению. А я не хочу, чтобы мой бог терпел лицемеров и лжецов в своей церкви, иначе выходит, что он им потакает и покровительствует.

Не могу верить в бога, послы которого — пьянь на спортивных кабрио и бандитских «гелендвагенах», не ценящие ни своей жизни, ни чужих, прислу-

живающие генералам, звездам, сенаторам, делящие с ними вино и женщин. Потому что служители не должны быть слугами — и не должны обезьянничать вслед за своими хозяевами.

Не могу верить в бога, который позволяет от своего имени за черный нал прощать головорезов, педофилов и воров. Деньги, которые эти люди «жертвуют на храм», отравлены, и святости в храмах, которые на них возведены, быть не может. А вы — те, кто пытается занести богу, знайте: вы просто дешевую психотерапию покупаете; от себя откупаетесь, не от него. Думаете, карманные ваши попросят там за вас? Да ваша вера еще сильнее их веры будет! «Пожертвования» ваши — не Церкви, а немецкому автопрому, а вам — гореть вместе с теми, кто вам индульгенцию продал. Не могу верить в бога, который терпит, как его храм превращают в торгово-развлекательный центр; не он ли начал с того, что изгнал торговцев из Храма?

Не могу верить в бога, жрецы которого мстительны и мелочны, совокупляются со властью и

ублажают ее, надувают ее сдувшийся воздушный шар душами своих прихожан и требуют расправы над теми, кто их изобличает.

Мне скажут, что я изобличаю только Церковь, что не бог лепится к Церкви, а наоборот. Что ее дела его не порочат и что он вообще не в доле. Скажут, что я говорю о священниках, а священники — просто люди, земные и грешные. Скажут, что РПЦ — это не вся Церковь, да и Церковь, в конечном итоге, просто организация.

Меня будут топить в теософской казуистике, а могут и просто утопить, и с их связями это им вполне сойдет с рук. В конце концов, похоже, что нынешнее поколение управленцев Русской православной церкви не без зависти изучает бизнес-опыт церкви Римско-католической, а их опыт вполне позволяет топить инакомыслящих — как и жечь на кострах. Сгущаю краски? Ничего, первый приговор православной инквизиции уже вынесен — в прошлую пятницу. И неважно, что выносил его светский

суд, потому что разделения Церкви и государства у нас нет.

Я хотел бы верить в бога — так было бы куда спокойней и осмысленней, уютнее жить, — но не получается. Пока посольство бога на земле — эти люди, я к такому богу отношения иметь не хочу. И я такой не один.

А ведь История уже видела все это: торговлю индульгенциями и местами в церковной иерархии, видела блядствующих святош и пап-политиканов, громадные соборы, отстроенные на деньги убийц и ростовщиков, видела охоту на ведьм.

История видела людей, которые хотели верить в бога, но не верили людям, которые требовали в этого бога верить.

Для Римско-католической церкви это все уже кончилось Реформацией и расколом. Для Русской православной это неизбежно закончится тем же.

Наш Лютер грядет.

Взгляд из будущего

Русская православная церковь за прошедшие годы окончательно стала частью машины власти и перестала даже изображать независимость от государства, активно поддержав войну с Украиной. И одно дело — воровать и потакать власти, а другое — призывать к братоубийственному кровопролитию, к истреблению единоверцев и оправдывать это: не вижу, как РПЦ сможет замолить это свое грехопадение.

Придется когда-нибудь обнулять и переучреждать эту организацию: на месте бассейна «Москва» построили явно что-то не то, надо, видимо, опять бассейн и опять строить. Но на сей раз не на гнилые государственные и рэкетом у бизнеса отнятые деньги, а на народные пожертвования. И пусть на такую державную громаду не хватит, а хватит на скромный храм, но этот храм пусть будет под богом и для людей, а не под Кремлем и для бандитов.

Впрочем, сделать это без переучреждения самой России отсюда, из 2023 года, возможным не видится.

09–12–2012

Почему сдулся я и почему сдулась революция

Контекст

В декабре 2011 года (за год до выхода колонки Дмитрия Глуховского) в Москве, а затем и в других городах начались массовые протесты против фальсификации итогов парламентских выборов. Первый протестный митинг прошел 5 декабря 2011 года на Чистых прудах в Москве, затем, в течение нескольких дней, люди выходили на Триумфальную площадь. 10 декабря прошел массовый митинг на Болотной площади в Москве.

24 декабря 2011 года состоялся большой протестный митинг на проспекте Сахарова в Москве. На митинге были даже те, кто считался элитой путинского режима: со сцены выступал экс-министр финансов Алексей Кудрин (и был освистан протестующими) и телеведущая Ксения Собчак, в толпе

был замечен миллиардер Михаил Прохоров, который в тот момент занимался политической деятельностью (по всей видимости, в согласованных с Кремлем рамках) и выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы 2012 года.

Своего пика протесты достигли к середине зимы 2011–2012 годов, а власть даже пошла на уступки, вернув губернаторские выборы, отмененные еще в 2004 году. Правда, к весне протесты потеряли силу, а власть вернулась к репрессиям, символом которых стало «Болотное дело». После победы Путина на выборах весной 2012-го оппозиция решила выйти на массовый митинг «Марш миллионов», который назначили на 6 мая — за день до инаугурации. Полиция мешала протестующим пройти на площадь, начались столкновения и задержания. Фигурантами уголовного дела стали несколько десятков человек, из которых почти 20 получили реальные сроки.

К осени протестное движение практически сошло на нет, а задуманный для консолидации Координационный совет оппозиции не смог проработать долго и в целом оказался неэффективен.

В контексте протестов 2011–2012 годов были очень важны споры о соотношении протестного, профессионального и активистского. Среди организаторов митингов и выступающих на них было немало журналистов (от Олега Кашина и Артемия Троицкого до Сергея Пархоменко и Дмитрия Губина), и в журналистской среде было немало споров — можно ли «прикрывать» свое участие в митингах журналистскими пресс-картами. Одни журналисты специально показывали, что идут как граждане, а не как репортеры на задание. То же самое казалось важным проговорить и многим известным участникам протестов — они отказывались от выступлений на сцене, подчеркивая, что приходят на протесты как обычные участники. Власть, оправившись от первого шока, вызванного массовыми протестами,

перешла в наступление. Государственная Дума ужесточила наказание за участие в несанкционированных протестах, увеличила штрафы для организаторов за нарушения на акциях протеста и запретила ношение масок. Каждый митинг в 2012 году оппозиция стремилась согласовывать, руководство МВД и городские власти всячески затягивали этот процесс, предлагали менее выгодные места или вовсе отказывали.

Своеобразным наследием протестов стал избранный осенью 2012 года Координационный совет оппозиции. В его состав избрали 45 человек — 30 по общим спискам, еще 15 — от трех разных фракций (левые, националисты, либералы). Хотя сам совет оказался неэффективным и больше времени потратил не на организацию протеста, а на выработку своего собственного регламента, своим появлением он явно встревожил власть. К 2023 году из 45 человек, избранных в Совет, в России осталось всего несколько. Алексея Навального в августе 2020 года отравили, а с января 2021 года он находится в

тюрьме; Бориса Немцова убили в феврале 2015 года в центре Москвы; левого политика Сергея Удальцова посадили, большинство других членов совета со временем были объявлены иноагентами или стали фигурантами уголовных дел. По-прежнему на свободе, живет в России и при этом играет активную общественную роль только Ксения Собчак, дочь мэра Петербурга, при котором некогда работал Владимир Путин, и, по слухам, путинская крестница.

Конечно, мы все ходили на митинги, чтобы защищать свободу. Но ведь у каждого еще и личные причины были. Давайте я о своих исповедуюсь.

На самый первый митинг, 5 декабря прошлого года на Чистых прудах, я не пошел. Потому что был ливень и потому что я думал, что никто не пойдет.

Пошел на следующий день на несанкционированный митинг на Триумфальной, где было человек пятьсот, кажется. И еще несколько тысяч растянуто вдоль Садового. Пошел, потому что показалось — История мимо проходит, и потому еще, что стало

стыдно за вчерашнее малодушие: писать гневные посты в Фейсбуке каждый горазд, а выйти за декларируемые убеждения на улицу — тут надо духу набраться. Так мне тогда казалось. На Триумфальную ехал с паспортом, всерьез готовый к пятнадцати суткам в КПЗ.

Не случилось моих пятнадцати суток. Ни тогда, ни позже.

На Болотную шел из принципа, проверяя себя на слабо, видя стягивающуюся в Москву милицейскую технику, и опять с паспортом и с драматическим, даже трагическим, настроением, уверенный, что больше пяти тысяч не наберется и что будет мясо. Пришли семьдесят тысяч, и это был первый раз, когда я почувствовал: сейчас такой момент настает, когда все можно поменять. Пассионарный миг. Семьдесят тысяч вдруг подобрались к самым глиняным ногам колосса, облепили их — и тот побоялся давить муравьев.

Был этот волшебный миг, был: когда казалось, что у нас — бархатная революция, август девяносто

первого, что мы можем сейчас чуть поднажать — и оно покатится, полетит, рассыплется, развеется, пройдет, как морок. Что для этого нужно сделать? Кремль в кольцо взять? Садовое заблокировать? Всеобщую забастовку объявить? Не знаю. И, видимо, никто не знал. И ничего не делал.

Потом я приходил на Сахарова. Уже скорее потусоваться со школьными друзьями: я именно с ними всегда и митинговал. Мне казалось, так правильней: делать это с теми, кого знаешь с детства, перед кем не надо играть. На митинги, думал я, надо ходить именно так: в толпе. Не как *guest star*, а как любой участник.

По той же примерно причине я на трибуну ни разу не лез и не просился, потому что мне казалось: для мало-мальски публичного человека тут очень тонкая грань между гражданской позицией и самопиаром. Как, впрочем, и в политике вообще. Я думал так: если я через свои какие-то контакты прошусь на трибуну, лезу под камеры — значит, я не по совести это делаю и говорю, а ради славы. О славе мало-

мальски публичному человеку совсем забыть не получается, но можно ведь с собой бороться.

Потом приходил еще на «Белое кольцо»¹. Ну что, было весело, конечно, но уже стало появляться ощущение, что борьба выродилась в скоморошество, event making. Мыльнооперные эпопеи с согласованиями митингов — выпрашивание у власти разрешения провести революцию — тоже сбили жар.

Ну и на Новый Арбат ходил. Потом был на «прогулке писателей»² — за компанию — и еще летом один раз, уже так, по инерции, вообще безо всяких

¹ «Белое кольцо», или «Большой белый круг», — условное название протестных акций, которые прошли в Москве 26 февраля 2012 года. Участники вышли на Садовое кольцо без плакатов, с белыми лентами или цветами, и, взявшись за руки, замкнули круг; по оценкам прессы, в акции приняли участие 34 тысячи человек.

² 13 мая 2012 года, вскоре после беспорядков на Болотной и инаугурации Владимира Путина, по инициативе писателя Бориса Акунина прошла акция «Контрольная прогулка». По разным оценкам, в прогулке приняло участие от 17 до 20 тысяч человек, а из известных людей — писатели Дмитрий Быков и Людмила Улицкая, журналист Сергей Пархоменко, поэты Сергей Гандлевский и Лев Рубинштейн, сатирики Виктор Шендерович и Игорь Иртеньев, карикатурист Андрей Бильжо, музыканты Андрей Макаревич и Алексей Кортнев.

надежд. А потом перестал ходить. И пятнадцатого не пойду³.

Сейчас многие в оппозиции каются, что делали не то и не так. Что надо с народом было говорить, а не самим с собой. Что надо было не креативные плакатики рисовать о том, что Путин — вор, а отправлять ходоков к бабулькам и агитировать их про ЖКХ. Не думаю, что это помогло бы.

Для успеха бархатных революций не нужно, чтобы десятки миллионов выходили на улицу по всей стране. Достаточно пятисот тысяч в столице.

Прошлогодние выступления были бунтом сытых. Вышел средний класс, который уже насытился желудочно и, согласно пирамиде Маслоу, захотел уважения. Его унизили мерзотными балаганными выборами в Думу — и он вышел дать ответную пощечину. И дальше выходил каждый раз, когда власть чем-то раздражала его. И я выходил тоже,

³ 15 декабря 2012 года в Москве от 700 человек (по оценкам полиции) до 5000 (по оценкам оппозиции) пришли на Лубянскую площадь к Соловецкому камню возложить цветы. Акция закончилась задержаниями.

потому что думал: нет, ну вот сейчас это проверка — схаваем или не схаваем. Созванивался с друзьями, и шли.

Так чего ж я сдулся?

Не потому что боялся ОМОНа или новых их придурковато-драконовских закончиков. А потому что смысла нет: пассионарность выдохлась, момент прошел, борьба на данном историческом витке — проебана. Увы.

И потому что — все же признаем — наша сегодняшняя жизнь терпима. Трындим себе в Фейсбу-чике, зарплату нам не понижают, в Европу как ездили, так и ездим. Думали, что диктатура будет — а они Луркоморье⁴ в список запрещенных сайтов

⁴ Луркоморье (англ. Lurkmore) — неофициальная российская интернет-энциклопедия интернет-мемов и историй, позиционировавшая себя как «энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур, а также всего остального». 11 ноября 2012 года IP-адрес сайта был внесен в Единый реестр запрещенных сайтов по решению ФСКН. Сайт прекратил работу после вторжения России в Украину в 2022 году.

внесли. Ждали Пиночета, но Пиночет людей с вертолетов в море сбрасывал, чтобы без следов, а Путин со стерхами летает⁵.

Нет борьбы, потому что бороться опять не с кем. Нет режима, нет Системы — есть трясина, вся их властная вертикаль — горизонталь на самом деле, круговая порука между прокурорскими, судейскими, налоговиками, АП и т. п. на всех уровнях; это не колосс все же, а жидкая глина, колоб теста в плесени. А им и выгодно тестом быть, потому что тесто победить труднее.

⁵ В сентябре 2012 года Владимир Путин совершил полет на мотодельтаплане. Сам полет был частью проекта орнитологов по спасению редкого вида журавлей — стерхов. Молодые стерхи сами, без вожака, не могут найти путь на зимовку — в этом им нередко помогают орнитологи; осенью 2012 года помочь журавлям решил президент России. Президент Путин, переодевшись в белый халат и шлем (все вместе это должно было «обмануть» стерхов и показать им, что Путин — их вожак), сел за штурвал мотодельтаплана и стал вести птиц за собой. Полет, впрочем, оказался не очень успешным: стерхи не смогли влиться в стаю серых журавлей, с которыми они должны были долететь до Казахстана и Узбекистана, а сам Путин повредил спину при посадке.

Ну и да, не оказалось среди лидеров оппозиции харизматиков, не родила снежная революция героев. Все слишком толкались, слишком стеснялись, слишком извинялись. Слишком воспитанные люди там собрались, вот что, но при этом не без склонности к самолюбованию. Навальный разве? — душка, конечно, но это его и портит. В общем, слушал их речи — и в целом «ну, да», но сердце в унисон как-то не застучало. Направление, в общем, ясное, но идти не за кем. Может, и в этом тоже проблема.

Устроив из выборов театр Образцова, кооператив «Озеро»⁶ поставил на газовую плиту сковородку с закрытой крышкой. Митинги разрешали, чтобы крышку приподнять; в целом, сработало. А теперь

⁶ Дачный кооператив «Озеро» был учрежден Владимиром Путиным и его друзьями в 1996 году; сам кооператив находится в Карелии, рядом с озером Комсомольское. Практически все члены кооператива стали при президенте Путине крупными государственными чиновниками. Например, Владимир Якунин стал руководить РЖД; Юрий Ковальчук — крупнейший совладелец и председатель совета директоров банка «Россия», владелец «Национальной медиагруппы»; сын Николая Шамалова (совладельца банка «Россия») был мужем дочери Владимира Путина.

есть Координационный совет, кажется мне, инфильтрованный эмиссарами Управления внутренней политики Администрации президента — идеальный чайник со свистком. И пар выходит, и шум генерируется, и не выкипает. Создан орган, который как бы не признает власти, но де-факто, выходит, все равно вынужден существовать в ее системе координат, а значит, обволочен ей и уже переваривается.

Отчаянно тыркнувшись в прошлом декабре, мы могли — на волшебстве, на энтузиазме, на очаровании момента, на революционном адреналине, на эффекте неожиданности — что-то изменить. Но нет. Не сумели.

И я — как простой обыватель, который на эти митинги ходил — могу за себя так сказать. На следующий митинг не пойду. И не пойду, пока не почувствую: вот сейчас снова созревает. Сейчас снова складывается ситуация. Сейчас я вышел бы на улицу не для того, чтобы камерам «виктори» показать или плакатик креативный, а если был бы шанс поменять судьбу страны.

И нечего нам переживать, что нынче ста тысяч на Болотную больше не собрать — а им нечего этому радоваться. Эти люди не делись никуда, и власть они не полюбили. Просто поистратили задор на ивенты, не дотерпели до революции. Спрятали фигу в карман и ждут, что дальше будет. А когда будут руки в следующий раз из кармана доставать — кто знает, не окажется ли в кулаке зажат булыжник.

Взгляд из будущего

С тех пор никакие события, даже развязанная Путиным война с Украиной, не смогли мобилизовать протестное движение в тех же масштабах, в каких оно развернулось в 2012 году. Власть победила, раздробив, запугав, убив, посадив или кооптировав протестующих. Власть билась за свое выживание и была готова биться насмерть, а протестующие только играли в революцию — и нет ничего странного в том, что они проиграли.

Я говорю «они», хотя стоило бы сказать «мы», потому что и сам я просто играл в революцию, просто кокетничал, говоря, что готов платить за свободу цену. Я, на самом деле, тогда испытал некоторое облегчение от того, что протесты «сдулись» — и что можно было вернуться в комфортную рутину жизни, свободную от необходимости противостоять власти и рисковать... Пусть и все менее свободную со всех остальных точек зрения.

И нет, по сей день протестующие в России не решились взять в руки булыжник. Вероятно, потому что и тогда, и даже сейчас на кону у тех, кто выходил на улицы, не стояло личное выживание — а наказание за бунт в России ужесточилось сильно. Сегодня, помимо и без того строгих мер пресечения, полагающихся по закону, активистам грозят избиения, изнасилования и публичное унижение, которым все чаще подвергают задержанных полицейские — разумеется, с согласия политического руководства страны.

Война с Украиной стала для общества настоящим шоком, но на улицы российских городов вышли всего несколько десятков тысяч человек. Более шестнадцати тысяч были задержаны полицией за участие в акциях — и очень скоро протесты сошли на нет. И даже когда власти объявили мобилизацию, когда возник реальный риск для каждого мужчины подходящего возраста быть призванным, отправиться на фронт и умереть ни за что, то есть когда война превратилась из телешоу в реальность для каждого россиянина, это не вызвало новой протестной волны. Единственный протест, на который оказались способны некоторые — бегство за пределы России, чтобы не быть призванными.

Протестное движение оказалось совершенно деморализовано и кажется уничтоженным. И я не знаю, сможет ли оно когда-либо воспрянуть в путинской России. Возможно, следующими, кто окажет сопротивление режиму, будут вернувши-

еся с войны фронтовики — разумеется, по традиции обсчитанные и кинутые властью; но это будет совсем другой протест — жестокий и отчаянный, и требования у него будут другие, и готовность к компромиссам у него будет нулевая.

Но у этого протеста будут и другие хроникеры, и другие певцы. Не такие малахольные, как мы, и куда более безжалостные.

10–04–2013

Бога нет

Контекст

После протестов 2011–2012 годов власть принимала все новые законы, ограничивающие политическую свободу. Но это давление никогда не шло лишь из одной точки — важную роль стали играть провластные движения, а после приговора Pussy Riot фактически новым политическим институтом стала Русская православная церковь. Сам процесс стал еще одним поводом ужесточить законодательство. Уже через месяц после приговора панк-группе в Госдуму внесли на рассмотрение проект поправок в статью 148 Уголовного кодекса РФ, которая стала известна как статья «об оскорблении чувств верующих». В июне 2013 года изменения приняли: верхняя планка наказания «за публичные действия в целях оскорбления чувств верующих» поднялась до 3 лет тюрьмы. Вскоре о «духовности» и вовсе заговорили

как о требовании власти к обществу. В декабре 2012 года, выступая с посланием Федеральному собранию, Путин заявил, что российскому обществу не хватает «духовных скреп». Президент пояснил, что россиянам не достает милосердия и сострадания: «Дефицит того, что во все времена делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились».

И не будет, пока вы не докажете мне обратное. Это мое мнение, и до вчерашнего дня я мог об этом говорить. Мог спорить с теми, кто считает, что бог создал небеса, землю и всех живых тварей на ней за шесть дней. Но отныне в Российской Федерации я должен держать свое мнение при себе. Потому что, заявив, что бога нет, я могу оскорбить чувства тех, кто в него верит. А это у нас теперь уголовное преступление.

Государственная Дума приняла закон, по которому публичные действия, оскорбляющие чувства

верующих, могут быть наказаны не только штрафами, но и исправительными работами. Некоторые из законодателей хотели бы карать за богохульство и тюрьмой, и я не вижу ничего фантастического в том, что скоро за фразу «бога нет» будут сажать.

Мне теперь тяжело придется. Я, несмотря на возраст, еще советской чеканки и думаю, зацикленность на национальности и на религии — вредная душевная болезнь. А для такой пестрой страны, как Россия, — смертельная.

Права на свое мнение я больше не имею, потому что мнения не имеют ценности, когда ведома Истина. А Истина в нашей стране известна депутатам ГД РФ. Кто же они, паладины веры?

Бывшие комсомольские вожаки, потом ушедшие в бизнес разной степени сомнительности. Профессионалы, скачущие из партии в партию и из идеологии в идеологию, не переодевая презервативов. Чиновники, сделавшие карьеру в нашей стране, известной всему миру тем, что именно тут госслужба — не работа, а бескорыстное служение.

Спортсмены со стертыми суставами и артисты, которых покинуло вдохновение, но на потускневшую харизму которых все еще можно прикупить мертвых душ электората. А мы с вами, души умирающие, если напряжемся, вспомним еще, как выбирали их полтора года назад.

Сомнений нет: все депутаты наши — люди глубоко верующие и истинно набожные⁷. Не крадущие, не прелюбодействующие, не стяжающие.

Крестящиеся, даже когда рядом нет телекамер. Терпимые к мнению других и прощающие, как учил их Господь. И сами-то готовые ежесекундно принять постриг, кабы было на кого оставить заботы об Отечестве С Большой Буквы.

⁷ Одним из публичных защитников закона выступал депутат Госдумы, боксер Николай Валуев. В интервью православному журналу «Фома» в 2013 году он заявил: «Я считаю, что в России такой закон должен был быть принят уже давно. У нас разбивается понимание того, кто такой человек, каково его место в мире. Разрушается институт семьи и институт религии. В СМИ активно навязывается идеал потребления и полный нигилизм. Идет повсеместное отрицание всего и вся — уважения к личности, к семье, к Богу. Это превращает общество в дезорганизованное стадо».

И поскольку сами они безупречны и безукоризненны, принципиальны и высокодуховны, то кто, как не они, облечены правом определять, что именно оскорбляет чувства верующих, и кто, как не они, могут решить, за что и как карать богохульников.

Что же говорят они нам? Если государство не будет наказывать нечестивцев, за них примется общество. Казаки, мол, уже даже приезжали на «Винзавод»⁸, обуянные праведным гневом, и всё рвутся патрулировать московские улицы, а уж что будет с теми, кто как-то обидит бога на территории Чеченской Республики, Государство Российское даже и поинтересоваться боится. Поэтому, как Pussy Riot,

⁸ В сентябре 2012 года к московскому арт-пространству «Винзавод» — конкретно к галерее Марата Гельмана — приехала группа казаков. Они выражали недовольство выставкой «Духовная брань», которая как раз должна была начать работу. У входа в галерею собралось около 20 человек, которые не давали никому пройти на территорию галереи. Группа православных активистов под гитару пела песни о боге.

всех оскорбивших чувства верующих придется за-
пирать в колонии, чтобы народные мстители не за-
били их камнями на Красной площади.

Потому что казаки-то — самостоятельная и
неудержимая политическая сила, особенно в
Москве. И потому что последнее, что надо делать с
мусульманскими религиозными экстремистами —
просить их соблюдать УК, а не шариат.

И не говорят ведь народные избранники, как
именно можно оскорбить чувства верующих. Если
внутреннее состояние пострадавшего изменилось,
если он унижен публично — все, перчатка брошена.
Пусть наш самый независимый в мире суд решает,
что есть оскорбление, а что нет, пока за него боро-
дачи с пулеметными лентами на голое тело не ре-
шили.

Я вот говорю: бога нет. Какого-нибудь верую-
щего это точно оскорбит. Но что мне теперь — мол-
чать, что ли? Если молчать, скоро биологию в шко-
лах на закон божий заменят.

Владимир Познер всем телезрителям на радость назвал Думу «дурой»⁹ — якобы не зная, что Дума просто хором озвучивает либретто, написанное в Администрации президента; прошедшего через лоботомию можно, конечно, обзывать дураком, но это некрасиво и нечестно.

А на Старой площади, где сидят люди вроде бы с лобными долями, видимо, убеждены, что действуют во благо Родины. А ведь, работая в АП, нельзя в бога верить; каждый день, небось, такого наслушаешься, что точно понимаешь: может, он и был когда, но сейчас вышел.

⁹ В декабре 2012 года телеведущий Владимир Познер, работающий на российском телевидении с советских времен, в монологе, завершающем его авторскую программу, выразил свое отношение к «закону Димы Яковлева», который ввел запрет на усыновление российских детей гражданами США. Назвав подписанный Владимиром Путиным акт «бессмысленным и лицемерным делом», Познер назвал Госдуму «Государственной дурой»: «Способ мышления, который продемонстрировала Государственная дура... ой, простите, оговорился, Государственная Дума, поражает. Когда люди, представляющие страну, принимают решения, которые, на мой взгляд, выставляют страну на посмешище, в этом нет ничего хорошего».

Бездуховные горлопанят о духовности, воры разворачивают знамя борьбы с коррупцией, матерщинники запрещают брань, неверующие идут в Инквизицию — не это ли последние времена?

Может быть, они думают, что чем больше нам всего запретить, тем проще потом нами управлять. Наверное, считают, что так помогают Красну Солнышку на троне усидеть. Может, верят даже, что мешают стране развалиться.

Только какой стране? Средневековому фундаменталистскому государству? Православной Саудии? Забудут ведь, что это все когда-то понарошку было, заиграются. И будут жить счастливо — с бородами до пупа, с ятями и без электричества.

Хорошее будет княжество, маленькое и уютное. Но не мое, не родное. Я, если успею, уеду куда-нибудь. Туда, где за «бога нет» голову не отрубают.

Взгляд из будущего

Вызывание демонов религиозного фундаментализма, которым с таким тщанием занималась власть, принесло свои плоды. Мусульманские республики Северного Кавказа, в особенности Чечня, превращаются в эмираты, где фундаменталистский ислам играет роль государственной идеологии. В христианской части России тем временем расцвели ультраконсервативные общественно-религиозные движения вроде «Сорок сороков», которые, впрочем, поддерживаются провластными — и кормящимися от власти — олигархами.

Эти движения, когда-то сконструированные и спущенные в народ сверху, смогли пустить корни и начинают теперь уже без прямой указки от своих создателей диктовать повестку. Хотя, как и тогда, я по-прежнему убежден, что народы, населяющие мою страну, гораздо в большей степени суеверны, чем религиозны.

Совершенно очевидно, что, лепя этих големов, власть надеялась противопоставить их естественному и опасному для себя вектору развития общества, которое хотело двигаться в будущее — в сторону бОльших свобод и прав, большей глобализации и открытости, большей подотчетности власти и ее сменяемости. Легионы блюстителей нравственности должны были загнать народ обратно в прошлое, и даже не в советское, а в средневековое, загнать обратно в стойло.

И часть этих големов действительно бродит ныне по просторам нашей Родины, причитая, изрыгая проклятия и иногда нападая на тех, кого обозначат их заклинатели в качестве ситуативного супостата. Однако есть у меня большие сомнения, что, если перестать подпитывать их финансово и покровительствовать им уголовно, големы эти не засохнут и не рассыплются в пыль. А уехать я успел — за месяц до украинской войны, впрочем, не убегая от фундаменталистов,

а по делам; но вернуться в Россию уже не смог, потому что был там объявлен в розыск за мою антивоенную публицистическую деятельность. По состоянию на лето 2023 года, когда я пишу этот сопроводительный текст, головы в России все еще не рубят, но за попытку рассказать людям о военных преступлениях Российской армии дают до десяти лет лагерей, а если это еще и сопровождается личной критикой Владимира Путина, закон позволяет посадить на все пятнадцать.

05–05–2014

Врать не больно

Контекст

Отношения России с Украиной в нулевые и десятые годы то улучшались, то снова обострялись — и на каждом этапе градус этого обострения становился все выше, а спокойные периоды все короче. Но в 2013 году начался новый этап. В ноябре украинский президент Виктор Янукович отказался подписать договор об ассоциации с Европейским союзом, что привело к массовым протестам в Киеве. Вышедшие на улицы люди выступали не только против решения Януковича, они требовали демократических реформ и сближения с Европой, а не Россией. На раннем этапе активными участниками протестов были студенты, но после их жесткого избиения полицейскими возмущение охватило все общество.

В феврале 2014 года начались столкновения между протестующими и правительственными силами, а Виктор Янукович сбежал в Россию. Одновременно с этим в Крыму, который тогда был автономной республикой в составе Украины, начались протесты с требованиями проведения референдума, а на полуострове появились вооруженные люди без опознавательных знаков, которые заняли административные и военные объекты. Уже позже Владимир Путин признает, что на полуостров высадился российский спецназ.

В конце февраля действующее правительство отправили в отставку, а регион возглавил лидер партии «Русское единство» Сергей Аксенов, который обратился к России «за содействием в обеспечении мира и спокойствия». Это позволило официально объявить, что российские войска на полуостров ввели для защиты русскоязычного населения.

Несмотря на международные дипломатические усилия по урегулированию ситуации, в марте 2014 года был проведен референдум о присоединении

Крыма к России. По официальным данным, более 96% проголосовавших высказались за «воссоединение» с Россией. ООН признала этот референдум недемократическим и незаконным, а многие страны отказались учитывать его результаты и поддерживали территориальную целостность Украины. Тем не менее Россия аннексировала Крым и приняла полуостров в состав своей территории. В ответ против России ввели санкции США, Европейский союз и другие страны.

Статья Дмитрия Глуховского написана уже после начала конфликта на востоке Украины, когда Славянск, Краматорск и Артемовск захватил вооруженный отряд сепаратиста Игоря Стрелкова, а в Одессе 12 мая в пожаре в Доме профсоюзов погибли участники пророссийской манифестации.

Начавшаяся война сразу же стала влиять на внутреннюю обстановку в России. Весной 2014 года, незадолго до «референдума» о присоединении Крыма, Роскомнадзор заблокировал несколько сай-

тов — Грани.ру (оппозиционное интернет-СМИ, основанное опальным олигархом Борисом Березовским), Каспаров.ру (сайт чемпиона мира по шахматам и оппозиционера Гарри Каспарова), блог Алексея Навального в Живом журнале и на сайте «Эха Москвы», «Ежедневный журнал». Новые репрессивные возможности использовались широко, но гибко. Не любое высказывание становилось поводом для преследования, но важно, что оно могло им стать, когда это было удобно властям.

Не всегда цензура исходила напрямую от государства. Многие медиа стали жертвой «независимых решений» собственника: в ноябре 2011 года с поста главреда Газета.ру уволили журналиста Романа Баданина, в декабре 2011 года уволили главного редактора еженедельника «Коммерсантъ-Власть» Максима Ковальского, в марте 2014 года уволили Галину Тимченко, главного редактора Лента.ру (в тот момент — самого читаемого онлайн-медиа страны). Вслед за ней издание покинула

большая часть редакции. Новые главные редакторы, поставленные на их места, стремительно превращали эти СМИ в полностью лояльные Кремлю.

Пока власти выстраивали новые цензурные правила, государственные журналисты активно работали над созданием «правильного» пропагандистского образа всех событий, происходивших в течение года. Их работу оценило государство. 5 мая 2014 года, примерно через полтора месяца после присоединения Крыма к России, газета «Ведомости» сообщила о том, что Владимир Путин тайно наградил более 300 российских журналистов за «объективное освещение событий в Крыму». Среди прочих награды получили гендиректор НТВ Владимир Кулистиков, руководитель Роскомнадзора Александр Жаров, главный редактор агентства «Россия сегодня» Маргарита Симоньян, главный редактор «Комсомольской правды» Владимир Сунгоркин и гендиректор холдинга Life News Арам Габрелянов.

Самым большим удивлением во всей нынешней ситуации для меня стало стремительное — нет, моментальное — оскотинивание наших СМИ. Все, кто еще вчера хоть как-то пытался притворяться журналистами, сегодня лупят пропаганду — оголтелую, примитивную, злую.

Наше телевидение — как прорвавшийся гнойник, любимые мной когда-то «Газета» и «Лента» — стеклянноглазые пустые чучела прежних себя. Никакой журналистики в стране не осталось. Люди — обычные, вменяемые, казалось, — забыли обо всем и врут, врут, врут! Врут накрашенные телочки в «Вестях» и на Первом, врут корреспонденты, врут по мелочи редакторы и врут по-крупному главные редакторы.

А как так у них, интересно, получается? Ведь вроде бы еще два месяца назад были люди как люди. Ведь все те, кто сегодня так отчаянно, так страстно врет — не могли же за месяц полностью переродиться.

Известно, что человек, вынужденный обстоятельствами врать и подличать, всеми силами старается избежать когнитивного диссонанса — и со всех сил собирает сведения, которые помогли бы ему оправдать себя, доказать себе, что вовсе он не лжет и не подличает. Рациональное мышление тут ни при чем: все решается эмоциями. Лжецы и подлецы ведь не могут жить, считая себя такими. Поэтому они убеждают себя, что их правда — такая. Что лгут — другие. Что они — просто защищают себя и свою сторону. И потому — правы. Их позиция уязвима, хрупка, и очень важна любая поддержка для этих лжецов и подлецов: их ведь в детстве пытались воспитать хорошими людьми, и им теперь приходится нелегко. Любая похвала, любое признание им важно.

И вот читаем: Владимир Путин наградил орденами более трехсот журналистов за «объективное освещение событий в Крыму». Ну и вообще в Украине. Ордена и медали — корреспондентам, ведущим, шоуменам, главредам... «Александры Невские», «За

заслуги перед Отечеством» и «ордена Почета». Ладно корреспонденты еще — в пекло по приказу лезли. А Кулистикову с Соловьевым за что?!

Первое, что приходит в голову, — это не трудовые награды, а боевые. Ведь время якобы военное, а значит — с той стороны враги, а значит — перо нужно приравнять к штыку. На войне как на войне.

А потом задумаешься: а кто эту войну начал? Кто заклинал бендеровцев¹⁰ и фашистов, УНА-УНСО, кто раздувал истерию среди русскоязычных украинцев и украинских русских, кто полгода рассказывал им о львовской резне на завтрак и о харьковских по-

¹⁰ «Повторю, он (Крым) будет, как и было веками, родным домом для представителей всех живущих там народов. Но он никогда не будет бендеровским! (Бурные продолжительные аплодисменты)». (18 марта 2014 года) Это цитата из так называемой «Крымской речи» Путина, произнесенной в Кремле в честь присоединения Крыма к России. В ней Путин — уже не в первый раз — назвал сторонников украинского националиста Степаны Бандеры не «бандеровцами», а «бендеровцами» — то ли используя просторечную форму для снижения значимости оппонента, то ли по незнанию. Эту особенность отметили в 2014 году — с тех пор Путин (а вслед за ним и пропагандисты) стали часто использовать именно такую форму произношения термина в речи.

вешениях на обед? Кто превратил «Правый сектор»¹¹ из кучки площадных маргиналов, у которых и названия-то раньше не было, — в центральную силу украинского национализма? И кто, главное, этот национализм напичкал гормонами роста, месяц за месяцем поливая ложью всю Украину?

Теперь — да, война. Теперь с каждой стороны — мертвые. Теперь нет уже ни правых, ни виноватых. Теперь муравейник подожжен, можно отряхнуть руки, отойти в сторону и глазеть, заняв «беспристрастную позицию».

Так вот: это ведь вы, ребята, устроили. В Кремле придумали, а устроили вы. Каждый из вас, кто не хотел менять работу. Кто боялся понижения зарплаты. Кто просто не знал, как возражать начальнику. Кто

¹¹ «Правый сектор» — коалиция правых и крайне правых украинских националистических организаций, возникшая в начале Евромайдана в ноябре 2013 года как правая военизированная конфедерация нескольких ультранационалистических организаций. Уличные бойцы «Правого сектора» вступали в столкновения с «Беркутом» (украинским ОМОНОм), а лидер коалиции Дмитрий Ярош был постоянным героем выпусков российских новостей и телепередач о Майдане и националистах на нем.

убедил себя, что он прав. «Вежливые люди» — спецназ ГРУ, — может, и не убили никого. А вы убили. Вам непросто будет с этим жить. Лучше и себе наврать, как вы другим врали. Лучше ширнуться и забыться.

Ваши медальки — это не награды. Это Путин вам морфин в шприцах раздает.

Обмойте сегодня. И помяните тех, кого обмываете.

Взгляд из будущего

Самое интересное тут, когда перечитываешь написанную тобой же почти десять лет назад статью, — это видеть, что хоть я и противопоставлял себя российской пропаганде, хоть и пытался разоблачить ее, обращаясь к своему читателю, но сам не был целиком свободен от ее влияния.

Тут вот как раз пример того, как я ощущаю себя и позиционирую себя частью этой общности — «нас», в целом принимающих тот аргумент, что если бы не «Правый сектор» и не украинский

национализм, то необходимости вторгаться в Крым у Путина не было бы.

Готовность повесить на «Правый сектор» часть ответственности за аншлюс Крыма — результат моего нахождения в мейнстриме пропагандистского дискурса, полусознательное стремление не отходить от большинства, готового поверить пропаганде, на слишком далекие позиции, чтобы не казаться ему совсем чужим, чтобы повысить шансы перетащить его на сторону того, что мне кажется истинным.

И, может быть, отсутствие на тот момент готовности занять еще более решительную позицию по захвату Крыма. Надо понимать, что позиция эта формировалась и радикализировалась постепенно: чем более страшные и омерзительные вещи совершал кремлевский режим в отношении Украины, тем сложнее было человеку с публичной позицией соблюдать нейтралитет, потому что захват земель и убийства мирных жи-

телей Кремль продолжал оправдывать соображениями морального и исторического характера и потому что делал это как раз от лица всей той общности, которую загребал в определение «российский народ» и которую я пытаюсь вместить в определение «мы».

Малодушия тут больше или желания не оттолкнуть «нас» от себя, сказать уже трудно. Да и борьба за народную поддержку людьми в России, настроенными против захвата Украины, пока что проиграна власти. Но, не разбирая ситуацию — и себя в ней — по честности, не придешь к ответу на вопрос «Как же мы до такого докатились?».

08–08–2014

Как такое может быть?!

Контекст

Война, начавшаяся с аннексии Крыма Россией, лишь разгоралась — несмотря на то, что Россия оказалась под санкциями и под огнем критики со стороны европейских стран и США. Сепаратистские движения в Донецкой и Луганской областях укрепились благодаря поддержке российских властей, активистов и агентуры, и вскоре официально провозгласили создание Донецкой и Луганской Народных Республик. Начались столкновения между украинскими вооруженными силами и пророссийскими сепаратистами. Самыми острыми точками войны были Славянск, Краматорск и Мариуполь. Украинские вооруженные силы боролись с самопровозглашенными республиками, в течение весны и начала лета 2014 года продвигаясь все ближе к Донецку и

Луганску, стремясь полностью отрезать ДНР и ЛНР от российско-украинской границы.

17 июля 2014 года в небе над востоком Украины был сбит самолет «Боинг 777» малайзийской авиакомпании Malaysia Airlines, летевший из Амстердама в Куала-Лумпур. Все находившиеся на борту 298 человек погибли. Трагедия вошла в десятку самых крупных авиакатастроф мира за все время.

В случившемся с самого начала стали обвинять силы ДНР, на территории которой и упал лайнер. Спустя 8 лет, 17 ноября 2022 года, суд в Нидерландах признал, что крушение произошло из-за ракеты, запущенной из российского зенитно-ракетного комплекса «Бук» в районе украинского села Первомайское, которое в тот момент контролировали силы самопровозглашенной ДНР.

Моя Родина превращается стремительно, всего за считанные месяцы, из зависшей в переходном периоде какбудторыночной какбыдемократии с разрушенными, допустим, гражданскими свободами, но

хотя бы с нетронутыми свободами личными — в жуткую, озлобленную, параноидальную, словно бешенством укушенную Северную Корею, у которой вечно взор красной пеленой затянут, и голод, и лихорадка, и слюна с клыков. В страну, в которой политических врагов псам скармливают заживо. Где есть ядерное оружие и баллистические ракеты, но вечно не хватает риса на прокорм не видавшего уже полвека ничего другого запуганного народца.

Да и свой Север есть у нас, у Шаламова и Солженицына описанный, и должен помниться, и должен пугать — но нас тянет туда, к нему, в него — почему?!

Почему, спрашиваю я себя, россияне с такой готовностью и радостью отказываются от свободы? Почему хлопают бурно, когда им запрещают собираться больше трех и когда собираются сажать за репосты критических заметок в соцсетях на пять настоящих человеческих лет? Когда вводят интернет-по-паспорту? Почему счастливы до слез, когда пришпандоривают нам бессмысленный Крым, хотя всего-то полгода назад Крым этот самый никому не

нужен был даром? Почему с такой детской доверчивостью вдруг снова верят в самую бездарную, грубую, топорную ложь из телевизора, будто бы не их учили весь поздний СССР не верить государственному вранью? Почему готовы до смерти биться за карманные банки президентских друзей?¹² Почему радуются тому, что в наказание врагам президент запрещает нам есть?¹³ Почему так жаждут схватки с Западом, откуда вообще ненависть к нему такая, откуда такое недоверие и такое желание мстить? За что ему мстить? И почему ради этой мести готовы

¹² Одним из российских банков, который попал под европейские и американские санкции в 2014 году, стал банк «Россия», крупнейшим акционером которого является друг Владимира Путина Юрий Ковальчук. Еще 7,8% акций банка контролируется другим давним другом В. В. Путина Геннадием Тимченко. После введения санкций Путин публично заявил о поддержке банка и приказал перечислять на свой счет в нем свою президентскую зарплату. «Что касается финансового учреждения, насколько я понимаю, это такой средний банк. У меня лично там счета не было, но я обязательно там в понедельник счет открою», — заявил тогда Путин.

¹³ В августе 2014 года Владимир Путин, в ответ на западные санкции, наложенные на Россию из-за присоединения Крыма и боевых действий в Донбассе, ввел запрет на ввоз продуктов из стран, которые ввели санкции против России.

поступить и свободой говорить что вздумается, и свободой ездить за границу, и банальной жратвой, и только-только забренчавшей в карманах мелочью?

Я говорю — с моими соседями, с моими школьными друзьями, с попутчиками в поездах и самолетах, с бабками у подъезда, я интересуюсь у них: вы что, рехнулись? Я очень хорошо понимаю, зачем вся эта канитель с новой холодной войной группе лиц, находящейся у власти: чтобы как можно дольше находиться у власти. Но почему народ, жизнь которого в грядущей Северной Корее будет голодна и не свободна, так рвется туда, почему так манит его ледяной и угрюмый мир за колючкой?

Говорю я с соседями, бабками, ментами, бизнесменами, финансистами, патриотическими писателями, пропагандистами из ящика и понимаю: страшно далек я от народа. Это мне, идиоту, казалось, что моей любимой стране станет хорошо, если государство снимет с граждан ошейник. Если верит каждому его собственную судьбу. Если позволит людям жить, творить, обеспечивать себя и своих

близких и — строя свои жизни изо всех сил — вместе строить и новую страну, свободную, берегущую своих граждан, потому что из них состоящую — и могущую.

А людям, понимаю я, плохо было в рыночной демократии. Людям было тоскливо без смысла, который был бы в миллион раз больше бытового житейского смысла их коротких диванно-огородных существований. Людям было страшно все решать за себя самим в бушующем мире потребительского капитализма. Люди искали Вождя, и в первобытном смысле, и в индейском, и в коммунистическом, — потому что им тяжело было искать дорогу самим. И было непривычно и неумело самим думать — и они мечтали, чтобы за них думал телевизор. Наконец, людям нужен был враг, потому что без врага и без Вождя жить так же непросто, как без смысла. Потому что демократия наша, пусть и вьетнамского пошива, и свобода наша, пусть и случайная, отчаянная, как у сорвавшейся с привязи дворовой собаки, и рыночная экономика наша, пусть и происходит она от

гнилого Черкизовского рынка, — все равно были людям огромны, жутки и пусты, как космос.

Мы побегали-побегали по тундре, а к вечеру вернулись к своему чуму и сели у входа. Нечего нам оказалось делать с этой свободой. Мы и не просили ее, кстати: просто веревка перетерлась. А хотим мы — вожака, и общую упряжку, и чтобы в ушах ветер, и в голове ветер чтобы, и волков рвать в клочья, и драться за мороженую рыбу, и чтобы рядом теплый бок друга, и мчаться до бесконечности в ледяной закат.

Я думал, мы люди. А оказалось — мы лайки.

Взгляд из будущего

Каждый раз, когда заговариваешь с оставшимися в России друзьями, они тебе говорят: да ничего особо и не поменялось, рестораны битком, Москва — удобная и красивая. Ну вот в этом, видимо, и ключевое отличие России от Северной Кореи — сохранение потребительской рыночной

экономики, а вместе с ней — и ощущения нормальной с потребительской точки зрения жизни.

Превращение России в Северную Корею, признаться, занимает больше времени, чем я предполагал, и к 2023 году все еще не завершено. Однако есть уже изоляция — и добровольная, и принудительная — от Запада, есть внедрение людоедской по сути, милитаристской идеологии в повседневность, начиная с детского сада, есть мобилизация общества и поощрение стукачества, есть цензура интернет-пространства и изовравшиеся медиа, которые конструируют вообще не коррелирующую с реальностью картину мира.

И вторжение государства, вторжение лжи, страха и несвободы в те сферы жизни, которые еще недавно считались неприкосновенными, уже вовсю происходит. Государство уже диктует, с кем правильно и с кем неправильно спать, уже запрещает читать и смотреть вещи,

которые могут натолкнуть человека на вольнодумство, уже принуждают его в публичном пространстве солидаризироваться с государственной пропагандой по любому, даже самому невыносимому вопросу — или молчать.

Зато рестораны в Москве отличные, говорят мне оставшиеся на родине друзья. Вкусные и набиты битком. Вот с этим в Северной Корее все иначе, да. Но зато в Германии даже после начала Второй мировой все работало: и рестораны, и кабаре, и танцы до упаду.

27–10–2014

Россия нигде

Контекст

«Их там нет» — один из мемов, родившихся в 2014 году и ставший одним из символов российско-украинского конфликта. Мем возник после того, как Владимир Путин на пресс-конференции 4 марта 2014 года заявил, что войска без опознавательных знаков, взявшие под контроль ключевые объекты в Крыму — это представители местной самообороны, купившие форму в военторге.

Представители российской власти регулярно отрицали присутствие на востоке Украины российских военных. Даже когда те попадали в плен, представители власти сообщали, что те оказались на территории соседнего государства, взяв отпуск на основной службе или уволившись с нее.

Пройдет не так много лет, и Владимир Путин в интервью Андрею Кондрашову признается, что в

Крымму действовали российские войска. А после 24 февраля 2022 года, будто забыв, как многие годы все отрицали, об этом российские власти станут говорить почти открыто.

Уже после начала полномасштабного вторжения Аким Апачев, один из музыкантов, активно поддерживающих Российскую армию, записал трек, посвященный ЧВК «Вагнер». В песне «Лето и арбалеты» исполнитель вновь обращается к мему про «ихтамнетов». Теперь он используется уже почти в положительном ключе в песне, прославляющей действия российских наемников:

*Лето и арбалеты,
Ща вагнера подъедут,
Где-то, где звон монеты,
Танцуют ихтамнеты.*

Россия сегодня будто шизофренией страдает. Гигант с комплексами карлика. Государство, бесконечно разглагольствующее о будущем, но не прекращающее мастурбировать на свое прошлое. Двадцать три года спустя после распада (или развала)

СССР или рождения новой России мы все еще не можем определить, что же это было. Не европейская, не азиатская, не глобальная, не региональная, не национальная и не мультикультурная, не религиозная и не светская, наша страна болтается в безвременье и тонет в иллюзиях.

Ее то собираются делать надежным экономическим партнером Запада, то, монашески отринув все материальное, принимаются пришивать ей давно отсохшие имперские конечности. Она то должна лезть со слюнявыми брежневскими поцелуями¹⁴ к дорогим европейским друзьям, то припадочно брызгать слюной, отталкивая от себя тех в Европе, кто еще как-то был готов с ней приобняться хотя бы на фото. То решать вместе с Америкой судьбы мира,

¹⁴ Отсылка к одному из ярких символов эпохи застоя — поцелуям Брежнева, которыми он часто обменивался с представителями других стран, с подчиненными и соратниками — при встречах, официальных визитах и переговорах. Самый известный поцелуй, ставший одним из символов застоя, — с лидером ГДР Эрихом Хонеккером. Позднее художник Дмитрий Врубель изобразил его на одном из элементов Берлинской стены.

подмигивая той и обмениваясь с нею поглаживаниями ног под карточным столом, то вдруг переворачивать этот стол вверх тормашками и гневно вопить: «Шулер! Шулер!»

У России нет вектора развития, нет траектории, нет направления движения. Она не идет вперед, а судорожно дергается, мечется, катается по полу. Россия не может прийти к цели, одолеть путь, потому что у нее нет дорожной карты и нет никакой цели.

Народ тем временем истосковался по смыслу, по плану, по вектору. Люди устали толочься в нигде. Вот с Крымом: им предложили какой-то смысл существования России, махнули рукой в каком-то направлении, и они сразу оживились, зашумели, поверили — будем восстанавливать Союз, мысль ясная и простая.

Зря. Никакого направления не выбрано.

Зря, Захар, зря, Сергей, зря, Александр¹⁵, русские вы народные люди. Зря поверили и зря думаете, что

¹⁵ Захар Прилепин — российский писатель и политик, после присоединения Крыма и начала войны в Донбассе поддержал

поверили вам. Это вам голову кружат. Это по спецслужбистским методичкам все: провокация, дезориентация, вербовка, спецоперация. Но спецслужбистов не учат стратегию формировать. Они на то и службы, что обслуживают в нормальных государствах тех, кто ведет страну. Лидеров.

Мы четко знаем (потому что нам об этом все время талдычат по телевизору), что Россию не устраивает то место в мире, которое ей пытаются отвести наши противники на Западе. Противников при этом печально-цинично называют партнерами, а какое место Россию устроило бы, нам и вовсе не объясняют. Россия торчит нигде, потому что ее не ведут никуда.

российские действия, неоднократно посещал зону боевых действий, перевозил гуманитарную помощь, а позже стал советником главы ДНР Александра Захарченко и принимал участие в конфликте в качестве комбатанта. Сергей Шаргунов — российский писатель и политик, на портале «Свободная пресса» поддерживал ДНР и ЛНР. Александр Проханов — российский писатель, приветствовавший присоединение Крыма и войну в Донбассе.

Наши лидеры не имеют ни малейшего представления о том, какой должна быть Россия завтра и послезавтра. Все эти «Стратегии 2020», пятилетки и «Планы Путина»¹⁶ — просто мантры, механический бубнеж для самоуспокоения, для заполнения тревожной пустоты, именно потому что никакого плана на самом деле нет. Потому что Путин вовсе не стратег, а тактик. Будущее России он пинг-понгом с американцами и китайцами разыгрывает, принимая подачи, а все прочее наше руководство и не пытается заглянуть вперед него из тактичности и подобострастия.

Они никогда не знали, что делать с Россией — может быть, потому что оказались ее правителями

¹⁶ «Стратегия 2020» — документ, подготовленный по запросу российского правительства и опубликованный в 2012 году; в нем описывались различные социально-экономические цели, которые было необходимо достичь России до 2020 года. «План Путина» — пропагандистский термин, активно использовавшийся во время парламентских выборов 2007 года и президентских 2008-го (одним из слоганов «Единой России» тогда была фраза «План Путина — победа России»). План не существовал как единый и цельный документ, а, скорее, отсылал к различным предвыборным обещаниям и выступлениям Владимира Путина и представителей партии «Единая Россия».

волей случая и распоряжаются ее судьбой в меру своих способностей. Может, потому что не до конца понимают, какая это честь и какая ответственность — вершить судьбу такой великой страны. Может, потому что масштаб личностей не тот — и вместо того, чтобы вести мертвеющую империю сквозь слом эпох, они управляют ею как госкорпорацией, которой их по блату назначили порулить. Может, потому что они не государственные деятели, а менеджеры. Масштаб личностей не тот.

Цезарь знал, куда ведет Рим и ради чего узурпирует власть. Петр знал. Наполеон знал. Сталин, ненавидимый мной за людоедство, знал. Знал Ли Куан Ю. Даже Саакашвили знал. Любая порядочная страна заслуживает вождей, которые знают, какой она должна стать. И тем более заслуживает этого бывшая сверхдержава.

А те, кто рулят Россией, не знают. Звонят народу с анонимными опросами ФСО¹⁷ — как бы посоветоваться, а народ уже телевизора насмотрелся, понимает, что сказать.

Нет у них никакой цели, кроме как продолжать рулить Россией до своей тихой смерти, кроме как завещать Россию в собственность своим детям. И эта бесцельность, ненаправленность, бессмысленность, нерешительность, непоследовательность, это бесконечное тырканье, метания, телепание — это и есть самая большая трагедия России.

Никто не хочет ни за что брать ответственность, поэтому Россия и ее народ предоставлены сами себе. Россию пустили на самотек. Не Путин поднял страну с колен, не Путин накормил ее. Просто шло

¹⁷ Федеральная служба охраны (ФСО) занимается обеспечением безопасности первых лиц государства (в первую очередь — президента). В наследство от Федерального агентства правительственной связи и информации ей досталась собственная социологическая служба. Издание «Медуза» в 2022 году сообщало, что «анализом социологических исследований, публикаций и статистики занимается Управление информационных систем Службы специальной связи и информации».

на Россию валом бабло, она и нахлебалась случайно. Сейчас вот иссякнет поток — и снова оголодаем и ослабнем. Болтаемся на волнах, никуда не плывем. Побарахтаемся для виду, надует щеки, и на спину — отдыхать. Вокруг один океан, направление выбирать — ответственность слишком большая. И грести некому.

Бизнесмены изобретают идеологии. Федеральная служба охраны говорит за народ. Кураторы Господа Бога из Пятого управления КГБ¹⁸ говорят от Его лица.

Боятся реформ, боятся великих планов, боятся строек века, боятся резких движений. Они строили демократию с оглядками и с оговорками, выхолащивая ее до пустых ритуалов. Колосса империи они восстанавливают, начиная с глиняных ног. Везут к

¹⁸ Пятое управление КГБ занималось в СССР борьбой с политическими диссидентами, оппозиционными движениями, националистами и идейными противниками советской власти. Шестой отдел Пятого управления занимался работой по линии религиозных организаций, а также осуществлял кураторство над церковью.

нам гастарбайтеров и устраивают на них травлю. Зовут в СНГ бывшие советские республики и кошмарят их, разжигая на их территориях горячие точки «русского мира». Балаболят бесконечно об инвестиционной привлекательности и гнобят всякий бизнес, кроме государственного. Требуют от американцев играть по правилам, а сами хотят играть по правилам сталинско-гитлеровским. Строят социальное государство, отбирая у народа пенсии. Клянут западные банки, набрав у них денег в долг. Войны ведут воровские, тайные, посылают вперед бандитов и боевых офицеров маскируют под бандитов. Знаки отличия с бойцов спарывают, звезды на технике замазывают, таблички с солдатских могил срывают. Врут кругом. Все до половины, все вполсилы, все с подстраховочкой, все и вашим и нашим.

И народу ФСО не советоваться звонит, а вызвать — что его, народ, способно до бешенства довести, до революции? Потому что уже не очень сами это понимают, потому что давно во власти и забыли как-то.

Они потому не решаются на что-то одно, ясное, что просто понятия не имеют, что им нужно с Россией делать. Не ждите, что с ними Россия станет великой, что воспрянет из пепла, что рухнет, что ворвется в нанобудущее, что превратится в опричное мракобесное царство. Ничего с ней при них не станет. Так и будет в мути валандаться. Застрявшая нигде по пути в никуда.

И пусть они сами про себя учебники истории издают и пишут в них: при нас Россия стала... Нет. При них Россия ничем не станет. И ничем, увы, она не станет при нас с вами.

Взгляд из будущего

Двадцатилетие путинского безвременья, увы, все же увенчалось результатом — результатом жутким и разрушительным для Украины и губительным для самой России. После продолжительных колебаний Путин все же выбрал путь, который должен был в последнюю предпола-

емую декаду его власти привести его к историческому величию, но завел вместо этого нашу страну в исторический тупик.

Но шизоидность российского режима продолжала проявляться и во время войны: требуя «денацификации и демилитаризации» Украины, Россия вела себя на оккупированных территориях с жестокостью эсэсовских войск, собиралась освобождать земли, а вместо этого захватывала и присоединяла новые территории, захлебывалась антиимпериалистическим пафосом, стуча башмаком по трибуне ООН, ведя при этом совершенно очевидно империалистическую, захватническую войну. И при всем при этом изображала искреннее недоумение, когда против нее вводились санкции, представляя дело так, словно санкции эти были ровно ничем не спровоцированы и служили доказательством изначальной враждебности Запада.

В целом, можно сказать так: государство российское изовралось.

И, окончательно изовравшись, стало трещать по швам.

06–11–2014

Украина: модель для разборки

Контекст

Пропагандистам было необходимо постоянно оправдывать войну и представлять ее лишь как следствие несправедливых и жестоких действий украинских властей. Они регулярно создавали сюжеты, значительная часть которых была основана на неполной или недостоверной информации. А бывало такое, что и просто выдумывали — один из таких сюжетов стал важным символом и всей войны, и российской пропаганды.

«Взяли ребенка трех лет, мальчика маленького, в трусиках, в футболке, как Иисуса, на доску объявлений прибили. Один прибивал, двое держали. И это все на маминых глазах. Маму держали. И мама смотрела, как ребенок истекает кровью. Крики. Визги», — сквозь слезы говорила женщина в репортаже Первого канала, который вышел в эфир в июле

2014 года. С ее слов, распяли ребенка украинские военные, которые вернули под свой контроль Славянск.

Позже выяснилось, что супруг женщины был одним из участников отряда Игоря Стрелкова, а сама она покинула город еще до начала украинского наступления. Многие журналисты — как из России и Украины, так и из ЕС и США — пытались независимо подтвердить эту историю, но не смогли. В рассказе было множество неточностей, даже упомянутые локации оказались выдуманными.

Но пропагандистов это не пугало — ведущая Первого канала Ирада Зейналова заявляла, что даже если история не находит подтверждения, то важнее другое — «это подлинные слова самой беженки».

Россию — никакую, конечно, не федерацию, а государство, находящееся в переходном периоде от феодализма к абсолютизму, — вместе держат: а) феодалская лояльность элит, б) телевидение, настрои-

вающее все население на одну культурную и политическую волну, единое языковое пространство, и в) Федеральная служба безопасности.

Но основное — устоявшееся ощущение извечности России в ее нынешних границах. «Ну да, от Советского Союза наотшелушивалось нацменов, но это же не Россия. Не настоящая Россия то есть. А настоящая — вот она, это где мы живем. Ничего с ней не будет никогда». Карты двадцать три года не менялись, на этих картах уже поколение выросло. Люди не верят в возможность развала, распада, не хотят даже думать о нем — в их головах и заключена главная центростремительная сила, которая скрепляет нашу Родину. Спасибо, конечно, что запретили нам призывать друг друга к сепаратизму. Но для нас и думать-то об этом было табу.

Однако табу — штука непростая.

Табу священно ровно столько, сколько люди верят в него и чтут его. Стоит кому-то нарушить табу единожды, как его сила исчезает. То, что казалось

запретным и совершенно невозможным, становится рутиной. Так, например, с осквернением храмов, или с оправданием расизма, или с допустимостью насилия. Человек быстро привыкает ко всему, человек моментально звереет, и любая война тому доказательство.

Когда зимой на Майдане милиция использовала против митингующих на морозе водометы, это называли зверством. Потом по толпе стали стрелять анонимные снайперы, и зверством стали называть это. А теперь украинская артиллерия отрабатывает жилые массивы украинских городов, и даже это уже никого особо не впечатляет. Телевизор прижег нам нервные окончания. Вначале было больно смотреть, а теперь уже никак.

А ведь дело происходит не в Буркина-Фасо. До Донецка от Москвы — тысяча километров всего, как до Кирова, например. И люди там живут точно такие же, как мы... До войны, вернее, они такими же были.

До гражданской войны, которую им устроили добровольцы с российскими паспортами и армейской выучкой, вооруженные российской техникой с замазанными опознавательными знаками.

Пришлось уж, извините. Ничего личного: это мы и не для вас вовсе. Это все для внутреннего нашего потребления. Вы просто под руку попали. Нам просто нужно было народ наш поучить.

Ведь весь этот бесконечный кровавый перформанс «ополченцы» и подыгрывающие им украинские силы АТО дают для российского телевидения. Смысл его прост: вот что бывает со страной, в которой народный мятеж, проплаченный злобным и двуликим Западом, свергает законно избранную власть. Это, так сказать, ответ на вопрос «Если не Путин, то кто?».

Смотрите, говорит русским людям телевизор, вот что ждет вас, если президента, не дай бог, однажды свергнут. Кровь, кровь великая, и младенцы обезглавленные, и девы оскверненные, и пожар, и чума, и глад.

В каждой русской семье есть украинский родственник, а в каждой украинской семье — русский. Если и есть народ действительно братский для русских, без снисходительных гримас советской политкорректности, то это украинцы. И всегда украинцы звонили сюда родным на выходных, всегда сравнивали себя с русскими, а русские себя — с украинцами. И до сих пор еще звонят — ругаться. Вы живете свободней, зато бедней. А мы хоть сыты, да и шут с ней, со свободой. А у вас фашисты у власти. Нет, это у вас у власти фашисты.

Сравнивают все время. И нельзя, чтобы сравнение выходило не в нашу пользу. Нашей власти это категорически нельзя. Отсюда такая болезненная реакция на первую оранжевую революцию: у нас, напомню, все гражданское общество на строгий ошейник после нее посадили. И отсюда же вся катавасия после победы Евромайдана.

Все оттого, что Украина — это модель России. Для всех: для обывателей, для Запада, для власти.

А ведь это у нас всего-то два года назад сто тысяч человек выходили на Болотную, на Сахарова. И требовали честных выборов, и отставки правительства, да чего только не требовали. Но Путин тогда притворился незыблемым, сделал покер-фейс, открутил вентилек на скороварке народного гнева, и гнев весь в свисток вышел. И так убедительно изобразил Путин незыблемость, что сто тысяч человек взяли и купились. Вся страна поверила, что путинская Россия — навсегда. Пронесло.

Да как же после такого можно братскому народу позволить скинуть аналогичного по сути президента? Это ведь и у нас людям в голову черт-те что взбрести может! Поэтому надлежит всем показать, чем заканчиваются оранжевые революции. И вот нам показывают: по первому каналу, по второму, по третьему, и сколько их там ни есть, по всем. Спрашивали ли вы себя: почему нас так пичкают Украиной? Да потому что для нас же это все и затевалось. И

ЛНР, и ДНР¹⁹, и Бородаи²⁰, и Моторолы²¹, и «Грады», и Саур-Могилы²², и прочие все могилы, тысячи. Чтобы мы видели, чтобы мы помнили, чтобы мы боялись. Вот кто, если не Путин: Сатана. У нас-то, поди, младенцев на площадях не распинают.

¹⁹ ЛНР и ДНР — провозглашенные в 2014 году в одностороннем порядке «республики» на территории Донецкой и Луганской областей Украины. В феврале 2022 года, за два дня до вторжения, были признаны Россией (их обращение за помощью к России стало формальным поводом для вторжения), в сентябре 2022 года были присоединены к России.

²⁰ Александр Бородай — российский политолог, предприниматель. В 2014 году был премьер-министром ДНР, затем советником главы ДНР Александра Захарченко. По всей видимости, был представителем российских спецслужб в регионе, осуществлял связь с неформальным куратором «республик» Владиславом Сурковым.

²¹ Моторола — позывной Арсена Павлова, российского участника войны в Украине, основателя добровольческого специального соединения «Спарта». Одна из самых известных и медийных фигур «Русской весны» 2014 года. Был взорван в лифте собственного дома в Донецке в октябре 2016 года.

²² Саур-Могила — курган в окрестностях Донецка, на котором расположен мемориальный комплекс, посвященный боям за Донецк времен Великой Отечественной войны. В ходе боев в августе 2014 года во время войны в Донбассе мемориальный комплекс был разрушен постоянными обстрелами. В 2022 году он был восстановлен и расширен силами Российского военно-исторического общества (РВИО) и Министерства обороны РФ, открытие состоялось 8 сентября 2022 года.

Отчего-то развал России в последние два года стал обсуждаемой темой, хотя никаких предпосылок к нему прежде не было. Стали вдруг его бояться, а с чего вообще? Татарстан прикормили, Чечню укротили, Якутию усовестили, а остальные и не рыпались. Так с чего нам вдруг вводить страшные уголовные наказания за сепаратизм именно сейчас? Чтобы в приштопанном к нам Крыму никто не смел усомниться? Или что-то в аналитических справках ФСБ такое пишут, о чем нам вслух не говорят?

Я одно знаю: устраивая круглогодичное телешоу из распада украинского государства, из гражданской войны, из расчленения страны, которая казалась своим и нашим жителям такой же слитной и неделимой, как наша собственная, нас не пугают развалом, а показывают, с какой жуткой легкостью он возможен. Запуская неизвестных солдат без шевронов в Крым, а потом в Донбасс, показывают нам, что и к нам могут такие солдаты войти. Меняя правила жизни и смерти для украинцев, меняют их и для рос-

сиян. Желая уберечь Россию, разминают пластилиновые мозги населения, приучая его к тому, что любые табу можно нарушить. Теперь уже и самый страшный сценарий российского будущего не кажется фантастикой, потому что кремлевские и останкинские его уже по дешевке экранизировали в Украине.

Окститесь. Вы не понимаете, что ли?

Разваливая Украину — разваливаете Россию.

Взгляд из будущего

Перечитывая девять лет спустя эту статью, я нашел в ней много такого, с чем сегодня никак нельзя согласиться, и в первую очередь, возложение части ответственности за АТО на украинцев, которые «обстреливают жилые массивы» своих же городов. Такое было, да, но это, безусловно, ключевой аргумент российской пропаганды, которая и вторжение 2022 года через него оправдывала.

Соблазн выбросить эту статью из сборника, чтобы постфактум не оказаться обвиненным в том, что я и сам эти пропагандистские манты повторяю, был, не скрою. Но показалось важней, во-первых, не пытаться себя полностью обелить — если тогда писал, то и сейчас надо иметь смелость это признать.

А во-вторых, в этой статье было кое-что немаловажное: прогноз тех разрушительных для России и ее целостности последствий путинской политики разрушения Украины, которые начинают проявляться сегодня.

Военные действия идут уже не только на территории Украины, пригожинский мятеж показал слабость российских спецслужб и нерешительность политического руководства. Та самая нерушимость кремлевского режима теперь кажется иллюзией — и привели к этому не протесты среднего и креативного класса в Москве, а попытка уничтожить украинскую государственность.

08–11–2014

Терпила

Контекст

Санкции, наложенные на российскую военную промышленность, отдельных политиков и чиновников, стали частью новой реальности России после аннексии Крыма. Понимая, что экономические неурядицы могут сильно пугать и нервировать население, власти стали подавать информацию о них в иронично-героическом ключе. Говорилось, что санкции на самом деле лишь на пользу российской экономике, которая слишком во многом зависела от западных стран. Рассказывалось, что они и вовсе не страшны, так как в стране все устойчиво и стабильно.

Конечно, масштаб санкций того времени сложно сравнить со всеми ограничениями, введенными в отношении России в 2022 году. Тем не менее они стали началом эпохи «импортозамещения». Уже в

2014 году Россия столкнулась с ослаблением рубля к ключевым резервным валютам — евро и доллару. Если в ноябре 2013 года доллар стоил почти 33 рубля, то к началу ноября 2014-го — уже 43 рубля, а 16 декабря 2014 года — 68 рублей.

В течение декабря 2014 года курс доллара несколько раз поднимался до 100 рублей. Валютный кризис стал следствием падения цен на нефть и экономических санкций против России. Со временем курс стабилизировался — уже на более высоких значениях. В следующий раз его значительные скачки будут происходить после начала полномасштабного вторжения в Украину в феврале 2022 года.

Удивляемся: почему вот рубль рухнул, почему мы все обеднели на треть, а на власть восемьдесят пять процентов молятся? И скоро будут девяносто.

Поражаемся: как так — депутаты совсем забыли, что и они люди, и делают только законы навроде строгого ошейника и цепи, только и ищут, как людям навредить, а теперь еще — как бы обобратить их, а

народ только жмурится и покряхтывает? И восемьдесят пять процентов просят еще наподдать? А скоро будут — сто.

Доколе, шепотом спрашивают друг у друга пока пятнадцать процентов, еще в Фейсбуке, а не на кухне. Пока пятнадцать, а скоро заткнутся.

А знаете что? Ни доколе.

Все простят: что рубль, о рубле и говорить стыдно, если простили Беслан, если простили «Норд-Ост», если простили все узнанное про воровство, про квартиры в Майами²³, про торговлю Отечеством себе в карман. И взорванные дома в

²³ В феврале 2013 года политик и блогер Алексей Навальный опубликовал расследование о тайной недвижимости депутата Государственной Думы от «Единой России» Владимира Пехтина. Навальный утверждал, что депутат Пехтин скрыл из декларации о доходах и собственности информацию о собственности в США на 2,5 миллиона долларов. Согласно предъявленным Навальным документам, депутат был совладельцем квартиры в кондоминиуме Flamingo South Beach и участка земли в штате Флорида. Квартира при покупке в 2007 году стоила 540 тысяч долларов, участок — 120 тысяч. В ответ на обвинения Пехтин сперва заявил, что за границей у него «практически ничего нет», затем рассказал, что на самом деле недвижимость принадлежит его сыну.

Москве²⁴, наверное, простили бы, окажись это правдой.

Славься, великий советский народ-терпила.

Народ, который не живет свою жизнь, не вершит свою судьбу, а смотрит про себя кино, в котором ничего не изменить, никуда не рыпнуться. Ты никогда не мог сказать «Хватит», ты всегда только жмурился и побряхтывал.

В семнадцатом за тебя кучка авантюристов все решила. И только когда они соврали, что теперь они

Вскоре Пехтин сложил с себя полномочия депутата Государственной Думы. Позднее он заявлял, что выдвинет иск против Навального, обвиняя того в клевете.

²⁴ В сентябре 1999 года в России произошла серия терактов: были подорваны многоквартирные жилые дома в Москве, Буйнакске и Волгодонске. В результате взрывов погибло более 300 человек, а сами они стали одним из факторов, повлиявших и на начало Второй чеченской войны, и на стремительный взлет рейтинга премьер-министра Путина. Довольно быстро вокруг терактов появились конспирологические теории, согласно которым взрывы были организованы ФСБ как провокация для начала Второй чеченской войны. Сторонник и популяризатор этой версии, бывший сотрудник ФСБ Александр Литвиненко, был отравлен в Лондоне с применением радиоактивного полония-210 двумя другими выходцами из ФСБ. Обвиненный в убийстве Андрей Ковтун получил мандат депутата Государственной Думы РФ и прилагающуюся к нему неприкосновенность.

— власть, когда дозволили тебе убивать прежних хозяев, тогда только ты стал. А так бы еще и век, и два, и три перемогся бы.

В девяносто первом тоже ты по домам сидел. Только в зажравшейся Москве наскреблось людей, чтобы повернуть историю. Но тебе эта перемена шибко не понравилась. Ты-то потерпел бы и еще тысячу лет «совка».

Но раз уж сделали из Союза империю чистогана, то ты и ее терпишь. Терпишь, и не нравится тебе только, что порют маловато: али не любят? А если вот снова пороть станут изрядно, да жратвы хватать будет только до завтра, это и еще лучше.

Пусть порют. Пусть голодом морят. Башку втянет в плечи и вытерпит все.

История мимо него. Он — на огород картошку копать.

Историю опять проходимцы менять будут.

Взгляд из будущего

Вряд ли заключительной фразе этой статьи можно придумать более яркую иллюстрацию, чем случившийся 24 июня 2023 года мятеж Евгения Пригожина: люди попрятались по домам или, в лучшем случае, вышли сделать селфи с наемниками из ЧВК «Вагнер», которые захватили Ростов-на-Дону вместе со штабом войсковой группировки, ведущей военные действия в Украине, в то время как пригожинские колонны из сотен машин мчались захватывать Москву. И хотя сам мятеж, как и войну, я предвидеть не мог — сценарий казался слишком абсурдным, слишком невероятным, — в общую канву всего, что творится с моим многострадальным народом, и в канву того, какие страдания он причиняет другим народам, это укладывается.

14-11-2014

Пускай сдохнет

Контекст

Санкции со временем привели к дефициту бюджета, и власти кинулись искать новые источники денег — и вскоре нашли у граждан и бизнеса. Лозунг «Люди — новая нефть» на деле привел к повышению налогов на недвижимость, офшоры, дивиденды и появлению курортных и других сборов.

В конце октября 2014 года Российский союз промышленников и предпринимателей попросил власть не повышать налоги и предложил свои «семь шагов» для улучшения ситуации в экономике. Премьер-министр Дмитрий Медведев тогда заверил, что в ближайшие три года не стоит ждать повышения налоговой нагрузки. Однако меньше чем через месяц вырос налог на дивиденды (с 9% до 13%), вступил в силу налог на офшоры, выросли акцизы

на сигареты, появились торговые сборы, было принято решение поднять ставки НДС для нефтяных компаний.

При этом в проекте бюджета России на 2015 год планировались рекордные расходы на национальную оборону: 3 трлн 286,8 млрд рублей, что составляло 4,2% от ВВП. Согласно этим же планам к 2017 году расходы на оборону должны были составить 3 трлн 237,82 млрд рублей (3,6% ВВП).

Несмотря на «затягивание поясов» и вытряхивание денег оттуда, где их раньше не искали, правительство не только увеличивало расходы на оборону, но и тратило все больше денег само на себя — а также на государственных топ-менеджеров. Летом 2014 года «Роснефть» отказалась раскрыть данные о доходах своего руководителя, а также прочих топ-менеджеров и членов их семей. Издание Forbes выпустило текст, в котором заявило, что зарплата руководителя компании с госучастием составляет примерно 50 миллионов долларов в год. В ответ

президент «Роснефти» Игорь Сечин подал иск против издателя и пяти сотрудников журнала. В мае 2015 года «Роснефть» все-таки опубликовала данные о зарплате Сечина — согласно им, директор корпорации мог получать до 11 миллионов долларов в год.

Как известно, за десять лет в России меняется все, за сто — ничего.

Ане тридцать. У нее свой бизнес — небольшой интернет-магазин, который торгует всяческими забавными аксессуарами. Услышала про новые налоги и сборы, которые собралась вводить Дума, и спрашивает недоверчиво: «Это правда? Это ведь конец всему!» То же говорит и Саша, который уже пятый год пытается поднять в Москве свое ресторанное дело. Мои знакомые.

И весь бизнес — пришел к министру финансов и говорит недоверчиво: «Правда, что ли? Ну скажите, что пошутили!» Министр ходокам в ответ: «Ваша по-

зация неконструктивна, тчк. Вы же были с нами, когда мы присоединяли Крым! За Крым-то все голосовали».

Но платить? За что тут платить-то? И почему именно мы, как бы спрашивают Аня, Саша и РСПП.

Ситуация, действительно, новая. Раньше бесноватые государственные прожекты и свою частную жизнь власть финансировала за счет отсоса чернокоричневой жижи из недр Родины. Это народа не касалось: сосут и сосут себе, пускай, нам-то и в лучшие времена от этих недр перепадало только бесплатное образование да медицина.

И я сам не хочу в нефти мараться. Ваша нефть, ваша! Мне не нужна она! Хлебайте ее, жрите, плещитесь в ней! Стройте на нее Сочи и дачи, танки и банки, завышайте сметы в десять раз, лейте ее себе в карман, хлюпайте ею на ходу. Вы ведь заслужили ее — вы ради нее предавали и угодничали, ввали другим и ввали себе, забывали о чести и достоинстве, унижали и уничтожали. Вы забрались на самую

верхотуру пищевой цепочки. Теперь ваше священное право — не делать ничего, а только сосать черную жижу и обращать все, к чему прикоснетесь, в мертвое золото. Я никогда не видывал вашей нефти и не хочу: я брезгую ею.

И, думаю, брезгуют ею все те, кто пытается создать в России свое дело.

Пока вы накачивали черной жижей свои желудки и свое самомнение, они просто работали. Они не построили себе дворца в Антибе и не купили футбольный клуб. Они не получают самой высокой в мире зарплаты, они вообще не получают зарплат: они кормят себя сами. Себя, а заодно еще и миллионы других людей. Свои деньги они зарабатывают, а не присваивают.

Для вас они всегда были планктоном, невнятной мельтешащей мелюзгой, в которой одна польза: она хотя б пробавляется как-то там сама по себе, не требуя жрать, в отличие от бюджетников. Пока жижи хватало, планктону было дозволено жить. Говорили

о низких наших налогах для малого бизнеса, но помимо сборов были всегда и поборы: силовиков низшего звена вы тоже предоставили самим себе — вот вам планктон, чтобы есть. Плодитесь и размножайтесь. А мы, мол, покамест будем мир ворочать, потому что остальное нам уже наскучило.

Только вышло другое: грыжа от непомерной нагрузки. Хребтина хрустнула, кажется. Крым нам взяли, а он проклятый: теперь его всю жизнь в гору кати.

А жижа вместо густой и питательной стала водянистой, несытной; рубль провалился в тартарары со свистом. В желудках у вас заурчало тревожно. Вы поводите тяжелой башкой на артритной шее, пощелкиваете голодно зубами в пять рядов, ищете: кого б теперь схарчить? Да вот кого!

«Обложим-ка малый и средний бизнес оброком! Пусть платят нам за право дышать! За право быть пускай расплачиваются! Кто шестьсот тысяч в квартал, а кто пусть и шесть миллионов! Это уж как мы

сами соблаговолим, потому что мы тут хозяева истинные, и вотчина эта — наша! Вот вам новый социальный контракт, смерды! А кому не нравится, у нас и другой есть: спросите-ка у полутора миллионов вашей деловой плотвы, которые по нам сидят за то, что с властью не хотели договориться!»

В «треклятой» Америке другой контракт: там, именно платя налоги, гражданин приобретает право требовать с правительства и со штата. Там люди знают, что отрывают от себя, и хотят понимать зачем. Каждый в конце года высчитывает, сколько должен отдать государству. И за всякий грош просит у государства отчет. Там нежелание, чтобы потом заработанные шли на войны в Азии или на Ближнем Востоке, эти войны в конечном итоге и останавливало. Там те, кто пробился во власть, всегда под микроскопом, всегда виноваты, всегда должны оправдываться. Там все деньги у государства — не народные-ничьи, а народные-поименно, и воровать их не так ловко и сподручно. То же и во всей «треклятой» Европе.

У них «налогоплательщик» превыше «гражданина».

У нас — ниже. «Гражданин» — хотя бы просто бессмыслица, пустой звук, обращение в троллейбусе к незнакомому мужчине, обращение милиции к задерживаемому. А «налогоплательщик» — заведомый уклонист, всегда виновный, условно осужденный и потому не имеющий права ничего взамен выданных у него денег просить.

«Заткнитесь и давайте сюда свои бабки, — говорит им власть, утирая с губ черную жижу. — Не ваше дело, на что мы их будем тратить.

На Крым на ваш-наш, на безумные мосты-тоннели из ниоткуда в никуда за умопомрачительные миллиарды, на то, чтобы наши атомные подлодки и стратегические бомбардировщики сновали по всему глобусу, проверяя на слабо латышей, поляков, американцев, а заодно японцев, канадцев, австралийцев — для чего? А так вот! Потому что саечка за испуг, понял?

И вообще на раздутый военный бюджет, потому что с Ялтинской конференции в мире же ж ниче не поменялось, потому что Третью мировую можно же ж и выиграть, если че!

Платите, лохи! Прыгайте, звените мелочью, выкладывайте ее на бочку и не спрашивайте у нас, почему танки и бомбардировщики, а не школы и больницы, не заикайтесь даже про то, сколько мы там оставляем себе за хлопоты с каждого налогового рубля — вона, Магницкий²⁵, которого мы даже писать правильно не будем, заикался, и где он? То-та!

²⁵ Сергей Магнитский — российский налоговый консультант, работавший на международный фонд Hermitage Capital Management. Магнитский публично разоблачал коррупцию российских чиновников, в частности воровство НДС лицами, приближенными к путинскому окружению. Его арест в 2008 году и последующая смерть после одиннадцати месяцев содержания в СИЗО привлекли международное внимание. По официальной версии, Магнитский умер от обострения хронического заболевания, но родственники и правозащитники убеждены, что он был замучен до смерти. Его смерть стала причиной введения санкций против России — их ввели при президенте США Обаме.

Отвечая на вопросы о деле, президент Путин заявил: «Мы, что ли, приняли этот “список Магнитского”? С какого рожна это было сделано, объясните, пожалуйста? Никто не может объяснить, вы понимаете! Ведь никто не может сказать зачем».

И ваще колхозный принцип слышали?! Чтобы корова меньше ела, но давала больше молока, ее нужно меньше кормить и больше доить. Так что давайте, помычали и буде, потому что промышленность ваша — она вообще-то не только молочная, но и мясная!

Саша говорит: больше не могу. Если введут еще и эти новые налоги, уволю весь персонал и не буду тут делать больше ничего. Никогда. Аня говорит: если они и вправду заставят платить, я закрою дело, сдам квартиру и уеду в Индию. Я больше не хочу кормить это государство.

Корова сдохнет. Ну и пускайдохнет. Мертвечинка-то, она тоже ничего, хоть и окоченелая. Сгложут до костей, перезимовать хватит, а будущее нам неведомо, поэтому и заглядывать туда неча.

Взгляд из будущего

Российский бизнес оказался удивительно живуч, и даже полтора года спустя после начала войны и последовавшей за ней экономической

изоляции России он все еще жив: приспособился, откалибровался и продолжает зарабатывать, в том числе и на самой войне. Экономика, которой самые видные специалисты прочили мгновенный и неминуемый крах, адаптировалась. И именно рынку она обязана своей живучестью и приспособляемостью. В экономических вопросах Путин, несмотря на тотальную идеологизированность в прочих сферах, словно бы проявляет себя прагматиком.

Это с одной стороны.

А с другой: из астрофизики нам известен парадокс наблюдателя, падающего в черную дыру. Мы знаем, что при высокой гравитации время для находящегося в ее действии объекта замедляется. Если некий умозрительный космический корабль преодолет горизонт событий черной дыры, за который не могут вырваться даже лучи света — и из-за этого мы не можем увидеть, что происходит в его пределах, — этот корабль будет падать внутрь черной дыры неостановимо, с

возрастающей скоростью, а для внешнего наблюдателя он просто покажется проглоченным бесследно и сгинувшим в доли мгновения. Но наблюдатель, находящийся на борту этого корабля, из-за невероятной силы тяготения, растягивающей лично для него время, будет жить в этом падении бесконечно долго и, вероятно, успеет даже умереть от старости.

То, что внешнему наблюдателю за приключениями русской жизни начала двадцать первого столетия может показаться схлопыванием, наблюдателю, занимающемуся параллельным импортом или импортозамещением и посещающему московские рестораны летом 2023 года, может казаться вполне безмятежной и благополучной жизнью. Да, это жизнь сегодняшним днем, но разве кто-то в этом безумном мире способен планировать день завтрашний?

02-12-2014

Шесть звезд

Контекст

Новые «скрепы» обкатывались на российском обществе постепенно. В 2014 году в России приняли закон о запрете на публичное употребление мата под угрозой штрафа: на телевидении, в кино, литературе, СМИ, на концертах и в театральных постановках. Печатную и аудиовизуальную продукцию, кроме СМИ, содержащую мат, теперь разрешали продавать только в специальной упаковке с предупреждением и возрастной маркировкой «18+». Законодатели говорили о том, что ведут борьбу за нравственность и мораль, стремятся защитить детей, упрочить общественный порядок, а также борются за культурное наследие и сохранение языковых традиций. Законопроект на рассмотрение в Государственную Думу внес режиссер и депутат от «Единой

России» Станислав Говорухин еще в 2013 году. Согласно разъяснению, которое выпустил Роскомнадзор в конце 2013 года, «к нецензурным словам и выражениям относятся четыре общеизвестных слова, начинающихся на “х”, “п”, “е”, “б”, а также образованные от них слова и выражения». Позднее действие закона распространили и на социальные сети — с 1 февраля 2021 года владельцы площадок и интернет-ресурсов несут ответственность за употребление мата пользователями и должны удалять его с платформ.

Признайтесь себе: вы-то ведь на самом деле ни на секундочку не поверили, что наша страна теперь всегда будет жить хорошо, а? Что она на это способна вообще? Вы-то ведь всегда знали в душе: грядет Он, грядет грозный, грядет неотвратимый.

Чтобы понять это и почувствовать, ни логика на самом деле не нужна русскому человеку, ни экономические выкладки, ни разоблачительные статьи «Новой газеты». Генетической памяти достаточно вполне и знания родной истории на школьном

уровне. Каждый русский человек знает: тут не бывает долго хорошо. Тут все обязательно заканчивается Им.

И вот сейчас, когда ухает обратно к себе в ад нефть, когда сыплется рассохшийся без нее мигом песочный домик нашей экономики, когда срывается в ледяную пропасть рубль, зарвавшийся альпинист-любитель, мы киваем друг другу мрачно: да, этого-то мы и ждали.

Этого, этого ждали мы все тучные годы, пока набивали карманы купюрами, а рот — едой всякой без разбора. Этого ждали, торча на корейских внедорожниках и немецких седанах в закольцованных пробках, неверяще оглаживая руками подлокотники из натуральной кожи. Это предвкушали, уматывая на любые каникулы не в Священный Сочи, а в басурманскую Турцию. И все, кто мог, покупали себе домики и квартирki подале, подале — в Испании, на Крите, в Праге — именно в предчувствии неизбежного и скорого возврата Родины в ее историческую

колею. Возврата всех нас на тропу, проторенную волжскими бурлаками.

Теперь модно изобличать гламур: девок с надутыми губами, мужичков пузатых, кутящих до рассвета, светские рауты, рублевские имения, шубы побогаче, золото наружу. А я теперь склонен всех этих стеклянноглазых гуляк оправдывать: они ведь тоже гуляли все — как в последний раз. Все ведь помнили про НЭП — сладкий, как папироса перед расстрелом. Вот и дымили, дымили. Кто их осудит? Я — нет. Люди просто пытались впрок нажраться, налакаться, как верблюды в оазисе; потому что и позади, и впереди — одна пустыня. И туда же, в горб — набить воспоминаний о сладкой случайной жизни, которыми теперь перебиваться всю жизнь настоящую русскую — мерзлую, голодную и смурную. Ведь эту память еще внукам передавать надо — вместе с купленными в пятнадцатом году шубами и виллерой-бохом.

Кутили, плясали, обнимались с проститутками, городили безвкусные замки вдоль единственного

на всю страну шоссе, хоть как-то напоминающего провинциальную немецкую дорогу. А у самих всегда ведь — беспрестанно, тревожно — маячил пред глазами Он.

Его сейчас по имени назвать нельзя: раньше еще дозволялось намекнуть в прессе, что, дескать, слово это складывается из шести букв и означает совершенный крах, но слово это не «фиаско», поскольку начинается оно на «п» и оканчивается на «ц». Однако недавно нам предписали в печати все его буквы заменять на звезды, как и во всех словах, подходящих для описания нашей новой жизни. Теперь только так можно, к примеру: «Нас всех ждет *****; мы так и знали!» Шесть звезд вместо слова.

Вот они, восходят вновь над Россией — Шесть Звезд. А мы и готовы поклониться им, признать в них божественное провидение и вернуться, ведомые ими, на исконную свою историческую стезю.

Мы не умеем жить. И тучные годы не научили нас этому. Мы рождены страдать. Это в ожиревшей Европе — жизнь, и за это мы их презираем сквозь

зависть. А у нас-то самих извечно — выживание. И выживать нам привычнее.

Потому-то, по телефону отвечая социологам: «Люблю! Верую! Проголосую!» — сами тут же бежим за гречкой в магазин. Послушали, как у теледикторов интонации переменялись, подавая нам сигнал, и передумали власти правду говорить. Киваем, улыбаемся, прячем глаза, скупаем продукты, пока карточки не ввели. Глядим, как всходят из-за горизонта Шесть Звезд.

Сгинет морок: развеются духи от «Картье», истлеют костюмы от «Гуччи», и ржавчина пожрет корейские внедорожники. Нашептанными мифами станут сытые нулевые. А останутся — кроме завещанного внукам фарфора — серая огородная земля с мелкой картохой, косые заборы, силикатные многоэтажки; хорошо, если кто успел хоть стеклопакеты вставить.

И кто в этом виноват? Звезды? История?

Нет. Мы сами и виноваты: тем, что за пятнадцать тучных лет, за сон этот зимний сытый, счастливый — так и не поверили в то, что это наша жизнь, что мы именно на такую жизнь имеем право, что не обречены на мытарства, что не рождены страдать. Что у каждого русского — такое же право на счастье, как у всякого француза. Может, у каких народов бытие и определяет сознание, а у русского народа все-таки сознание — бытие.

А потому — молитесь, братия, ибо всходят на небосклоне беспросветном Шесть Звезд багряных, ибо грядет Он, и никому не будет пощады.

Взгляд из будущего

Не подвело предчувствие!

10–12–2014

В бункере

Контекст

Война, пусть и необъявленная, запустила целый ряд изменений — как публичных, так и не очень. Ощущение войны выливалось в тревожность, околовоеенную истерию и подготовку к противостоянию с врагом. Это проявилось как в усилении требований безопасности со стороны спецслужб, так и в довольно абсурдных формах вроде учений по гражданской обороне среди депутатов Госдумы.

В декабре 2014 года они тренировались в сборке и использовании средств индивидуальной защиты и учились укрываться в метро — на московской станции «Театральная».

Довольно быстро ощущение военного обострения и вообще настроение «бдительности» (в советском смысле) нашло свое отражение в официаль-

ном дискурсе. Один из популярных пропагандистских тропов того времени подарил обществу Дмитрий Киселев.

В марте 2014-го, говоря о референдуме в Крыму, Киселев заявил, что Россия — единственная страна в мире, которая способна превратить США в «радиоактивный пепел».

Говорят, на прошлой неделе депутаты Государственной Думы в два часа ночи отрабатывали экстренную эвакуацию на станции московского метро (которое, как известно, и само противоатомный бункер, и с сотней других бункеров соединено). А очевидцы говорят о том, что и кортеж Путина промчался в центр города в то же самое неурочное время — уж не репетировать ли вместе с депутатами последствия ядерной атаки? Все это слухи, конечно, но ведь оттого и тревожные, что похожие на правду. Может, это тимбилдинг у них просто такой, но ведь может же быть, что и отработка слаженности действий на случай Апокалипсиса?

Тем временем, чтобы нагляднее отметить День противовоздушной обороны, у Театра Российской армии разворачивается противоракетный комплекс С-300. В Одинцово к этому же светлому празднику прибывает пусковая установка межконтинентальных баллистических ядерных ракет «Тополь». Жители в панике: неужели началось?

Началось, граждане. Началось! И, судя по тому, как все запущено, началось это не сегодня и не вчера.

Все наше мудрое руководство, и партия, и правительство, и президент — все залезли в бункер. Спустились на стометровую глубину, задраили люки, раскупорили консервы Росрезерва, плеснули себе коньяку и стали оглядывать окрестности через перископ. И обратно, на поверхность, думаю, не собираются. Ведь против Родины нашей, как известно, ведется война. Ведь Родина наша — в кольце врагов. Ведь нас пытаются удушить! задавить! закошмарить! расчлениить! и — уничтожить! Руководству

отступать некуда: наверху Москва. И сдаваться никто не собирается. Сколько хватит консервов, столько и просидят. На войне как на войне.

Да-да. Это она. Па-ра-но-йя.

При паранойе тоже кажется, что ты находишься в чудовищной опасности. Что тебе угрожают. Что против тебя сплетен хитроумнейший и коварнейший заговор. А главное, что именно ты прав и именно ты — единственный трезвомыслящий человек, а все вокруг или заблуждаются, или просто завербованы Врагом.

А это ведь ровно картина заседания Генеральной Ассамблеи ООН по Крыму и Украине. Спасибо, что наших представителей оттуда в смиренных рубашках не унесли. Диагноз-то всем ясен, кроме нас.

Сами посудите. Россия бряцает ядерными ракетами на Красной площади каждое 9 Мая, Россия никак не хочет поверить в то, что Вторая мировая война давно кончилась, Россия отчаянно выискивает фашистов во всех своих бывших республиках,

Россия Вторую мировую войну берет и возобновляет — атакуя Украину и присоединяя Крым, чтобы он — внимание — не достался нацистам! Россия после этого вводит своих «ополченцев» — то есть как бы добрых бородатых партизан из снимающегося в России тоннами Кино Про Великую Отечественную Войну — в советский, в общем-то, Донбасс, чтобы как бы не дать его в обиду «бандеровцам» и «карателям» из того же бесконечного Кино. Россия, несколько накаляя и без того нервную обстановочку, обещает превратить Запад в радиоактивный пепел, жужжит у Запада над ушами ядерными бомбардировщиками, а российский президент при этом прямо заявляет Федеральному собранию: Гитлер пытался нас развалить — не вышло! И у Запада — не выйдет!

Простите, что?

Запад, конечно, присылал на Майдан двух польских министров, одного еврокомиссара и директора

ЦРУ²⁶, но вот чтобы спонсировать украинский фашизм — нет, на это денег у нас нет, нам очень жаль, и оружием снабжать его Запад тоже не готов: может, хотите вместо оружия камуфляж почти не ношенный или бинокли?

В общем, Война На Уничтожение России видна только из России. И только из Бункера. Из того самого Бункера, в который они все втиснулись и из которого озлобленно, подозрительно и одичало оглядывают весь остальной мир.

Оттуда вещают, брызжа слюной в микрофоны, об осаде, о столкновении цивилизаций, об удуше-

²⁶ Среди тех, кто посетил Киев во время Майдана, были Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон и помощник госсекретаря США Виктория Нуланд (последняя общалась с протестующими и раздавала им продукты — сэндвичи и пирожки, что позднее породило пропагандистский мем «печеньки Нуланд». Мем подразумевал, что протестующие на Майдане «продались» американцам. Свою палатку на Майдане установили 15 декабря 2013 года и польские парламентарии; депутат от партии «Право и справедливость» Малгожата Гошевска провела ночь на Майдане, чтобы поддержать протестующих и чтобы своим дипломатическим паспортом дать людям чуть больше защиты.

нии, о расчленении; там придумывают, что Запад догнивает и разваливается. Придумывают? Нет, давно уже придумали. В том же самом Бункере. А нынешние пропагандисты просто старые пыльные методички с полок сняли, которые от прежних хозяев Бункера остались. Наш бронепоезд никогда и не переводили на запасной путь. Ему просто заказали в бельгийском агентстве ребрендинг и перекрасили понарядней — для маскировки под мирную жизнь.

Можно, оказалось, вывести людей из Бункера, но нельзя вывести Бункер из людей. В Бункере нашему руководству понятней и уютней. И самое неприятное — Бункер милей надземного мира почти всякому русскому человеку, татарин он там или чуваш. 86 процентов²⁷, по опросам, никуда бы из него и не вылезали. И при первом же сигнале тревоги с

²⁷ Летом 2014 года были опубликованы результаты социологического опроса, согласно которым политику президента РФ Путина одобряло 86% граждан России, а 14% — не одобряли. Цифры одобрения стали использоваться в переносном смысле в прессе и общественных заявлениях, определяя 14 «оппозиционных» процентов населения как единственную базу оппозиции.

радостью ринулись эти 86 процентов обратно. Домой. Вот он, главный итог уходящего года.

Каждый теперь запасает крупы, каждый воюет в телеокопах Теледонбасса, каждый поет «Хоть бы не было войны» и каждый мрачно шепчет: «А хоть бы и была». Невидимая линия фронта проходит по 86 из 100 сердец.

Об одном забывают эти 86 процентов: если завтра война, если завтра в поход, в настоящем-то Бункере мест на всех не хватит. Консервов только на руководство заготовлено.

Взгляд из будущего

Я не смог предвидеть войну с Украиной, хотя апокалиптические прогнозы всегда были моим коньком. Но даже после захвата Крыма и вторжения в Донбасс полномасштабная война против Украины казалась мне чем-то невероятным, запредельным.

Уже после того, как она началась, я прочел «Ночь в Лиссабоне» Ремарка. Там герой, бежавший из концлагеря и накануне Второй мировой возвращающийся в Германию по поддельным документам, чтобы вывезти за границу свою жену, описывает свои ощущения от окружения: люди в поездах боятся заговорить с попутчиками, а во всех газетах одно: якобы западные страны пытаются втянуть Германию в войну, которой рейх совершенно не хочет, но выбора, кажется, у него нет.

Как и многие, я часто упрекал российские власти в отсутствии стратегии. Но постфактум начинает казаться, что стратегия была: стратегия серии имперских войн, которые призваны были вернуть России утраченные земли ставших свободными республик.

И, точно по гитлеровскому рецепту, изображая жертвой Россию, Путин готовился к войне с

Украиной и к противостоянию с миром уже тогда, заблаговременно. Мы не хотели, нас заставили.

Что тут сказать? Все мы сильны задним умом.

16–12–2014

На смерть среднего класса

Контекст

В 2011 году в контексте протестов распространилось словечко «креакл» — сокращение от словосочетания «креативный класс». Идею креативного класса ввел в оборот канадский экономист и социолог Ричард Флорида в работе «The Rise Of The Creative Class» — так он назвал новый социальный тип в мировой экономике. Позднее эту книгу перевели на русский, а термин использовал политтехнолог Глеб Павловский в манифесте движения в поддержку Дмитрия Медведева в 2008 году.

Но на фоне протестов 2011 года значение социальной группы, развивающей в России креативную экономику, поменялось. «Серый кардинал» российской политики Владислав Сурков отметил, что протестуют в основном представители «креативного

класса». Уничижительное сокращение «креакл» противники протестующих стали использовать зимой 2011–2012 годов. Долгоживущим мем не стал и со временем забылся, но иногда о нем вспоминают — чаще всего в том же издевательском ключе по отношению к оппозиционно настроенным российским гражданам.

Мы все твердим: господи, да ведь и не такое пережидали! Мы говорим: да мы ведь проходили это уже все, и рубль не в два раза падал — в четыре, и ничего! Крестимся: главное, чтобы здоровы были все, а деньги — что деньги! Все ведь не тридцать седьмой, все ведь за анекдоты не расстреливают!

Наш народ живуч, приучен не жрать, не роптать и устойчив к морозам. Вклады у него отбирали, на ваучерах его обманывали, карточки вместо продуктов выдавали. И вообще где евро — и где оборона Сталинграда!

Верно. Конечно, мы это пережидали. Конечно, проходили. И спасибо, что не расстреливают. Да,

русский народ неистребим. Но сегодня мы хороним не русский народ.

И не русских олигархов хороним мы сегодня: все, кто мог, давным-давно уже перекачали все свои деньги за границу, разместили их на Каймановых островах, в цюрихских убежищах или вложили в американскую недвижимость, да и сами живут скорее в Лондоне, чем в зоне юрисдикции Следственного комитета.

И туда же, и потому же — отправили свои накопления наши чиновники, главы госкорпораций и прочие ярмарочные патриоты. Они потому-то и безмятежны, потому и нам советуют расслабиться да получать удовольствие, что их-то все деньги давно эвакуированы из нашей неуютной страны. Какая разница им, упадет рубль или поднимется? Не очень-то даже и интересно наблюдать за его дерганием. Так что чиновничество русское хоронить тоже рано.

А хороним мы русский средний класс.

Да был ли он в России? Кого же мы под этим средним классом имеем в виду?

А всех тех, кто достаточно зарабатывал, чтобы ездить на главные праздники в Париж, а отдыхать привык в Турции хотя бы. Всех, кто успел пересестись с «жигулей» на «кии», а то и с «кий» на «фольксвагены». Кому понравились финское масло и голландский сыр. Кто в испанские масс-бренды привык одеваться, а то и в итальянские настоящие. Всех, кто имел счастье сам узнать, что такое Европа и что такое уровень жизни, одним глазком пусть, но своим собственным увидеть — а не в репортажах «Вестей» или еще «Международной панорамы». Ну и кто, наконец, оборзев от этих излишеств, русскому народу непривычных и вредных, на секундочку вообразил, что и он — народ не хуже европейских, возалкал запретного и полез на Болотную и на Сахарова.

Узнали себя?

Полгода назад вы две тысячи евро зарабатывали, а сегодня уже тысячу. А завтра пятьсот будете.

А послезавтра — одному Богу известно, так что и вы не загадывайте. Полгода назад вы в Рим на каникулы летели, в Паттайю прогневшую — а сейчас в Симферополь пожалте, может, полюбите наконец от безвыходности. Вчера еще жрали свой пармезан вонючий, несмотря на все меры, а теперь — подите, подступитесь-ка к нему по тыще рублей за крошку. Ничего. Костромской пожуете. Он тоже будь здоров пахнет. И забудьте уже про немецкие машины! Немчуру за подлость покарать пора, а русский человек и в принципе должен ездить на метро, так от него пробок меньше.

Хватит бесплодных и вредных мечтаний! Думайте о насущном: как концы с концами свести и где жратвы достать. Ни до чего хорошего русского человека изобилие довести не могло! От лишних денег у него несварение, а от экскурсий в европейскую жизнь — самомнение распухает. Средний класс противостоит самому укладу русской жизни и вреден, вреден государству российскому!

А нужны государству: чернь и голытьба, благодарная ему за любые подачки и готовые подставить полые свои головы под любые помои, да воры-бояре, живущие в шаге от царской милости и в шаге же от лютой и внезапной казни, да верная опричина, чтобы каждого в страхе держать, ну и царь, чтобы всех их приизирать и владеть ими; а отвечать царь может только перед Богом. Вот так спокон веков и на веки вечныя: и при императоре, и при красных, и при Путине, и далее везде.

Потому Путин любит Уралвагонзавод — и не любит мелкий бизнес. Потому он великодушный покровитель военных и учителей — и великодушный враг креаклов. Ему не нужны креаклы, и не нужны индивидуальные предприниматели, и офисные работники ему бесполезны. Любой, кто прилично зарабатывает себе на жизнь своим трудом, государству ничем не обязан, и это делает из него потенциального бунтаря.

Средний класс воображает себе какие-то права. Средний класс требует у власти отчета. Он хочет,

чтобы власть — ересь какая! — сменялась. Средний класс, перекрестимся, свергал абсолютные монархии в Англии и во Франции.

Но с нами этот фокус не пройдет!

И не надо даже этот вредный класс физически уничтожать, у нас же не Средневековье тут, к сожалению. Достаточно просто у него три четверти денег изъять — и он забудет о своей блажи, а вспомнит зато священный ужас и благоговение перед Властью, непредсказуемой и неумолимой, как сама судьба. Станет опять нормальным русским человеком — живучим, морозоустойчивым и со всем согласным.

Прощай, русский средний класс. Был твой век недолог, счастлив и ярок, как всякое детство. Похоронят тебя скромно, не до роскошества, и воткнут в твою могилку на всякий случай осиновый крест.

Спи спокойно, средний класс. Жри пыль.

06–03–2015

Все возможно²⁸

Контекст

Политические убийства — еще одна важная примета России и при Ельцине, и особенно при Путине. Их жертвами становились журналисты Анна Политковская и Дмитрий Холодов, политические активисты Станислав Маркелов и Анастасия Бабурова, депутаты Госдумы и даже губернаторы.

27 февраля 2015 года на Большом Москворецком мосту застрелили Бориса Немцова — оппозиционного политика, бывшего вице-премьера правительства России. В момент убийства Немцов был сопредседателем оппозиционной партии ПАРНАС (ранее — РПР) и депутатом Ярославской областной думы. К расследованию со стороны общества было много вопросов. Обвинения в подготовке и совер-

²⁸ Для журнала Focus (Германия).

шении убийства предъявили пятерым: Анзору и Шадиду Губашевым, Зауру Дадаеву, Хамзату Бахаеву и Темирлану Эскерханову. В 2017 году их приговорили к различным срокам лишения свободы, однако заказчика убийства суд так и не назвал. Большая часть приговоренных так или иначе была связана с главой Чечни Рамзаном Кадыровым.

Помню, всего два года назад я любил порассуждать: вот как, интересно, немецкий народ, который не просто гордился — кичился своей сложнейшей культурой, утонченной и мудрой литературой, передовой философией, гуманистической традицией — своей великой, без лести, цивилизацией, — смог за два десятка лет всего совершенно озвереть и превратиться сначала в толпу, а потом в стаю, разучиться думать — с готовностью, со страстью разучиться, — поверить необаятельному людоеду, произвести его в свои национальные вожди и приняться с немецкой систематичностью и любовью к порядку истреблять живых людей другой крови?

Мне интересен был тут не Гитлер, чью харизму я не мог почувствовать, но допускал, а простые немцы: почему добропорядочные граждане готовы оскотиниться, зачем им нужно сдавать соседей в концлагеря и почему им так легко оказывается возить своих детей в присланных из Биркенау детских колясках?

Я старался, но никак не мог понять, какие детали человеческой души тут в ответе. Моя собственная страна тоже прошла через тоталитаризм, через репрессии; но в сталинском Союзе, мне кажется, какой-то другой механизм действовал: там за счет массовости и непредсказуемости репрессий людям внушался животный ужас, они совершенно теряли способность здраво рассуждать и сопротивляться и покорно ждали, кого Молох сожрет следующим.

И вот год назад мне показали, как это бывает. Как народ, который двадцать лет, вроде бы, жил свободно, которому дозволялось (впервые за всю

его тысячелетнюю историю) вольнодумство и возможность выбирать себе веру и идеологию, может за несколько месяцев скатиться не просто обратно во времена советские, диктаторские — а дальше, глубже, в какое-то уже и вовсе Средневековье.

Оказалось, всего-то и нужно для этого: превратить телевидение из средства информации в средство пропаганды. Это было сделано одновременно грубо, примитивно — и мастерски. Йозеф Геббельс мечтал бы располагать таким инструментом, как современное российское ТВ. То, на что Геббельсу потребовалось десятилетие, у нас провернули за год. Народ оказался готов к этому. Готов поверить, что мы окружены врагами. Что нас хотят раздробить на куски, оккупировать, колонизировать, высосать нашу драгоценную нефть и наш любимый газ. Сожрать нас и переварить. Добить нас и поднять над Кремлем звездно-полосатый флаг. А почему мы им поверили, почему купились на такую иногда очевидную ложь? Ведь мы не проиграли по-настоящему холодную войну. Ведь нас не оккупировали враги, не

обязали нас платить миллиардные репарации, американские морпехи не прошли победным маршем по Красной площади, и никто не отобрал у нас обратно Калининград. Откуда взялось это ощущение национального унижения, поражения, которое и раздули телеканалы?

Конечно, разваливается и тонет империя, которую триста лет собирали. Ни одному народу прощение с империей не давалось легко — даже венгры до сих пор никак смириться не могут. И да, выяснилось, что вся система ценностей, в которой нас растили, идеология — оказались вдруг ошибочными. Но главное — у людей в новой России не было чувства избранности, уникальности, величия, не было ощущения принадлежности к силе, которую уважают и боятся все в мире и которая этот мир меняет.

Русский человек никогда не был по-настоящему свободен: в личной жизни разве что, и то далеко не всегда. И никогда он не был сыт. И никогда государство не позволяло ему ощутить уважение к себе. Во все времена это уважение заменялось на гордость

за свою страну. Основанную, разумеется, на пропаганде. А в последние годы страна никаких новых поводов для гордости не давала, только для презрения и сомнений. Именно поэтому все с большим размахом и помпой государство праздновало каждый год День Победы, 9 Мая. Не случилось в новейшей истории России никаких побед более важных, чем победа СССР над гитлеровской Германией. Миф о борьбе с фашизмом и победе над ним стал главным идеологическим мифом современной России, главным объединяющим фактором для разношерстного, многонационального населения нашей страны.

Вот и весь психоанализ.

Но неужели этого достаточно, чтобы девять из десяти моих сограждан вдруг поверили в то, что миллион человек на киевском Майдане — таких же людей, как и любой российский телезритель — получали зарплату от Госдепа США? Поверили. И поверили, что в Киеве к власти пришли настоящие фашисты, лубочные, из старого кино про войну. Поверили

в грубо намалеванные истерические пропагандистские сюжетики про распятых украинскими фашистами на площадях восточнoукраинских городов маленьких детей.

Поверили в то, что Крым, если бы мы его аншлюсом не присоединили, отняли бы американцы и разместили в Священном Севастополе свой какой-нибудь Шестой флот²⁹. Даже мои образованные друзья в это верят! Говорю им: никому не нужен Севастополь! Турция, у которой армия российской не уступает, полвека уже член НАТО — и контролирует

²⁹ Один из важных пропагандистских тропов: «Если бы мы не взяли Крым, то его заняли бы солдаты НАТО». Это популярное пропагандистское обоснование причин присоединения Крыма к России. Уже в апреле 2014 года Путин заявил, что решение о присоединении полуострова было принято по тем причинам, что были опасения, «что если мы ничего не сделаем, то они втащат в НАТО Украину, скажут “Вас это не касается” — и натовские корабли окажутся в городе российской воинской славы». Это обоснование много раз воспроизводилось — и в пропаганде, и на официальном уровне. В марте 2022 года, уже после начала вторжения России в Украину, министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил в интервью «Аль-Джазире», что «военные базы НАТО появились бы в Крыму, если бы он в 2014 году не воссоединился с Россией, а остался в составе Украины».

полностью Босфор и Дарданеллы. Никому не нужен был Крым, кроме Путина — чтобы помешать Украине войти в НАТО! Не слышат, не понимают, не верят. Не хотят даже думать, что это Россия вторглась в Донбасс. Скажи это вслух — назовут предателем. «Нет, это украинские фашисты ведут карательную операцию против донбасских ополченцев». Вот и понадобилась мифология Великой Отечественной войны! Я-то думал: пронафталиненная чушь, черно-белые фотографии с незнакомыми лицами... Оказалось, полезные наработки.

И не станет лучше, не становится: теперь убили Немцова, и вроде телевизор из уважения к покойному чуть поостыл, не стал глумиться над трупом; но читаешь интернет — а там заведенные, растревоженные, накрученные пропагандой граждане кричат: «Собаке — собачья смерть!» А те десять, наверное, уже процентов, которые с самого начала видели за всей крымской и донбасской кампанией, за ложью о продолжении Великой Отечественной, за

раздуванием антизападной истерии прагматичный расчет, хладнокровное манипулирование отупленным населением, — теперь да, боятся. Говорят, что не боятся, и выходят десятками тысяч на марш в центре Москвы — но боятся, конечно. Если Немцова смогли убить — то, наверное, и любого смогут. Кто бы это ни был. И все теперь — после Крыма, после Донбасса, после Немцова — может произойти. И лагеря, и репрессии, и коляски из Биркенау. Как-то это, оказывается, незаметно происходит с людьми. И не только немцы на это способны, а и мы, видимо. Не хочется в это верить. Хочется успокоить себя: это паника, это паранойя. Но и в Германии, думаю, были свои десять процентов, которые не голосовали, не маршировали, не громили — и тоже никак не хотели верить в то, что это все вообще возможно.

Оказалось, возможно. И теперь, кажется, возможно все.

Взгляд из будущего

Действительно, оказалось возможно все: и десять лет лагерей за антивоенные интервью и посты в интернете, и сотни тысяч брошенных в бессмысленную мясорубку судеб, и сама экзистенциальная, первая такая в истории двух наших стран война между Россией и Украиной. И псевдопатриотическая истерия, и псевдопатриотическая шиза. И доносительство на соседей, и на тех, кто в метро украинские новости читал, и на тех, кто в желто-голубое случайно оделся.

Хотя и случилось это не так быстро, как казалось вероятным из того трагического момента. И сползание в политическую и гуманитарную бездну для многих — для всех, в общем, кто выбрал для себя «не интересоваться политикой», прошло незаметно, потому что уровень бытового комфорта в российских городах одновременно с этим рос, шло благоустройство, дигитализация жизни повышала ее удобство: приложения решали любые бытовые проблемы, общение

с государством стало проще благодаря функциональным порталам вроде «Госуслуг», расцвел общепит и ресторанный бизнес, городская среда была облагорожена усилиями приглашенных урбанистов...

Был ли это просто фасад, прикрывающий развращающуюся за ним преисподнюю? Но для многих людей этот фасад и был декорацией их повседневной, вполне счастливой жизни. Многие и до сих пор считают Москву лучшим городом на земле — самым чистым, безопасным, красивым и комфортным.

И все же игнорировать жар преисподней становится все труднее. Уже чернеют и начинают тлеть картонные декорации — даже в по-прежнему чистой и красивой Москве, теперь завешанной вербовочными армейскими билбордами. И в Москве тоже устраивали у станций метро облавы на случайных граждан, когда упоминаемый в следующей статье Молох решил загрести триста тысяч человек и под предлогом

мобилизации их сожрать. Люди запаниковали, метнулись через границы сломя голову — но, когда Молох насытился, вздохнули и вернулись обратно. И зажили как прежде, нахваливая лучший город на земле и другие свои привычные города.

Может, за счет вот этой нашей забывчивости, за счет нежелания «думать о плохом», за счет страусиной привычки прятать голову в песок и возможно оказалось проделать с нами все самое немыслимое. И не факт, что худшее уже позади.

14–09–2015

Национальный склероз

Контекст

Протесты, ставшие частью «арабской весны» — серии революций и массовых выступлений в странах Северной Африки и на Ближнем Востоке, — начались в Сирии в марте 2011 года и быстро переросли в вооруженное противостояние. В ответ на насилие со стороны правительства в Сирии оппозиция взялась за оружие. Война распространилась по всей стране и переросла в сложный конфликт с участием множества группировок, включая сирийскую оппозицию, экстремистские организации и исламистские террористические группы, такие как ИГИЛ. 30 сентября 2015 года Россия официально объявила о начале военной операции в Сирии на стороне правительства Башара аль-Асада. Однако свидетельства присутствия российских военных в Сирии появля-

лись и до того. В начале колонки Дмитрий Глуховский сравнивает ситуацию в России осенью 2015 года со временем начала советской войны в Афганистане летом 1979 года. Все 1970-е годы в отношениях между СССР и США продолжалась политика «разрядки» — сближение двух супердержав и поиск взаимовыгодной формы сосуществования, — но война в Афганистане положила ей конец. Эта параллель стала одной из ключевых в разговоре о значении войны в Сирии для современной России. Перекликаются с эпохой Брежнева и другие мотивы: и в брежневском Политбюро, и в окружении Путина совершенно нет молодых людей. «В последнем сталинском пополнении партийной верхушки в 1952 г. не было ни одного человека моложе 40 лет, а за все 80-е годы одряхлевшая партийная олигархия не допустила в свой клуб ни одного юнца, не достигшего 50-летнего возраста. Средний возраст члена Полит-

бюро, избранного на VIII съезде партии (1919 г.), составлял 38 лет, на XVIII (1939 г.) — 48,8, на XXII (1961 г.) — 56,1, на XXVI (1981 г.) — 67,7 года»³⁰.

В январе 2022 года российское издание «Важные истории» подсчитало средний возраст высших российских чиновников. Они почти сравнялись с брежневскими, но все еще были моложе американских. «Средний возраст руководства высших органов законодательной и исполнительной власти в России сейчас составляет 55 лет. Это немного меньше, чем при генсеке СССР Леониде Брежнев (55,9 года), но больше, чем при последнем советском руководителе Михаиле Горбачеве (51,6 года) и первом президенте России Борисе Ельцине (50,2 года). Также это больше, чем в начале президентской карьеры Владимира Путина (50,9 года)», — писали «Важные истории».

³⁰ Вишневский А. Высшая элита РКП(б) — ВКП(б) — КПСС (1917–1989): немного статистики // Население & Общество. 1997. № 21. Сентябрь [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180976/1997_n4_p38-44.pdf]. Дата обращения: 05.10.2023.

Я родился в июне 1979-го — в тот самый месяц и в тот самый год, когда Советский Союз начал массированный ввод войск в Афганистан, когда, собственно, началась для нашего народа Афганская война.

Решение принимало Политбюро. В усилении афганских исламистов оно увидело угрозу для Советского Союза: исламизм мог распространиться через границу на Таджикистан и другие среднеазиатские республики.

СССР тогда, казалось, находился на пике своего экономического и военного могущества. Секретный указ президента США Картера о помощи моджахедам был подписан только 3 июля, после того как началось широкомасштабное советское вмешательство. Но вряд ли Картер смел и мечтать о том, что этот указ приведет к победе США в противостоянии с Союзом. Афганская война измотала экономику СССР и в конечном итоге привела к его распаду

— напрямую осуществив тот наихудший сценарий, которого Политбюро хотело избежать.

Политбюро уже тогда состояло из впадающего в маразм старичья, которое не знало, что делать с изменяющимся миром и пыталось запретить миру меняться военной силой. И некому было остановить его или поправить ошибку: советский человек был в трех поколениях обучен согласно молчать, нести в гнилозубую пасть власти на пожирание своих родных детей и восторженно аплодировать ее сытой отрыжке.

Вот мне тридцать шесть. Брежнев умер, Язов умер, Андропов умер. Советский Союз окошел. Но не выродился советский человек. И тридцать шесть лет спустя он опять аплодирует, когда в далекую никчемную страну, которой правит очередной подшефный Кремлю диктатор, потомственный военный преступник и вор, едут воевать его сыновья.

Пока власть отвирается лениво, то одним фиговым листком прикрываясь, то другим, соцсети забиты селфи наших солдат в Сирии. Морская пехота,

летчики, моряки — фотографируются с уличными портретами Асада, с сирийскими сослуживцами, с сирийскими женщинами. Все, мы опять влипли. Чуть позже нам снова снисходительно объяснят про интернациональный долг и снова доверительным шепотком расскажут про жидомасонскую геополитику. И мы снова поверим — да мы и уже поверили.

Воистину благословен советский человек! Он не помнит тысяч и тысяч цинковых гробов, которые возвращались из другой далекой страны всего-то недавно — в моем детстве. Советский человек не помнит, что такая же вот точно авантюра, также предназначенная для того, чтобы удержать его империю от развала, привела именно к развалу его империи. Советский человек не помнит очередей за колбасой, продуктовых карточек, гиперинфляции, нищеты и хаоса. Советский человек — однодневка. Он не помнит вообще ничего.

Не помнит Беслана, не помнит «Норд-Оста», не помнит терактов в метро, не помнит и не хочет вспо-

минать, как начинались и как заканчивались чеченские войны. Не помнит кремлевского людоедства при Ленине и Сталине. Не помнит лагерей, не помнит, что трупы сотен тысяч расстрелянных и умерших от непосильного труда рабов прямо сейчас лежат в вечной мерзлоте в Восточной Сибири — нетронутые тленом, будто вчера погибшие. Не желает помнить голодных бунтов крестьянских, ядовитыми газами подавленных.

Вместо памяти ему — нескончаемый тифозный бред телеэфира, липкие кошмары с абсурдными выморочными сюжетами. Что сегодняшними «соловьевым» и «толстым» названо правдой и былью, то для него и есть несомненная правда и быль. А новый день будет — будет и новая истина. Советский человек, загипнотизированный, про свое настоящее прошлое не знает, ничего не понимает.

Добрая душа: зла не помнит. Всё власти простил и всё простит. Снова и снова входит в привычный кроличий транс. Опять готов к тому, чтобы его жрали.

Жри нас, Молох! Забирай наши земли, наши жизни, души наши бери! Мы ничего не почувствуем! Мы ничего не поймем! Во всем обвиним врагов, а вождей — восславим! Ничего никогда не запомним! Ничему никогда не научимся!

У нас — склероз, Молох. Наши жизни ничего не стоят. У других народов — история, а у нас — каждый день с чистого листа.

15–08–2015

Мы не они

Контекст

Российская пропаганда с энтузиазмом воспользовалась возможностями, которые открыли западные санкции после аннексии Крыма. Антизападная и антилиберальная кампания, начавшаяся гораздо раньше, органично перетекла в развитие антиукраинской риторики. Сближение с Западом, смена режима, построение правового общества российская власть пыталась дискредитировать и до того. Теперь же Украина стала воплощением именно такого пути, и его порочность и губительность начали демонстрировать на ее примере. Конечно, разговоры о губительности как-то не вязались с реальностью, в которой российская, а вовсе не украинская экономика, оказавшись под международными санкциями, очевидно переживала серьезный кризис. При-

ходилось отвлекать население, налегая на нарративы о «фашизме» киевского режима, о мессианской роли России в спасении «братьев» и «соотечественников», оказавшихся в его тисках; об особом, уникальном российском историческом пути.

Социолог Лев Гудков отмечал, что на этой идее разделенной нации и основывался патриотический подъем: «Крым наш», «Крым всегда должен был принадлежать России», «Мы должны защищать своих соотечественников, независимо от того, что они живут в другом государстве», «Мы имеем право вмешиваться в дела других стран». Устанавливалось понятие единства по крови, по происхождению, которое нивелирует все представления об институтах, международном праве и морали, — архаическое по своей сути³¹.

В поисках поводов для народной гордости, которыми можно красиво потрясать в защиту «особого

³¹ Гудков Л. Об эффективности пропаганды в России [Электронный ресурс] / Л. Гудков. Электрон. дан. М.: Левада-Центр, 2015. Режим доступа: [<https://www.levada.ru/2015/12/16/lev-gudkov-ob-effektivnosti-propagandy-v-rossii/>]. Дата доступа: 05.10.2023.

российского пути», вернулись архаичные лозунги о величии отечественного оружия. «Не смешите мои Искандеры» — один из самых известных девизов нового витка пропагандистской кампании, начавшейся после присоединения Крыма. Рождение этой фразы обычно связывают с акцией, которая прошла в конце сентября 2014 года в Москве. Она называлась «Модный ответ — санкциям нет!». Тогда дизайнер Анастасия Задорина и президент фонда «Содействие» Ксения Мельникова создали коллекцию футболок с «креативными» принтами: «Санкции? Не смешите мои Искандеры», «Тополь санкций не боится», «Пассажир из России — при санкциях не будить». «Искандер-М» и «Тополь-М» — комплексы с ракетами, способными нести ядерный заряд. Вот так уже тогда ввели в публичный дискурс идею ядерного шантажа, которая в полную силу раскрылась в риторике российских государственных деятелей во время полномасштабного вторжения в Украину.

Сегодня в пропагандистских мемах того же типа пользуются популярностью ракеты «Сармат». Бывший руководитель Роскосмоса и бывший представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин, известный своей склонностью к поэтическому творчеству, даже написал о них стихи, которые певец Денис Майданов затем превратил в песню:

*Богатырь с электроникой сложной
Защитить свою родину рад.
Мы в контейнер стальной осторожно
Опускаем наш грозный Сармат.
Дремлет комплекс командных приборов,
Ждет команды могучий заряд.
Поразить неприятеля норы
Собирается русский Сармат.
Эх, Россия-матушка,
В бой готов Сарматушка,
Верь нам, с красным знаменем
Ба-бу-шкааа!*

Москва летом 2015-го: еще вся в георгиевских лентах, пусть и выцветающих уже, машин меньше, люди нахмурились, магазинные полки обеднели, уличная реклама смеется над санкциями, по телевизору рассказывают только о том, как скверно жить на объятой хаосом Украине, как будто никакой собственной жизни у россиян и нет. Политик в стране есть лишь один, и других, кажется, уже не будет.

Киев этим же летом: на улицах фронтовики в форме гуляют с барышнями в мини, билборды рекламируют военно-патриотические движения, магазины забиты запрещенными в России продуктами, на улицах и в ресторанах все говорят по-русски, а по телевизору на обоих языках передают сводки с полей сражений, где украинские солдаты сражаются с российскими оккупантами.

Политиком пытается быть каждый. Два разных государства! Но вот общее: по обе стороны границы, на которой теперь россиян допрашивают: не затем ли вы едете в Украину, чтобы с нами тут воевать? — подъем национального духа.

Футболки и айфонные чехлы с Путиным в большой моде в Москве; желто-голубые флаги над частными домами, магазинами, машинами — в Киеве. И у нас, и у них — наконец гордость за свою страну. Впервые за двадцать с лишним лет.

Россия все двадцать лет после объявления своей независимости (от чего? от имперского бремени?) пыталась найти себе новую национальную идею, идеологию, веру в себя обрести. Но люди, которые изобретали это для нас в Администрации президента и экспертном сообществе, были слишком сами неверующие и циничные, слишком были увлечены освоением бюджетов и побочным бизнесом, поэтому национальные идеи у них получались все полудохлые, как гомункулус в пробирке.

Демократия наша мертворожденная, модернизация наша мертворожденная, энергетическая супердержавность наша — кислых щей.

Ничто не прижилось в народе и ничто не работало, кроме одного призыва: «Обогащайтесь!» Хотя

большинство и решило, что обогатиться — значит набрать потребительских кредитов³².

А пока Россия пыталась себя независимую и новую придумать, Украина старалась вообще — стать. Стать настоящим государством, единым, построить новую общую для своего Востока и для своего Запада идентичность, поверить в себя; но и у них во власть попадали всегда исключительно люди с коммерческой жилкой. Всех только бизнес интересовал — кого белый, кого серый, кого черный. Политика и все национальное строительство было побочным явлением борьбы деловых кланов за предприятия,

³² В 2015 году газета «Ведомости» сообщала, что незакрытые кредиты есть у более чем половины экономически активного населения России (39,4 млн человек); просроченных платежей у россиян накопилось на 780 млрд рублей, а вся непогашенная задолженность составляла 10,6 трлн. Отдельным фактором, повышавшим закредитованность населения, было распространение микрофинансовых организаций, которые выдавали сравнительно небольшие кредиты под гораздо более высокие проценты — этот сегмент кредитования особенно сильно вырос в 2013–2014 годах, во время экономического кризиса, вызванного войной и санкциями. На начало 2023 года, по данным Центробанка, жители России были должны банкам больше 26,9 трлн рублей.

ископаемые и газовый транзит и отводом глаз населения от этих важных процессов. А простые украинцы, как и мы, все эти годы просто пытались выжить и заработать.

Не было, не появилось — ни у нас, ни у них — идеи и веры, которые люди приняли бы, которые подняли бы на знамена, с которыми можно было бы свою страну вперед вести. Поэтому болтались в безвременье — и мы, и они.

А единственное, оказалось, что может нам помочь определиться — это ненависть друг к другу. Объяснимо — и необъяснимо.

Если кто и мог по-настоящему во всем СССР, а до него в царской России называться братскими народами по-настоящему, это были именно русские и украинцы. Не с эстонцами же и не с узбеками, будем честны, мы были подлинно, по-братски близки. По-настоящему, буквально: в каждой русской семье есть украинский родственник и в каждой украинской семье есть русская родня. Бок о бок воевали сотни лет, в одних братских могилах перемешаны.

Судьбы наши срослись неразрывно, как сиамские близнецы, и можно ли разделить их, не убив одного или обоих — неизвестно пока.

Конечно, были всегда между нами трения — такие же, как бывают между соседями по коммуналке в кухонной очереди к плите, или как между братьями, у которых жены характерами не сошлись. Наименования эти — хохлы, москали — не сейчас придуманы. И предрассудки: мы, мол, квелые и ленивые пьяницы, они, дескать, пьяницы жадные и хитрые — у нас, конечно, лет тысячу уже друг про друга в ходу. И все же: мы были настоящими братьями, и нам некуда деваться из этой нашей коммуналки в пятую часть суши размером.

Только приревновав, рассорившись, разодравшись со своими братьями, только противопоставив себя им, мы смогли понять, кто же такие мы сами. Весь новый русский-российский патриотизм-национализм — он ведь выстроен вокруг ревности к Украине, которую от нас Запад уводит. Вокруг ощущения того, что нас предали, вокруг презрения-зависти к

украинцам, которые пытаются по скользким краям из нашей вечной навозной ямы от нас к Европе-мечте выбраться.

Вся наша политика по отношению к Украине — это: «Куда? А мы? Да вас обманут там! Вам больше всех надо, что ль? Да вы никто вообще! Да вас звать никак! Да у них там такая же яма, еще и со скотоложством!» — но за всем этим рефреном именно слышится: «Куда? А как же мы?!»

Только благодаря Украине, которая уходит от нас к Европе и к Америке, мы поняли теперь, что сами ни за что на свете туда не хотим и не пойдем. Только благодаря Украине поняли, что порядок нам важнее свободы. Что Великая Отечественная никогда не заканчивалась и никогда не закончится, и что мы всегда будем героически сражаться на ее передовых рубежах, и что готовы жить по законам военного времени: получать скудную продовольственную норму по карточкам, охотиться на врагов народа, стучать на соседей, боготворить Вождя. Поняли, что никакой новой России нам не надо и никогда не

было нужно. Нам нужна только та Россия, которая раньше была: имперская, под тем или под другим соусом, и нечего тут больше выдумывать. Нет для нас другого будущего, кроме прошлого.

А независимая Украина только благодаря нам, благодаря той войне, которую мы против нее развязали, и поняла, что ее независимость в действительности означает и зачем ей дорожить. Только благодаря тому, что мы украинский Восток попробовали оттяпать вслед за Крымом, и тому, что мы все центральное телевидение, все интернет-фабрики лжи и ненависти задействовали, чтобы Восток с Западом сравнить, украинцы наконец — именно вопреки и назло россиянам — почувствовали себя вдруг единым народом, вне зависимости от своей национальности. Все их прежние потуги — попытки всю страну на мову перевести, вышиванки, Шевченко и прочая — не могли их заставить поверить в то, что их собственная Украина — настоящая и целая страна. А вот мы помогли им — почувствовать это и поверить.

Это все в истории, политологии и психологии масс изучено и описано: внешний враг помогает сплотиться народу в трудную минуту, забыть о сложностях и неудобствах жизни. Тут ничего нового, в общем.

Обидно просто, что именно мы друг другу стали такими врагами. Обидно, что стали настоящими государствами, только порвав друг с другом и разойдясь в разные стороны: они в смурное будущее, мы в топкое прошлое. Обидно, что не сможем больше идти рядом, вместе. И что про себя так и знаем только одно: что мы — это не они.

Взгляд из будущего

Писал то, что чувствовал: не знал, как иначе определить свое отношение к украинцам, к Украине. Братство, как точнее сказать? Было такое время и прошло. Нарратив про братские отношения двух народов российской пропагандой был превращен с тех пор в боевой троп, и уже

язык не поворачивается этими словами описывать то, что между нашими народами когда-то было, а теперь, усилиями Путина и его клики, стараниями российских вооруженных сил, варварством и военными преступлениями, бессмысленной и беззаветной жестокостью, грабежами и убийствами, навсегда уничтожено и разрушено.

Сегодня кажется: если и являлись русско-украинские отношения братскими, то это были братские отношения Каина и Авеля. Разве сторож я брату своему?

Но очевидно стало другое: именно война, которая еще в 2014 году началась и стала для Украины Отечественной, национально-освободительной, спаяла ее в единое государство. Именно в горниле этой войны выковывается новая украинская национальная, культурная и политическая идентичность. Создается новый национальный миф со своими героями и жертвами, кровью которых оплачена независимость

и свобода. И в глазах всего мира Украина именно в результате этой войны стала совершенно отдельным от России государством — через несправедливость, кровь, разрушения и отчаянную борьбу за жизнь, — окончательно противопоставленным своему тысячелетнему сибирскому брату.

22–09–2015

Спасение Европы

Контекст

Россия — Европа или Азия? Или все сразу? Этот вопрос, важный для российской истории, в путинские годы был взят в оборот пропагандой — и использовался ею весьма разнообразно.

В российских пропагандистских передачах 2014–2022 годов особенно полюбили противопоставлять «настоящие европейские интересы» «давлению со стороны США». Пропаганда рисовала картину, в которой Вашингтон навязывает Европе невыгодную ей политику, заставляя солидаризироваться с санкциями. Говорилось, что «Европа устала от Украины», а «настоящие» европейские политики поддерживают Россию. Как правило, в роли таковых выступали радикальные европейские правые — от Марин Ле Пен до лидеров «Альтернативы для

Германии». Многих из этих политиков впоследствии уличали в финансовых связях с Кремлем.

В 2015 году в Санкт-Петербурге провели Международный русский консервативный форум — он позиционировался как «демонстрация международной поддержки России в период давления, оказываемого на страну в связи с кризисом на Украине». Участвовало там множество правых, ультраправых и даже неонацистских организаций — от греческой «Золотой зари» и Национал-демократической партии Германии до Британской национальной партии и Партии шведов. Заявлялось, что на самом деле истинный интерес Европы лежит в союзе с Россией, сохранении «христианских и консервативных ценностей» и преодолении разногласий путем диалога российских и европейских «консервативных» сил.

На этом фоне развивались события в Европе и на Ближнем Востоке. В 2015 году в Европу из Сирии, охваченной гражданской войной, хлынули десятки и сотни тысяч беженцев. Одной из стран, которая

резко выступала против приема сирийских беженцев в Евросоюзе, стала Венгрия. Многие беженцы направлялись в Германию через Венгрию. Но из-за правил европейского законодательства, которые предписывают, что страной-убежищем должна стать первая страна ЕС, границу которой пересекает беженец, существовал риск, что из Германии многих беженцев отправят обратно в Венгрию. Оставаться в Венгрии беженцы не хотели — как не хотело их присутствия венгерское правительство. Все это приводило к конфликтам и трагедиям — например, гибели мигрантов в грузовиках, в которые они забирались, чтобы нелегально попасть в Австрию или ФРГ, столкновения с полицией.

Летом 2015 года на вокзале Келети в Будапеште скопилось множество беженцев, надеявшихся покинуть страну, но не имевших возможности это сделать.

Когда в конце сентября 2015 года Россия начала военную операцию в Сирии, первоочередной целью

декларировалась борьба с ИГИЛ. Эта международная террористическая организация планировала создать всемирный халифат и совершала теракты, в том числе в Европе и России. Официальная позиция Кремля гласила, что операция ведется в первую очередь для установления стабильного мира в Сирии, что, соответственно, должно было остановить поток беженцев из Сирии в Европу.

На практике российские ВКС атаковали не только ИГИЛ, но и представителей сирийской оппозиции, воевавших с правительством Асада. Кроме того, позднее Путин говорил, что одной из косвенных задач была проверка российской армии и техники в боевых условиях.

Бытовала и версия, что Россия таким образом хотела участвовать в международной коалиции и примириться с западными странами по другим вопросам — прежде всего, по Украине. Так это или нет, неизвестно; но российская операция в Сирии к примирению с Западом не привела.

Зачем сразу обвинять власти во лжи? Это они не врут, это они о нас заботятся: создают народу комфортную среду обитания. Нам ведь в правде не уютно, нас от нее тошнит. Она нам не нужна. Российский народ желает попасть в мифологию, и хорошо бы в героическую. И вот нам эти мифы по нашему же заказу одни за другими и плетут.

Полтора года нас пичкали мифами о том, что недобитый фашизм поднимает голову и что величайшая война в истории нашего Отечества вернулась. Полтора года мы согласно и воодушевленно воевали на настоящих фронтах этой выдуманной Великой Отечественной войны — 2 со своими бывшими братьями.

Национальный дух испытал подъем: наше дело было очевидно правое, мы были обречены победить, и ожидание победы пополам с ненавистью к врагам — фашистским карателям и их пособникам-полицаям — помогало нам переживать падение рубля и удорожание потребительской корзины.

Мы сдержанно ликовали в День Победы: рано радоваться, война еще не окончена. Мы восхищенно хлопали ядерным ракетам на Красной площади, гаранту нашего бешеного суверенитета. Мы повязали георгиевские ленточки везде, где раньше просто писали слово «хуй». Мы залепили наклейками «На Берлин» накопленные у немцев «БМВ» и «мерседесы». Мы были готовы это дело и повторить, если прикажет Главнокомандующий.

Однако война на украинском фронте, увы, вышла затяжной, позиционной, и пыл стал проходить. И тогда этой фантастической ВОВ-2 нашими мифотворцами был придуман новый финал: нам вновь суждено спасти Европу.

Ведь, хотя мы и божились дойти до Берлина на бис, в душе-то, конечно, с Европой воевать мы не собирались.

Потому что ненависти к Европе у нас на душе нет. Телевизором нам к Европе предусмотрено другое чувство. Европейцев нам властью сказано сейчас снисходительно презирать. За то, что они

увязли в своей неповоротливой сложносоставной демократии, за то, что «утратили былую пассионарность», что «обабились», стали малахольными какими-то, за то что «пидарасов пускают по улицам маршировать», что «пускают к себе всех этих шоколадных дармоедов», раззявы, что так потешно мямлят, не в состоянии решить, чья полиция должна этих варваров ловить, что не только словить никого не могут своими бессильными подагрическими руками, а и не хотят на самом деле, что «квохчут только для виду, а сами-то поудобней нагибаются, чтобы этим вандалам дело облегчить». Нам сказано презирать Европу, за то что начиналась Европа, дескать, великой цивилизацией, а кончилась, дескать, домом престарелых и пшиком.

И в этом прекрасном мифе России и русскому народу отводится роль, конечно же, героическая и благородная. Россия Европу не уничтожать должна, а спасти. Спасти, как спасла уже однажды. Ведь Великая Отечественная — 1 кончилась для нас чем? Спасением Европы и ее освобождением. Мы не

народ-завоеватель, мы — народ-освободитель, и это явствует из любого советского школьного учебника истории, на которых выросло все сегодняшнее зрелое население РФ. Мы знаем этот миф, мы любим этот миф, мы всю свою жизнь ждали сиквел этого мифа. И вот нам его с гордостью представляют.

Не для того ли нас по утрам и вечерам стращали «нашествием на растерянную Европу иммигрантской саранчи», не для того ли заменяли новости с российских полей вестями с будапештского вокзала, чтобы каждый из нас — до самого уж последнего и бомжа, и креакла — прочувствовал, в каком отчаянном положении оказалась Европа из-за своей мягкотелости, из-за своей сороконожьей раскоординированности и этой лицемерной клоунады с демократическими процедурами и правами человека?

И тут на белоснежном жуковском коне с яйцами въезжаем мы.

Мы уничтожаем запрещенное в России Исламское государство, мы побеждаем в сирийской гражданской войне, мы останавливаем наплыв беженцев на изнасилованную томную Европу! Чтобы снова эдак по-кукрыниксовски добродушно и покровительственно подмигнуть ей, сворачивая самокрутку: «Ну че, обделались? Отож! Ла-адно, мы не из обидчивых! Вставай давай, немчура, опасность миновала, хорош враскоряку тута, еще увидит кто!»

И тут-то утомленный затяжными боями в Донбассе телезритель возликует: ай да Путин, ай да сукин сын! Опять он этот Запад как бы и повертел на своей новой мировой оси, но изящно как бы при этом и спас. И мне, телезрителю, вместо намотанных на донбасские деревья кишок и грызущих меня все больше сомнений, позволит увидеть славное шествие наших воинов-победителей среди розовых лепестков — по благодарному Дамаску и благодарному Берлину. Даст мне проявить великодушие, даст почувствовать, что без меня Европу бы совсем

басурмане опустили, героем стать даст. Хороша развязка! Чудо как хороша! Тут и про Крым они от признательности позабудут, и про нас с украинцами все поймут: кто из нас надежный союзник, а кто приживал. Вот какой красивый миф получается. Вся страна уплетет его с аппетитом, и национальный дух у нее вновь зашкалит, и про экономические трудности станет на этом фоне как-то просто неловко заговаривать.

Красив миф, но миф. И годен он только для внутреннего употребления.

Потому что Европу не надо спасать. Она не слаба и не малахольна, она не деградирует и не разваливается, она не состоит из безбожных транссексуалов и спящих исламских террористов. Ее терпимость и многотерпение, ее мягкость и нерасторопность не от беспомощности и не от старческого слабоумия происходят, а от острой памяти и от накопленной мудрости.

Это для нас с привитой всему нашему народу товарищем Сталиным уголовной ментальностью доброта значит слабость, и потому она постыдна и даже опасна. И наша пословица «Боятся — значит, уважают» понятна во всей Европе только нам одним.

Да, Европа медлит сейчас в положении с беженцами — потому что тут ее жизненные интересы вошли в конфликт с ее основополагающими моральными принципами, заложенными после катастрофы Второй мировой. Потому что на такой вызов не может быть — а в особенности для Австрии с Германией — простых ответов и решений. Но ответы и решения обязательно будут найдены, выверенные и точные.

Да, европейцы терпимы к инаким — возможно, и демонстративно терпимы, — потому что так просят прощения у всех заморенных, заколотых и сожженных за десятки веков европейской истории. Потому что Европа только недавно совсем — семьдесят лет назад всего — очнулась от извечного людоедского

морока, и ужаснулась, глядя на свое прошлое, и поклялась себе, что такое больше не должно повториться никогда.

Мы тоже, помнится, в чем-то таком клялись себе голосом Кобзона, еще в прежние времена. Только, видно, это все было во сне и в бреду, а очнуться мы так и не очнулись. А теперь голос Кобзона — вот и сгодился опять — зовет нас снова на священную войну. Спасать Европу, спасать весь мир.

Только нашего Спасителя, кроме нас, не ждет никто. Если мы хотим врать себе — это пожалуйста, это на здоровье, но не стоит думать, что и Европа обязана верить в русские народные сказки.

Да и спасалка-то у нас мир спасать, если честно, так и не выросла.

24–10–2015

Физлицо

Контекст

Разговоры о «рейтинге Путина» — постоянный элемент российской политической жизни с самого начала его правления. Сначала поводом был контраст с поздними временами слабеющего Ельцина. Рейтинг Путина рос — сперва после взрывов в Москве, затем после начала Второй чеченской кампании. В последующие годы высокая поддержка граждан стала одним из главных аргументов власти в любом споре с оппонентами и противниками. По оценкам ВЦИОМ, который признавал, что его главный заказчик — Кремль, рекордных значений рейтинг достиг сначала на фоне аннексии Крыма — 80%, а годом позже на фоне операции в Сирии вырос до 89,9%.

Путь Владимира Путина к президентскому креслу был довольно своеобразным. В конце 1990-х

в России искали «преемника» Ельцина, который смог бы «продолжить его дело». Неформально также обсуждалось, что преемник должен будет тем или иным образом гарантировать безопасность Ельцину и его окружению — «Семье». В конце лета 1999 года Путин (который до того был директором ФСБ) стал премьер-министром, а 31 декабря в своем новогоднем поздравлении Ельцин объявил об уходе с поста. Это сделало Путина исполняющим обязанности президента. На президентские выборы он шел уже в статусе действующего руководителя страны — что, конечно, сильно способствовало успеху и позволило вести предвыборную кампанию уже с позиции победителя.

С 1991 по 1996 год Владимир Путин работал в мэрии Санкт-Петербурга, в ближайшем окружении Анатолия Собчака, куда он поступил после ухода из КГБ. Информации об этом периоде работы Путина в публичном пространстве не так много. Однако еще в 1992 году политик Марина Салье публично обви-

няла Путина в том, что он лично обогатился, подписав невыгодные для города контракты. Марина Салье и Юрий Гладков тогда возглавляли комиссию Санкт-Петербургского городского Совета народных депутатов, созданную для расследования деятельности Владимира Путина, бывшего председателем комитета по внешним связям при мэре. Совет призвал отправить Путина в отставку, но мэр Анатолий Собчак проигнорировал требование.

Позднее разные представители петербургского бизнеса, чиновничества и криминалитета 1990-х годов рассказывали о работе Путина в городской администрации — о его связях с криминалом, участии в незаконной приватизации городской собственности и совместных бизнес-предприятиях с представителями криминального мира.

Выходцев из Петербурга и, прежде всего, из городской администрации начала 1990-х, которые сделали большую карьеру после избрания Путина президентом, стали называть «питерскими». Чаще

всего в их число включают Алексея Миллера, Германа Грефа, Алексея Кудрина, Игоря Сечина, Дмитрия Медведева, Дмитрия Козака, Сергея Нарышкина.

В первые годы президентства Путин занялся выстраиванием «вертикали власти». Заклеймив «лихие 90-е» как время разброда и шатания, Путин провел ряд политических реформ, которые ослабили и без того малоэффективную систему сдержек и противовесов в российской политической системе. На ключевые государственные посты были назначены давние знакомые и коллеги Путина — по КГБ, по администрации Санкт-Петербурга, по школе и университету. Кроме того, изменилась система формирования депутатского корпуса, были отменены выборы губернаторов, в федеральных округах появился институт полномочных представителей президента, которые как бы должны были надзирать над губернаторами. С каждым таким шагом все

больше росла зависимость всех политических деятелей напрямую от президента или правительства, и власть консолидировалась в их руках.

В 2014 году первый замглавы администрации президента РФ Вячеслав Володин заявил, что «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России». Сам Путин с этим не согласился: «Это, конечно, совсем неправильный тезис. Но то, что для меня Россия — это вся моя жизнь, это совершенно очевидный факт. Я не могу себя представить вне России ни на одну секунду».

Вам же все сказали, и давно уже: нет Путина — нет России. Не то что Государство там, к примеру, это Он, по примеру Людовика, а прямо-таки уже решительно сразу Страна, вместе со всеми ее Землями, Акваториями, Богатствами, Историей и многострадальным ее Народом. Те, кто еще не отождествил Путина и страну, должны уже немедленно отождествить — или выметаться из нашей страны

вон. Путин каким-то удивительным образом перестал быть для народа президентом и стал для него безусловным царем. А цари, случается, мешаются в народном сознании со своими царствами.

Путин, разумеется, для народа давно уже не физическое лицо, не некий Владимир Владимирович из плоти и крови, рожденный своей матерью самым обычным человеческим способом ненастным октябрьским днем в далеком пятьдесят втором, а нечто иное, трансцендентное и полубожественное; ничего страшного в том, что мы мало знаем о его прошлом и о его настоящем, мы и не стремимся разузнать, чем он болеет или как там у него с личной жизнью. Мы и не хотим вспоминать о том, что это именно некое физлицо, занявшее руководящий пост в нашем государстве и полюбившее этот пост всей своей душой. Он больше как бы не человек, он — символ России и ее дух, он не от матери своей плоть и не от отца, а от всего народа разом. И когда он отверзает уста, то речет не от себя как бы, а от всех

нас и за каждого из нас. И потому мы согласны с каждым его словом, и потому так истово поддерживаем его во всем, а рейтинг нашего обожания его все бьет и бьет новые рекорды.

А тем временем, не стоило бы нам забывать, что все-таки, хотя иной раз об этом уже очень трудно вспомнить, Владимир Владимирович Путин — это не замещаемая им должность, не символ и, будем честны, не вполне Бог, а все-таки, вы уж простите меня, физлицо.

И это физлицо с довольно специфической биографией, совсем не универсальной для большинства российских граждан. Некоторые детали его биографии он иногда сам нам выкладывает: про загнанную в угол крысу³³, например, или про уличные

³³ В 2000 году, незадолго до выборов президента России, Владимир Путин дал серию подробных и развернутых интервью журналистам «кремлевского пула» Наталье Геворкян, Наталье Тимаковой и Андрею Колесникову. Те интервью легли в основу книги «От первого лица», которая вышла в свет вскоре после победы Путина на президентских выборах и стала версией его официальной биографии (долгое время книга была размещена на официальном сайте Кремля). Среди историй, рассказанных Путиным о детстве и юности, была и такая:

драки³⁴ в Ленинграде. Другие, связанные с тем, чем ему приходилось заниматься по долгу службы в КГБ или в собчаковской мэрии, он оставляет для себя. Но нет сомнений — он очень особенный человек, этот Владимир Владимирович. Его комплексы и его пороки совершенно не обязательно похожи на ваши. А его мечты и его цели уж точно от ваших очень отличаются. У него все не так, как у вас, складывалось в жизни, поверьте. Начать хотя бы с того, что вас не назначили вдруг президентом великой

«Там, на этой лестнице, я раз и навсегда понял, что означает фраза “загнать в угол”. В подъезде жили крысы. И мы с друзьями все время гоняли их палками. Один раз я увидел огромную крысу и начал преследование, пока не загнал ее в угол. Бежать ей было некуда. Тогда она развернулась и бросилась на меня. Это было неожиданно и очень страшно. Теперь уже крыса гналась за мной. Она перепрыгивала через ступеньки, соскакивала в пролеты. Правда, я все равно был быстрее и захлопнул дверь перед ее носом».

³⁴ В конце октября 2015 года, выступая на Валдайском форуме, Путин заявил: «Пятьдесят лет назад ленинградская улица научила меня: если драка неизбежна — бей первым». Этими словами он прокомментировал вопрос о причинах и мотивах действий России во внешней политике как на Ближнем Востоке, так и вообще.

мировой державы, когда вы уже подумывали, прожив большую половину этой жизни, чем будете заниматься на пенсии.

Вам не понять путинской души, а ему не понять вашей, несмотря на доклады о ней, подкладываемые ему на стол каждое утро офицерами ФСБ и ФСО. Хотя сам-то он, наверное, считает, что все тайны вашей души давно постиг, и ВЦИОМ³⁵ с ФСО его в этом убеждают наперебой.

Он ведь не запирается, к своей чести, в башне из слоновой кости, а непрерывно колесит по стране, выучил ее вдоль и поперек, видал и всякого простого человека в ней, и всякого непростого, про всех все знает и при случае может напомнить. Он эту Россию нашу необъятную взял да и объял, и сроднился с ней уже за столько-то лет, и сам наверняка себя

³⁵ В России существует три самых больших социологических службы — Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) и «Левада-Центр» (сейчас признан иноагентом). ВЦИОМ полностью принадлежит государству и именно поэтому долгое время считался более «провластным», а его опросы — наиболее преувеличивающими популярность власти.

без нее не видит, как и ее без себя, чего бы он там из соображений этикета ни заявлял перед каждыми выборами. В конце концов, когда тут этот человек заявил, что Путин и есть Россия, Путин возражать не стал.

И все-таки Владимир Владимирович Путин — не Российская Федерация и не русский народ, а конкретное физлицо. Которое путем долгой, каторжной работы завело все концы управления этой Федерацией и этим народом на себя. И которое вследствие этого все чаще путает себя с вышеуказанной Федерацией и с вышеуказанным народом.

Меня, например, не отпускает чувство, что все, произошедшее с Россией в последние два года — между Россией и Украиной, и в особенности между Россией и Западом, — произошло так, потому что один конкретный человек экстраполировал свои конкретные взаимоотношения с другими людьми и происходящие от этого эмоции — скажем, фрустрацию, скажем, недоверие, скажем, ощущение отверженности — на всю стосорокамиллионную страну,

занимающую одну седьмую часть суши. Мне, например, кажется, что одно конкретное физическое лицо проецирует свои личные и профессиональные качества — скажем, подозрительность, скажем, представления о дружбе и предательстве, скажем, уличные понятия о сути и методах разрешения конфликтов — на отношения между великими державами. У меня, если суммировать, создается ощущение, что Россия ввязалась в противостояние со всем миром, потому что один конкретный человек считает, что его кинули.

Тут, наверное, каждый из нас должен все-таки заглянуть в себя и спросить этого себя там: это для России огромная проблема, что ее не слушают, когда обсуждают судьбы арабских диктаторов, или для одного конкретного человека? Россия ли унижена, когда этому конкретному человеку не подают руки на саммитах? России ли не подают руки — или все-таки именно этому человеку, и почему, собственно, не подают? И Россия ли — вся, целиком —

должна теперь быть поставлена под ружье, чтобы ему снова — пусть и вынужденно — ее подавали?

Не для того ли нужно было перебросить тысячи (пока) солдат и офицеров, десятки (пока) единиц штурмовой авиации и кораблей ВМФ, опять урезать социальные расходы и опять увеличивать военные, не для того ли несчастные стократно выполосканные и высушенные мозги населения полощут вновь, чтобы одно конкретное физическое лицо снова почувствовало к себе уважение, ну или хотя бы почувствовало, что больше не чувствует уважения к тем участникам саммитов, которые не уважают его, потому что так ловко принудило их ползать перед собой на карачках прямо в их дорогуших костюмах, забыв об обо всех их громких словах и избирательных клятвах, чем еще раз доказывают правильность его представлений о мире, в котором нельзя загонять крыс в угол, у каждого человечка есть цена, за которую его можно купить, а в драке главное — ударить первым?

Хотя ни Барак Обама, ни Франсуа Олланд, ни Ангела Меркель, я уверен, на ленинградских улицах не дрались, стукачей для КГБ не вербовали и в девяностых занимались чем-то совсем другим, девять из десяти россиян с понятиями Путина согласны. Так говорит ВЦИОМ.

И еще ВЦИОМ говорит так: девять из десяти нас вопросов себе задавать не хотят или не догадываются, что это вообще можно. Девять из десяти нас путают Путина и Россию так же, как Путина и Россию путает сам Путин. Девять из десяти нас готовы отвечать за Путина, поскольку Путин отвечает за них.

А оставшиеся десять процентов, как и было уже отмечено, могут выметаться из нашей страны (пока).

Взгляд из будущего

Сегодня мне кажется, что именно несоответствие между истинным масштабом личности

физлица Путина В. В. и его стремлением к историческому величию стало чуть ли не главной причиной войны России с Украиной. Судя по многочисленным высказываниям и некоторым оговоркам, президент РФ часто — и на полном серьезе — ставит себя в ряд с прежними властителями нашей страны, от Петра Великого до Михаила Горбачева. И эта референтная группа вынуждает его все время задавать себе вопрос: как в историю России впишет свое имя он, Владимир Путин? Чем запомнится потомкам?

Для назначенца естествен комплекс самозванца; человек, который ничего не сделал, чтобы возглавить одну из великих мировых держав, и тем не менее почти на четверть века оказался ее президентом, не может не задаваться вопросом, на своем ли он месте, по Сеньке ли корона и неужели его восшествие на трон — дело чистого случая? Мы знаем теперь, что да, дело случая. Но этот ответ не может удовлетворять

человека, о котором идет речь. Он потому и оперирует понятиями «судьба» и «предназначение», что пытается себе доказать неслучайность, оправданность своего воцарения. Потому и старается повернуть ход истории, что тем самым доказывает себе, что и сам не проходимец, а личность исторического масштаба. Был бы это человек по-настоящему народом избранный, желанный и естественным образом легитимный, шедший во власть, чтобы изменить жизнь людей к лучшему, и завоевавший ее в результате честной и демократической борьбы, — не было бы у него необходимости доказывать себе и миру обоснованность своих притязаний, развязывая войну, которая его, по всей видимости, и погребет. Вообще же, то, что в российской политике не работает и не принята меритократия, а работает и принят вместо этого непотизм, является корнем не только этой беды, а и многих других.

10–12–2015

Креатуры

Контекст

Государственная пропаганда любила противопоставлять городских интеллигентов, «креаклов», которые «бесятся с жиру», протестуя против власти, «подлинному народу», который живет «простой», «трудовой» жизнью и против власти не бунтует. Представители власти и из себя время от времени пытались изображать людей с «народными» увлечениями, но образ каждый раз разбивался о случайно попавшие в Сеть атрибуты роскоши. Показательно, что когда тот самый «простой» народ проявлял свое недовольство, власть тут же находила причины, чтобы начать борьбу с его протестом и объявить повод для волнений несущественным.

Самый яркий пример — протесты дальнобойщиков против системы взимания платы за проезд большегрузов по федеральным трассам «Платон».

Несмотря на массовые протесты, власть пошла на минимальные уступки, а система все равно заработала.

К 15 ноября 2022 года, за семь лет работы, в бюджет от системы «Платон» поступило более 200 миллиардов рублей — но коммерческие доходы были куда больше.

Протест дальнобойщиков был обречен изначально, ведь «Платон» частично принадлежит бизнесмену из окружения Владимира Путина — Игорю Ротенбергу, сыну Аркадия Ротенберга. Ротенберг познакомился с Путиным в подростковом возрасте, когда занимался дзюдо в одной группе с будущим президентом. Бизнесменом он был еще в девяностых, но его деятельность стала стремительно расширяться с начала нулевых. В 2000 году Путин приказал создать госпредприятие «Росспиртпром», руководителем которого был назначен Ротенберг; предприятие контролировало около 30% российского рынка водки. Его же компания «Стройгазмон-

таж» занималась прокладкой наземной части газопровода «Северный поток». В 2010-е годы Ротенберг получил под контроль издательство «Просвещение», издающее большую часть школьных учебников в России, а также компанию «Красный квадрат» — основного подрядчика по производству контента для Первого канала. В 2020 году журнал Forbes назвал семью Ротенбергов богатейшей в России — общее состояние, по оценке издания, составило \$5,45 млрд. А в 2021 году Аркадий Ротенберг заявил, что именно ему принадлежит так называемый «дворец Путина» в Геленджике, о котором подробно рассказывалось в расследовании Алексея Навального и ФБК.

Младший брат Аркадия — Борис, предприниматель и гражданин Финляндии, не только участвует в бизнес-предприятиях старшего брата, но и был президентом спортивного общества «Динамо», а его сын Роман в 2022 году стал главным тренером петербургской хоккейной команды СКА.

Ротенберги — отнюдь не последние в списке «креатур», как называет назначенцев Путина Дмитрий Глуховский. Юрий Ковальчук — советский физик, доктор физико-математических наук, сблизился с Владимиром Путиным в начале 1990-х и стал одним из членов кооператива «Озеро». Дачный кооператив в Карелии в 1996 году основали Путин с друзьями. Все они позже заняли руководящие административные должности в стране или в аффилированных с государством бизнесах. Ковальчук — крупнейший совладелец банка «Россия» и основатель «Национальной Медиа Группы» — гигантского медиахолдинга, под контролем которого находятся телеканалы РЕН ТВ, Первый канал, Пятый канал, газета «Известия» и ряд других медиаактивов.

Его брат, российский физик Михаил Ковальчук, с 2015 года возглавляет Курчатовский институт. Сын Юрия Борис — председатель правления ПАО «Интер РАО», управляющего энергосетями России.

Любая общественная дискредитация российских государственных деятелей эпохи Путина невозможна — она никак не влияет на их статус. Примеров за четверть века накопилось немало. Можно вспомнить о Юрии Чайке — в прошлом министре юстиции России (1999–2006). С 2006 по 2020 год Чайка служил генпрокурором России, а с 2020 года — полпредом президента в Северо-Кавказском федеральном округе. В конце 2015 года Фонд борьбы с коррупцией Алексея Навального выпустил фильм «Чайка» — в этом расследовании и сам Чайка, и его сыновья Артем и Игорь обвинялись в преступной деятельности, связях с ОПГ (например, с бандой Цапков, совершивших жестокое массовое убийство в станице Куцевской в 2010 году). Официальной реакции на расследование Навального не последовало.

По похожему сценарию развивалась и ситуация с Бастрыкиным. С 2007 года Александр Бастрыкин возглавлял Следственный комитет при Генпрокуратуре РФ, а с 2011 года уже отдельное ведомство —

Следственный комитет России. Когда-то в университете Бастрыкин был одноклассником Путина, а с начала 2000-х стал одним из ключевых российских силовиков. В 2012 году главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов рассказал, что Бастрыкин угрожал журналисту его издания из-за статьи о приговоре банде Цапков, а Алексей Навальный рассказал, что у Бастрыкина есть вид на жительство, недвижимость и бизнес в Чехии. Однако влияние главы СК продолжало расти.

И конечно, громче всего звучала критика, связанная с Дмитрием Медведевым, который в 2008 году сменил Путина на посту президента России. Согласно Конституции, президентом можно быть не более двух сроков подряд. Однако через положенные четыре года правления Медведева произошла «рокировка» — и кандидатом на президентские выборы 2012-го от «Единой России» снова стал Путин. 24 сентября 2011 года на съезде партии Медведев объявил, что они об этом «давно договорились», укрепив свою репутацию назначенца. Кроме того,

при Медведеве продолжительность президентского срока увеличили с четырех лет до шести.

Яхты, острова и часы — типичные аксессуары российских чиновников и высших государственных деятелей в XXI веке. Часы — как деталь, которую легче всего заметить — часто попадали и попадают в фокус общественного внимания. Например, в 2009 году Путина замечали с часами Blancpain Lemania Aqualung Grande Date — примерная стоимость около 10 тысяч долларов. А в 2015 году Алексей Навальный обратил внимание на то, что часы пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова стоят 37 миллионов рублей. Сам Песков позднее заявил, что часы — подарок жены, фигуристки Татьяны Навки. В 2016 году «Новая газета» написала о принадлежащей Игорю Сечину яхте «Принцесса Ольга» — в тот момент яхта входила в сотню самых больших яхт в мире, а ее стоимость составляла около 190 миллионов долларов. В «Роснефти» заявили, что о яхте ничего не знают. Позднее Сечин выдвинул иск о клевете к журналистам и выиграл суд, хотя его жена

Ольга была неоднократно замечена на яхте. И это всего лишь несколько случаев.

На этом фоне особенно лицемерно выглядела декларативная приверженность «духовным ценностям» — чуть ли не обязательный атрибут высших руководителей российского государства. Нередко именно те политики, что позиционировали себя как истово верующих, оказывались замешаны в большом количестве коррупционных скандалов. Например, Владимир Якунин, который с 2005 по 2015 год руководил «Российскими железными дорогами», служит председателем Попечительского совета Центра национальной славы и Фонда Андрея Первозванного и каждый год лично участвует в доставке Благодатного огня из Иерусалима в Москву на пасхальные торжества. Вместе с этим Якунин и его сыновья были фигурантами большого количества антикоррупционных расследований Алексея Навального, из которых стало известно о наличии у Якунина просторного особняка (со специальной комна-

той-шубохранилищем), о бизнесе его сыновей, завязанном на РЖД, а также о наличии у старшего сына британского гражданства.

Другим, пусть и несколько менее публичным православным общественником, был Константин Голощапов. В прессе его называли «массажистом Путина» (по всей видимости, он действительно им в какой-то момент был), но довольно скоро Голощапов стал «авторитетным» петербургским предпринимателем и вел бизнес совместно с братьями Ротенбергами. Голощапов — один из основателей Русского Афонского общества, членами которого были многие представители петербургского городского руководства и бизнеса — включая бывшего губернатора Георгия Полтавченко; Голощапов вел много бизнес-предприятий вместе с сыном губернатора. В 2022 году Голощапов уехал из России из-за обысков, которые у него проводили следователи в связи со старыми госконтрактами его компании «Но-

струм» со структурами «Ленэнерго» и «Водоканалом». В 2023 году вернулся в Россию — и тоже принимает участие в доставке Благодатного огня.

Вы можете возмущаться. Можете требовать справедливости. Кричать.

Дальнобойщики, бизнесмены, врачи, солдатские матери³⁶ и уклонисты, пенсионеры — а потом и все вы прочие, малокровные граждане, из кого звереющее от непривычного голода государство будет выжимать жидкую сукровицу по капельке³⁷. А оно будет выжимать — и вы будете кричать.

³⁶ В октябре 2015 года правозащитная организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга» была исключена из реестра НКО, выполняющих функции иностранного агентства, следует из информации на сайте Минюста России. Однако давление на организацию все равно продолжалось — из-за того, что они не перестали оказывать помощь российским военнослужащим, принимавшим участие в военной операции России в Сирии, привлекали внимание к гибели российских военных на востоке Украины.

³⁷ Осенью 2014 года был принят ряд решений, которые повышали налоги для предпринимателей — выросли налоги на дивиденды, страховые взносы, увеличился Единый налог на вмененные доходы. Шло обсуждение введения пошлины на интернет-торговлю.

И вас услышат. Услышат, но и бровью не поведут.

Потому что государство нынешнее составлено пирамидой из людей, которые вам, малокровные, ничем не обязаны. Которые всем обязаны только своим непосредственным начальникам. Потому что не вы выбирали их, а они. Не вы прикрывали их своим телом в трудную минуту, а начальство. И если их начальство вдруг сгинет куда-то, то и им самим хана. А если вы, малокровные граждане, вдруг куда-то сгинете, то они не сразу даже и почувствуют это.

Вами правят назначенцы. Креатуры, как говорят в политологии. То есть персонажи несамостоятельные, сотворенные умелыми руками старших товарищей.

Все с самого верха идет. Президент начинал как назначенец прежнего президента, его семьи и ранее близких олигархов. И потому первое свое десятилетие во власти занимался главным образом тем, чтобы избавиться от их влияния и от своих по отношению к ним обязательств. В этом вся политика и

заклучалась: как устранить того или иного чиновника или олигарха и как на их место половчей усадить бы верного себе человечка. И это были неплохие по нынешним меркам времена: тогда еще не ясно было, ради чего вся эта кадровая чехарда, именуемая «укреплением вертикали власти», затевается. Теперь-то, когда вертикаль построена и окаменела, понятно, да рыпаться поздно.

Президента часто упрекают в отсутствии стратегического мышления, но в кадровом вопросе он проявил себя как настоящий стратег. На все мало-мальски значимые должности назначались люди совершенно несамостоятельные, решительно ничего из себя не представляющие, с президентом повязанные общим детством, дачей, спортивными секциями, совместной учебой и службой. Именно они, серые заурядности, намеренно превращались в бояр, в министров, в олигархов, в глав госкорпораций и силовых ведомств. На их неподготовленные сред-

нестатистические плечи легла страна. Осуществилась мечта Ильича, и правящая элита стала вся сплошь из кухарок.

У креатур нет других достоинств, кроме преданности своему творцу. Но и недостатков у них нет: будь они хоть трижды воры и убийцы, не говоря о меньших грехах вроде коррупции, — это не мешает их карьере, а только поможет, потому что их греховность делает их еще более зависимыми от их творцов.

Кто такие без Путина Ротенберги? Кто без него Ковальчуки? Кто — Чайка, кто — Бастрыкин? Дмитрий Анатольевич Медведев, назначенец назначенца — кто? Уйдет Путин — что с ними со всеми станется? Сожрут ведь.

Понимают ли креатуры временность и случайность своего нахождения на вершине, чувствуют ли они иллюзорность своих миллиардов, словно в волшебном сне без каких-либо существенных усилий появившихся на появившихся вдруг у них швейцарских и британско-виргинских счетах? Понимают, что

ничем не заслужили это, чувствуют, что это все в любой момент может, как утренняя дымка, рассеяться? Думаю, да. Понимают и чувствуют, но это чувство очень неприятное, давящее. Его хочется сгладить, избавиться от него.

Мы упрекаем их за тысячеметровые замки и дворцы на гектарах священной рублевской земли. Зачем такое излишество? Европейцы и американцы ведь обходятся без всего этого. А креатуры так убеждают себя, что это все по-настоящему с ними, что им не придется сейчас просыпаться обратно в свои убогие девяностые, из которых их невероятной игрой статистических случайностей зашвырнуло на вершину власти великой империи. И яхты, и острова, и часы — для этого. Доказать себе, что все взаправду.

Мы корим их за жадность: мол, у вас и так железные дороги и пароходы, банки и нефть, зачем вам еще превращать общественные магистрали в свою вотчину, зачем еще брать у бедных, вы и так

ведь богаты? А у них нет ощущения реальности своего богатства, нет ощущения реальности происходящего. Это сон, а во сне можно все.

Мы сомневаемся в искренности, с которой они в храмах себе лбы разбивают, в честности их намерений, когда они всяческие православные фонды себе учреждают, с патриархами фоткаются. А они это от отчаяния: не самозванцы даже, а попросту случайные люди пытаются от патриархов получить благословение на царствие, пытаются их святостью подзарядиться, чтобы снять вопросы, откуда у них, креатур, власть: от бога, как во времена православия, самодержавия, народности. Только забывают, что и патриархи у нас ныне тоже назначенные, так что святости от них — ноль.

А окружают себя креатуры — креатурами, творя их, по примеру высших инстанций, по собственному образу и подобию. Некомпетентные плодят некомпетентных, проворовавшиеся — проворовавшихся, ничем не заслужившие — ничем не заслуживших. И так сверху донизу. Вокруг нужны им только верные

люди, которые никогда не предадут, с которыми в разведку можно, которые без тебя — ничто; которые в принципе — ничто.

Слушают креатуры исключительно тех, кто их сотворил. И от своих собственных креатур требуют, чтобы их слушались беспрекословно. Так получают касты. Так строятся секты. Так вербуют в фаланги. И нет ничего за пределами касты и фаланги, ничто не имеет значения — и никто. Хоть бы там и весь остальной народ.

В этой системе нельзя допускать выборы. Не имеет смысла награждать за заслуги. В ней критика — предательство. А ведь только за предательство и можно в ней казнить, и поэтому такая система не может обновляться. Она не может развиваться, не может отвечать на вызовы, и все, что она может делать в трудные времена — это крепить ряды в фаланге. И если фаланга эта марширует в пропасть — что ж, ничего не поделать.

Вместо инстинкта самосохранения — стадное чувство. Вместо страха гибели — чуть ли не предвкушение: вот сейчас сон кончится. Вот сейчас проснемся.

А вы-то что, а, малокровные? А вы ничего. Пасетесь, доглаживаете жухлую траву кризисной осени. Как-нибудь они сами там разберутся и без нас. Чего лезть-то? Ну, этого снимут — другого кого-нибудь назначат. Помолчим, думаете, может, и пронесет.

А хоть бы и кричали.

Взгляд из будущего

И действительно, путинская кадровая политика, при которой он окружил себя людьми исключительно некомпетентными, но при этом ему всецело преданными, поскольку полностью от него зависимыми, позволила ему (по крайней мере, первые полтора года, на момент издания этой книги в 2024 году) консолидировать и удержать под контролем «элиты», которые Запад после

начала войны с Украиной пытался расколоть личными и отраслевыми санкциями.

Но — как и угадано, увы, было в этой статье — марширует эта крепко сбитая фаланга, не нарушив строя, в пропасть.

19–01–2016

Без порток

Контекст

В конце 2015 года житель Чечни Адам Дикаев написал пост, приуроченный к годовщине начала Первой чеченской войны. Реагируя на видео, в котором Кадыров бежал по беговой дорожке под песню «Мой лучший друг — это президент Путин», Дикаев написал: «События 15-летней давности. Не 150, не 300, а 15! А царь бежит себе на беговой дорожке под песню “Мой лучший друг — это президент Путин”. Никто не забыт, ничто не забыто!» Реакция на это последовала немедленно — в «царстве» Кадырова человеческая жизнь, права и достоинство стоили ничтожно, даже в сравнении с остальной Россией, а практика публичного унижения в ответ на критику властей со временем вошла в традицию. Примерно через неделю после публикации поста пользова-

тель Фейсбука Апти Батал опубликовал видеозапись, на которой Адам Дикаев в толстовке и плавках шел по беговой дорожке и сам себя оскорблял. Он говорил: «Я Адам Дикаев из села Автуры. Думая, что меня не найдут, я написал в Инстаграм то, что не нужно было писать. Меня нашли, сняли с меня штаны. Я понял, что я никто. С этих пор Путин — мой отец, дед и царь». В конце видео Дикаев начинал петь песню «Мой лучший друг — это президент Путин».

Эту песню Тимати и Саша Чест выпустили в том же году ко дню рождения президента России. В песне Владимира Путина называли «белым владыкой», «крутым супергероем» и «флагманом». На фоне экономического кризиса в России авторы песни провозглашали, что «русский продукт снова в цене» и «быть первыми — это наш рок». Однако уже в январе 2016 года «русский продукт» в цене серьезно упал — а именно, резко подешевела нефть. 21 января 2016 года цена эталонной марки Brent упала до рекордно низкой с начала 2000-х годов отметки

— \$27,5, вызвав в российском истеблишменте панические настроения. Нефть и газ — источники большей части поступлений в российский бюджет в последние десятилетия, их доля в бюджете страны достигала 51,4%. Российский бюджет на 2017–2019 годы верстался, исходя из цен на нефть \$40 за баррель нефти Urals (обычно стоит на \$2–3 меньше, чем Brent).

В свете серьезного обвала цен на нефть правительство России и руководители регионов столкнулись с проблемой дефицита бюджета. Предлагались самые разные меры от сокращения расходов до повышения налогов. Вице-премьер Шувалов давал поручение правительству РФ предложить 3 новых варианта сценария, по которым может развиваться российская экономика. Были повышены акцизы на бензин, обсуждалась возможность введения акцизов на «вредные» продукты. Доходы россиян все падали и падали (их рост в реальном исчислении был нивелирован инфляцией), продолжил снижение и оборот розничной торговли (согласно

данным Росстата, он упал примерно на 5%, а еще годом ранее сразу на 10).

Но затем цена на нефть стабилизировалась и начала расти. К концу года, после того как в конце ноября 2016 года на встрече в Вене члены ОПЕК договорились с Россией и рядом других нефтедобывающих стран о сокращении добычи нефти, она достигла 55 долларов за баррель. Необходимость срочно проводить реформы отпала.

Вот она, цена вашей сверхдержавы: 30 долларов.

Тридцать долларов за бочку нефти. Упала нефть до тридцати, и все посыпалось. Правительство не знает, чем бюджетникам платить, регионы ударились в самодеятельность — и спасибо, что все еще не самоуправство, у депутатов отвалилась челюсть и потекла слюна, а президент может только одно сказать — что все правильно и все хорошо, что все хорошо и все правильно, и точно так все идет, как и было задумано.

Тридцать долларов — цена игре в Возрождение Промышленности, во Вставание с Колен, в Возвращение Империи, в Русский Мир и в Геополитику. Оказывается вдруг, что ничего не возродилось, никто с коленей не вставал, а Русский Мир не распространяется даже и на Чечню, где можно воспитывать людей овчарками и прогоном на беговой дорожке без штанов. Да и на Москву, где такое считают соответствующим духу времени.

Ничего не было, оказывается, кроме предельно дорогой нефти. Ничего, кроме шальных денег, которые были распаханы лихорадочно по дырявым государственным карманам. Денег не заработанных, денег, доставшихся без пота, да и кровью-то малой — кровью тех случайных людей, кого отжимали от скважин и вентилях другие случайные люди.

Конечно, мы скучали по империи. Конечно, мы истосковались по величию. Раз уж Запад не смог нас полюбить, мы хотели, чтобы он нас хотя бы боялся, как прежде. Внутри своей страны мы остались

бесправными и ничтожными муравьями, но нам необходимо было хотя бы гордиться своим муравейником.

И нас учили заново этим муравейником гордиться. И тем, как величественно он кишит, и как безудержно разрастается, и как жадно изрывает землю под собой, и как неумолимо надвигается на окрестную экосистему. А за такое — какой муравей не готов будет оказаться раздавленным? Разве что если только самый отъявленно непатриотичный муравей.

В телевизоре для нас было все: сверхсовременное оружие и боеспособная армия, нарядные рабочие в цехах оживающих гигантских заводов, причесанный Кавказ, яркие домики для военных, приодетая в гранит столица, почтение мировых лидеров и снисходительная улыбка президента, с высоты журавлиного полета взирающего на все это колосющееся благолепие.

Те, кто поближе к Национальному Лидеру родился — пригодились в важном. Имитировать на

триллион случайных небесных долларов Возрождение Сверхдержавы. Известным способом: завышением сметы в десять раз.

Им повезло, конечно, но и всем повезло. Каждый получил от царя по копеечке. Пенсионеры, милиционеры, врачи и даже хипстеры в узких штанах.

Всем досталось чуть-чуть от нефтяных денег и щедро — от нефтяного хмеля. Кто-то поверил, что теперь будет как в Союзе. Кто-то — что как в Европе.

Мы себя все с США сравнивали: не хотим, дескать, быть столбовою дворянкой, а желаем — вторым полюсом власти и могущества на Земле, и чтобы немедленно! Слышали?! Не-мед-лен-но!

Но вот настало тридцать долларов за баррель. И на этой отметке ясно сделалось, кем мы были все это время. Банановой республикой. Региональным игроком, случайно разбогатевшим на сырье. Приподнявшимся местным авторитетом.

Не с Обамой нам надо было равняться, а с другими такими же нахлебавшимися нефти региональ-

ными «уважаемыми людьми». С Саудовской Аравией, спускающей миллиарды на ваххабизм, с Венесуэлой и ее мировым боливарианством, с Казахстаном и его уникальным путем. Сюда, сюда России с ее Русским Миром и Возрождением Империи. Снимать портки — и на беговую дорожку, топтаться на месте, пока цивилизация газует за горизонт.

03–02–2016

Равнение на бразильский флаг

Контекст

Чем дальше, тем чаще российский президент говорил о необходимости «укрепления патриотических настроений». Патриотизм в форме беззаветной любви к родине и одобрения любых ее действий преподносился как единственно возможная стратегия поведения российского гражданина. Приверженность такому «патриотизму», конечно, очень полезна для государственных функционеров — поэтому из него решили сделать национальную идею.

Таким образом любого критика можно обвинить в недостаточной любви к родине. Не станет настоящим патриот ругать отчизну, только «гнилые либералы», «далекие от народа интеллигенты» — так формировался образ врага.

С новым рвением развивать эту идею принялись во время протестов 2011–2012 годов. «Недовольным протестующим» стали противопоставлять «рабочих с Уралвагонзавода». Народная поддержка государства якобы выражалась в провластных митингах, за участие в которых платили массовке, или добровольно-принудительно собирали туда работников бюджетных учреждений — такие акции окрестили «путингами».

Нарратив развивали и пропагандисты на зарплате, и отдельные публичные деятели — энтузиасты. Например, писатель Захар Прилепин регулярно атаковал разнообразных «либералов», заявляя о смерти либеральных ценностей и наступлении эпохи ценностей «национальных». Летом 2012 года он опубликовал стилизованную статью «Письмо товарищу Сталину» — оду сталинизму и обвинение оппозиционной общественности. Дескать, «либералы» получили возможность управлять страной именно

благодаря Сталину, но в силу своей низкой, предательской сущности очерняют его память и разбаза-ривают наследие.

На словах патриотизм предполагал и отказ от иностранного, в том числе от иностранных товаров. На практике это часто оказывалось лишь громкими словами. Однако термин «импортозамещение» стал еще одним знаковым словом эпохи, наступившей после аннексии Крыма. В ответ на санкции стран Евросоюза, Австралии, Канады и Норвегии (а позже и других) Россия ввела продовольственное эмбарго — запрет на ввоз «отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» из этих стран. Тут же государственные новостные агентства заговорили о необходимости «импортозаместить» все, что только возможно. Сам процесс породил немало мемов (например, «белорусские креветки» — так называли морепродукты, которые в обход санкций ввозились в Россию транзитом через Беларусь), но при этом стал мейнстримным термином в контексте разговора о развитии российской

экономики. Импортозамещение опять подняли на флаги после начала полномасштабного вторжения и введения жестких санкций против России. При этом одним из ответов российских властей стала легализация «параллельного импорта» — разрешение ввозить в Россию товары и продукты без согласия производителя или правообладателя.

Когда Путин снова стал президентом, сменив Дмитрия Медведева, начался отказ от наследия «медведевских реформ». Реформы не самые примечательные, однако во времена президентства Медведева (2008–2012 годы) инновация и модернизация стали одними из наиболее популярных тем, транслируемых властью в общество. Это были ключевые идеи программных выступлений Медведева. Тогда же, еще в конце нулевых годов, громко начала звучать тема «нанотехнологий».

В 2007 году в России была учреждена корпорация «РОСНАНО», главой ее назначили Анатолия Чубайса. Корпорация должна была стать крупнейшим

инвестфондом, который помогал бы развивать российские разработки в сфере нанотехнологий и выводить их на рынок. Несмотря на то, что публично Чубайс говорил о множественных успехах компании, большую часть времени она оставалась убыточной. В 2022 году «РОСНАНО» оказалась на грани банкротства, в октябре выплаты по ее кредитам проводил Минфин.

Еще один амбициозный проект — появившийся в 2010 году центр «Сколково», научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий, который преподносили как «российскую Кремниевую долину». Фонд стал любимым детищем президента Медведева и главным проектом его правления. Однако с самого начала критики отмечали, что в совете фонда практически нет ученых, опыт технопарков-предшественников игнорируется, а созданные инновации не выведут экономику России на новый путь развития, пока компании не начнут их покупать и

внедрять. В 2013 году «Сколково» пережил несколько крупных коррупционных скандалов, связанных с многомиллионными растратами руководящих лиц. Это существенно уронило его репутацию, а 10 лет спустя, в 2023 году, технопарк и связанные с ним компании были внесены в санкционный список США.

Вот нам и сформулировали наконец единственно возможную Национальную Идею. Путин сказал, это патриотизм. Быть патриотом, стало быть, теперь не просто рекомендация, а прямое распоряжение. А раз она единственно возможная, то все прочие идеи, кроме патриотизма, нам надлежит немедленно выбросить из головы.

Осталось только договориться о том, что такое патриотизм. И тут можно ошибиться. Кто-то вдруг по старой памяти скажет, что быть патриотом значит любить Родину. Это, может, когда-то и имелось в

виду. Но теперь означает совсем другое. Быть патриотом значит любить власть и погромче аплодировать любым ее экспромтам.

«Патриотические писатели», властители «патриотических дум», подают нам пример, как Родину любить правильно. Сомневаетесь в себе — читайте их статьи! Когда Кремль «рубится с фашистской гидрой в Киеве», они своими заклинаниями призывают в наш мир призраки немецких карателей и украинских полицаев. Когда Кремль шурует в Донбассе, они возглашают второе пришествие Русского Мира. Когда Кремль начинает бомбить методом слепого тыка случайные точки на мировой карте, они восславляют удачу наших бомбардировщиков. И все это время впрок тренируются изничтожать интеллигенцию, видимо, нюхом зная, что без этого все равно не обойтись.

Потому что интеллигенция привыкла власть поругивать — кроме, конечно, интеллигенции прикорм-

ленной и приглаженной. Та привыкла лояльно мурлыкать и натруженным загровкой под властную руку подлезать.

А кто власть ругает, тот, конечно, наоборот — «не-патриот». А скоро, видимо, станет совсем уже «врагом народа». Лейбл этот народу понятный, хорошо себя в свое время зарекомендовавший, дух модного сейчас прошлого времени отражающий точно.

А ведь нашей стране можно было бы предложить другую национальную идею вместо слепой и всепрощающей любви к тем, кто сегодня называет себя Россией.

Идею, сообразную времени нынешнему, а не прошлому.

Во-первых, Прогресс. Потому что казачество-сталин-православие-империя-березовыйсок-хохла-дедывоевали-опричина и даже КРЫМ — это все безнадежное прошлое. И в прошлое отбрасывает страну экономический изоляционизм. Импортозамещение будет оборачиваться технологическим отставанием в десятки лет. А мы теперь не

просто отстаем, а еще и называем задержки в развитии своей национальной особенностью и кичимся ими.

Для того, чтобы хотя бы приблизиться к Западу, уже входящему в будущее — с биоинженерией, интернет-экономикой, роботизированными электро-мобилями и армиями дронов, — нам нужна срочная модернизация, основанная, как и любая ускоренная модернизация, на закупке и копировании современных технологий, чтобы не тратить десятилетия на изобретение велосипеда. Наша собственная научно-технологическая революция началась в «РОСНАНО» и закончилась в «Сколково».

Теперь же о модернизации и говорить стало неприлично, потому что это все жалкая медведещина и постыдное западничество. А патриотично — носить папаху и размашисто креститься, из технологий признавая пользу только «Искандеров» и комплексов С-400.

Нам жизненно необходим прогресс. Мы должны догонять, наверстывать. Не только в области науки

и техники, но и цивилизационно. Потому что наш шовинизм и наш открытый имперский национализм, наше высокомерное осуждение терпимости, мультикультурализма, наше непонимание и отрицание глобализации — это прошлый век, двадцатый. Туда же, к двадцатому веку, относится наша тоска по Вождю. А наше небрежение к собственным благам, к собственным правам и к собственным жизням — это и вовсе четкий признак всех средневековых культур. И ровно настолько же нам нужен Порядок. Не в фашистском смысле этого слова, а в правовом. Единство всех перед законом. Соблюдение одинаковых правил всеми членами общества, отмена сословий, каст и классов. Честный суд, честная полиция, честная прокуратура, в конце концов, — вместо частных корпораций, которые продают нам насилие. Порядок в смысле Конституции, которая должна быть высечена в камне, а не вырезана пластмассовым ножиком по пластилиновым скрижалям. Порядок значит гарантии людям их основных человеческих прав. Нужна ли нам демократия? Да. Честные выборы? Конечно. Свобода, равенство,

братство? По мере возможности. Но ничто так не нужно сегодняшней России, как порядок и прогресс. Без порядка и без прогресса сегодняшняя Россия рискует просто перестать существовать.

Порядок и Прогресс. Такой не может, а должна быть наша сегодняшняя национальная идея.

Ее легко запомнить: она записана на государственном флаге Бразилии. «Ordem e Progresso» значится на нем начиная с 1889 года. В Бразилии, видимо, эта потребность ощущалась уже тогда. Нас до этого состояния довели только сейчас.

Взгляд из будущего

Тех, кто ругает власть, она решила назвать «ино-агентами». Такого титула удостоился и я, в компании очень достойных людей. Смысл этого клейма ясен: в отчуждении от послушного и конформного социума людей, не способных или не желающих отказываться от попыток критического мышления.

Смысл — в зачумлении мыслящих людей, так чтобы люди немыслящие боялись не то что окормляться у них, а и близко стоять. Конфликт переводится из плоскости политической, правовой и смысловой в плоскость религиозную, племенную: от народа уже требуют выбирать, с кем он — со своими или с чужими.

Это все, конечно, не лишено остроумия и однозначно опирается и на опыт советской жизни, с его шпиономанией, и на опыт средневековый, с преследованием вольнодумцев как еретиков. Еретизация оппозиции на фоне освящения власти должна дать этой власти передышку, дать ей выиграть время, за которое она изобретет еще какой-нибудь тоталитарный велосипед — или ГУЛАГ, или костры инквизиции. Но все равно будет новый двадцатый съезд, и все равно будет полет в космос. Главное на этот раз — не забыть имена палачей. А то у нас в стране национальное примирение всегда почему-то в их пользу работает.

15-07-2016

Проигранная олимпиада

Контекст

Допинговые скандалы сопровождали профессиональный спорт на протяжении всего срока правления Владимира Путина, но по-настоящему громкую международную огласку они получили накануне Олимпиады в Сочи в 2014 году. В 2010 году сотрудник Российского антидопингового агентства (РУСАДА) Виталий Степанов отправил во Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) информацию о систематическом применении допинга в российской легкой атлетике, а в 2012 году метательница диска Дарья Пищальникова подробно описала российскую допинговую программу для ВАДА.

Однако только в декабре 2014 года, когда немецкая телекомпания ARD показала документальный фильм «Geheimsache Doping: Wie Russland

seine Sieger macht» («Допинговый секрет: Как Россия создает своих чемпионов»), мир начал осознавать масштабы применения допинга. Документальный фильм, в котором показали тайно записанные Степановой разговоры, продемонстрировал, что российские спортивные чиновники поставляли запрещенные вещества в обмен на долю от доходов спортсменов, а также фальсифицировали тесты при содействии сотрудников допинг-контроля.

В центре допингового скандала оказался Григорий Родченков, бывший директор известной лаборатории в Москве, которую ВАДА назвала «сердцем российского допинга». Именно он отвечал за сокрытие положительных результатов допинг-тестов российских спортсменов. Опасаясь за свою безопасность, Родченков бежал в США в 2015 году и стал ключевым информатором ВАДА и других организаций, проводивших расследования.

Обвинения касались не только отдельных спортсменов, но и самого российского государства. Расследования установили, что российские власти

активно участвовали в обеспечении спортсменов стероидами и другими препаратами и помогали скрыть результаты допинг-тестов, чтобы создать видимость честной конкуренции.

Россия не только массово нарушала антидопинговые правила, но и пыталась саботировать текущие расследования, в том числе манипулируя компьютерными данными. Последствия для российской олимпийской сборной были тяжелыми. В 2019 году ВАДА запретило Российской Федерации участвовать во всех крупных спортивных мероприятиях, включая Олимпийские игры, на четыре года.

Однако в 2020 году, после апелляции России, Спортивный арбитражный суд (CAS) сократил срок дисквалификации до двух лет. В течение этого периода российским спортсменам разрешалось участвовать в международных соревнованиях под нейтральным флагом. Официально представлять Россию они не могли.

Страна потеряла значительное количество олимпийских медалей, а репутация российских

спортсменов и официальных лиц на мировой арене была запятнана. Кроме того, события привели к международным общественным дискуссиям и реформам в глобальной антидопинговой системе для предотвращения подобных инцидентов в будущем. Многие эксперты также указывали на то, что сама система государственной поддержки допинга — наследие СССР, когда и советские атлеты, и представители стран социалистического блока систематически использовали допинг для того, чтобы выигрывать на соревнованиях — а в сокрытии этой системы центральную роль играли спецслужбы.

Я помню общее настроение накануне сочинской Олимпиады: в победу нашей сборной не верил никто. Обсуждали только разворованное на олимпийских стройках, завышенные бюджеты и сорванные сроки; казалось тогда, что воровство и было единственным смыслом затевать Игры в России — как и все остальное, как и всегда.

Победа российской сборной, ее первое место в общем медальном зачете стали настоящим чудом. После череды провалов мы снова готовились к позору — всем народом; готовились стыдливо шутить, готовились бичевать себя прилюдно. Но — про себя, потихонечку, никому не признаваясь, чтобы не высмеяли, — надеялись.

И только когда наши стали первыми, прорвало. Это ведь была первая победа новой России, первая большая победа за десятилетия.

И мы тогда — помните? — почувствовали острую, подлинную гордость за нашу страну. Никто в стороне не остался, даже брюзжащая либеральная интеллигенция. Нам всем, оказывается, дико, невероятно хотелось гордиться своей Родиной, но власть десятилетиями заставляла нас испытывать только неловкость и стыд.

Это было счастье. Глядя на церемонию закрытия Олимпийских игр, мы, россияне, независимо от национальности, чувствовали себя единой великой нацией, заслужившей этот триумф. И мы счастливы

тогда были тем, что поднимаемся снова на мировой пьедестал, что возвращаемся на него мирно, признанные всеми победителями без принуждения.

Нам не нужно было тогда катить танки по Украине, не нужно было пугать бомбардировщиками Запад, помните? Нам хватило спортивной победы, нам хватило символа. Мы так истосковались по уважению, мы так страстно желали вспомнить, как однажды были великими! Это было головокружение.

И вот теперь выяснилось: та победа не была заслужена нами. Наши спортсмены победили, потому что их накачали допингом. Это была подтасовка, жульничество, очередная ложь. Наше государство — целые министерства, целые спецслужбы — мухлевали и подделывали, укрывали и врали, чтобы обмануть весь мир и всех нас. Они вымутили эту победу, шулерски облапошили и другие страны, и нас с вами — ради чего? Ради кого? Ради нас?

Сочинский триумф оказался такой же униزительной фальшивкой, такой же гэбэшной спецоперацией, как медведевская модернизация, как наша

Силиконовая долина в «Сколково», как наша демократия, как все наше возрождение из пепла. Потемкинской одномерной деревней, собянинской европейской Москвой. Нарисованным очагом, который не светит и не греет; и вот нас ткнули в него нашим длинным от вранья носом.

Мы просто хотели вспомнить, как это — гордиться своей страной; а нас одурманили той шулерской победой и заставили поверить в мировой заговор против нас, извратили наше чувство, измазали его в дегте и дерьме, передернули его — и натравили нас на наших братьев. Мы же не хотели воевать с украинцами, мы не хотели ненавидеть их, мы не хотели подозревать во всем Запад и бояться его, помните? Мы просто хотели, чтобы нас наконец признали за равных. Мы хотели не страха, а уважения.

Теперь мы теряем все. Шулер пойман за руку. Медали срывают с шей. На нас показывают пальцем и смеются. Мы мечтали об уважении, и мы получаем позор.

Чтобы скрыть ложь, нам будут лгать еще больше. Нам опять скажут со всех экранов, что это заговор, что это геополитика, что встающую с колен сверхдержаву пытаются затравить, измотать, обескровить. И мы поверим лжи, потому что так проще и потому что мы не сможем иначе.

И именно наше отчаянное, остервенелое нежелание слышать правду не позволит нам переродиться. Мы не можем восстать из пепла, мы ведь так и не горели, а из падали феникс не возрождается.

А до тех пор все наши победы будут притворными и шулерскими. Но мы будем кричать, что верим в них, потому что такую Россию не нужно будет любить — нужно будет только кричать, что любишь.

Это игры, которые мы заслужили вместе с тобой.

01–08–2016

Производители страха

Контекст

Российские силовые ведомства долго боролись друг с другом за власть и влияние. «Силовыми войнами» окрестила это «Новая газета» в материале 2018 года, выделив четыре стадии конфликта с начала первого президентского срока Путина³⁸.

«Первую силовую» в 2001 году спровоцировала борьба за пост главы Росвооружения — нового государственного посредника по экспорту и импорту военной техники — между кандидатами от ФСБ и МВД.

В марте 2001 года конфликт был разрешен: Путин прекратил полномочия могущественного министра внутренних дел Владимира Рушайло. Обновленный Департамент собственной безопасности

³⁸ Алексей Сухотин. Четвертая силовая [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М.: Новая газета, 2018. Режим доступа: [<https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/05/81665-chetvertaya-silovaya>]. Дата доступа: 05.10.2023.

МВД занялся «зачисткой» недавних противников: избавился от наиболее активного офицерского состава, упразднил ряд подразделений МВД, а систему оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ) взяла под контроль ФСБ.

Двумя годами позже, в 2003 году, монолитный на тот момент силовой блок пошел в атаку на акционеров российской нефтяной компании «ЮКОС» Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Их обвинили в уклонении от уплаты налогов, и принадлежащие им активы путем банкротства должны были отойти государственной «Роснефти». Национализация «ЮКОСа», которую многие называли рейдерским захватом, произошла при соучастии Генпрокуратуры, со множественными процессуальными нарушениями и в духе ставшего с тех пор общим местом «упрощенного правоприменения». Ведомствам потребовалось провести колоссальную оперативную работу, и три следующих года занятые этим делом силовики жили в мире и гармонии.

Гармония прервалась весной 2006 года, когда Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков во главе с Виктором Черкесовым доложила президенту о злоупотреблениях со стороны генералов ФСБ. Вскоре своих постов лишились два больших начальника Службы безопасности генерал-лейтенант Александр Купряжкин и генерал-полковник Сергей Шишин, а также генпрокурор Владимир Устинов. Все трое принимали активное участие в экспроприации «ЮКОСа». ФСБ не заставила долго ждать с ответом — вскоре под арест попал ближайший соратник главы ФСКН Александр Бульбов, а сам Черкесов лишился должности уже в 2008 году.

Превосходство ФСБ в силовой властной вертикали было установлено, однако внутренние междоусобицы за передел денег и влияния продолжались. В 2007 году Путин учредил внутри Генпрокуратуры Следственный комитет, который возглавил Александр Бастрыкин, ставший на долгое время противником нового генерального прокурора Юрия Чайки. Ближайшего помощника Бастрыкина — Дмитрия

Довгия вскоре отстранили от службы, а затем и осудили по уголовному делу, которое вел молодой сотрудник СКР Денис Никандров, оставшийся затем в ближайшем окружении Бастрыкина.

В 2011 году, в результате долгой игры, которую вел Бастрыкин, Следственный комитет был выведен из состава Генеральной прокуратуры. Тогда же прогремело дело о подмосковных казино — один из громких публичных конфликтов того времени, главными сторонами которого стали Бастрыкин и Чайка. ФСБ, впрочем, сыграла в нем роль провокатора — именно она предоставила собранную за два года оперативно-технических работ информацию генералу юстиции Никандрову (а дело вел он). В Подмоскowie существовала сеть подпольных казино, которые «крышевались» сотрудниками Генпрокуратуры. Игровой бизнес в России запрещен с конца нулевых годов везде, кроме четырех специальных зон. Разгорелся публичный скандал, подхваченный СМИ, Чайка и Бастрыкин пылко обменива-

лись взаимными обвинениями в нарушениях закона. В 2012 году, когда Никандров начал проверять на причастность к подпольным казино сына генпрокурора Артема Чайку, тогдашний премьер-министр Дмитрий Медведев встретился с Бастрыкиным и Юрием Чайкой, чтобы урегулировать ситуацию. Дело свернули, «третья силовая» превратилась в «холодную войну».

Так получилось, что одной из первых жертв четвертой «войны» пал тот самый Никандров. К тому моменту он дослужился до замначальника Главного следственного управления СКР. В конце июля 2016 года ФСБ предъявила ему, а также главе управления собственной безопасности СКР Михаилу Максименко обвинения во взяточничестве. Обоим вменили получение денег от вора в законе Захария Калашова (Шакро Молодого). Таким образом Шакро Молодой пытался добиться освобождения своего партнера Андрея Кочуйкова, который был задержан из-за перестрелки у московского ресторана

Elements на Рочдельской улице, закончившейся двойным убийством.

В то же самое время ФСБ пришло и за главой Федеральной таможенной службы Андреем Бельяниновым. После обысков в доме чиновника в прессе появились фотографии — у него нашли большое количество наличных, хранившихся в коробках из-под обуви. Бельянинов подал в отставку, а все деньги и ценности — около 10 миллионов рублей, 400 тысяч долларов и 300 тысяч евро, а также коллекцию дорогих ручек и старинных картин — ему вернули. Новым главой ФТС стал Владимир Булавин — многолетний сотрудник КГБ и ФСБ.

А немногим раньше этого двойного удара ФСБ, в апреле того же года, в России было создано новое силовое ведомство — Росгвардия. В состав Росгвардии вошел ряд ведомств, среди которых ОМОН, Внутренние войска, СОБР и вневедомственная охрана. На момент создания в составе Росгвардии

числилось 340 тысяч человек. Во главе ее встал Виктор Золотов, служивший охранником Путина, а до того — Ельцина.

Как раз по свежим следам вышеуказанных событий и пишет колонку «Производители страха» Дмитрий Глуховский.

Вот ФСБ хватает за горло Следственный комитет, а вот ФСБ рвет таможду. Вот Генеральная прокуратура впивается в Следственный комитет и вырывает из его ослабших челюстей некий московский аэропорт, припоминая былые унижения, связанные с закрытием нелегальных казино. Из-под ковра выметают тела заслуженных бульдогов.

За схваткой силовиков телезритель наблюдает под пивко. Даже просвещенный обыватель, обученный либеральной прессой искать во всем тайные смыслы, смотрит сводки с полей боев спецслужб отстраненно, как будто это 3D-реконструкция поединка допотопных ящеров, нарисованная для него познавательным британским телеканалом BBC. Как

будто все это никакого отношения к нему — к нам с вами — не имеет.

А ведь имеет.

Нынешний расцвет спецслужб — и расправляющей замятые крыла³⁹ Федеральной службы безопасности, и присягающей лично и без посредников самому президенту Нацгвардии, и находящихся во всегдашнем тонизирующем спарринге Следственного комитета и Генпрокуратуры — происходит исключительно благодаря нам, многонациональному народу Российской Федерации.

Ведь единственное важное мастерство, которое есть у российских спецслужб, единственный товар,

³⁹ Здесь Дмитрий отсылает к стихотворению Александра Блока, которое тот написал об обер-прокуроре Святейшего Синода, знаменитом консерваторе и советнике Александра III и Николая II:

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи...*

которым они торгуют, — это их умения и навыки упреждения и подавления народного бунта и фронды в элитах. Навыки сохранения нынешней экосистемы. А единственный покупатель на этот товар у них — действующий президент России.

Именно в своих обещаниях наиболее эффективно отследить, отмониторить, спрогнозировать, вычислить, настучать и застукать, подслушать, подглядеть, спровоцировать, подставить, не допустить, предотвратить, вывести на чистую воду, обнаружить предателей и кротов, выбить признание, дискредитировать, нейтрализовать, запугать, рассеять, раздробить, завербовать, демобилизовать, парализовать, изолировать, посадить и в крайнем случае устранить — соперничают меж собой силовые ведомства. И все эти умения применять предполагается к нам с вами.

Кажется, многонациональному народу Российской Федерации не очень доверяют. Не доверяют экспертным рейтингам, не доверяют вЦИОМовскому благолепию, не верят в телевизионное волшебство.

Сомневаются в искренности народа, сомневаются! И потому в любой неясной ситуации подменяют народ проплаченной массовой⁴⁰. И потому разрешают полиции, Нацгвардии и ФСБ штурмовать жилые здания, стрелять в толпу и применять табельное оружие по женщинам с детьми.

Народ вроде и не спорит с властью, он вроде бы всем доволен и со всем согласен, ему вроде бы очень понравился Крым, он вроде бы поверил в Донбасс, он вроде бы по флажку научился любить и

⁴⁰ Журналисты нередко обращали внимание на то, что во время «выходов в народ» (встреч с населением, посещений богослужений, встреч с рабочими и т. д.) среди собеседников президента нередко попадаются одни и те же люди. Например, в январе 2017 года пресс-служба Кремля выложила фото с Рождественской службы в Спасо-Юрьевом монастыре, которую посетил Путин, — пользователи соцсетей обратили внимание на то, что среди прихожан оказались «рыбаки», которые еще только в сентябре 2016 года ели с президентом уху на озере Ильмень. В Кремле заявили, что в этом нет ничего странного, так как монастырь находится недалеко от озера. Позднее подобные истории возникали еще несколько раз, Кремль либо сразу объявлял их дезинформацией, либо вовсе отказывался комментировать. Одна из «рыбачек» оказалась Ларисой Сергухиной, гендиректором новгородской компании «Еврохимсервис», и участвовала еще в нескольких мероприятиях с президентом.

ненавидеть турок, его вроде бы не смущают ни миллиарды у виолончелистов, ни дворцы у друзей детства, ни связи между силовиками и кущевскими⁴¹ или между силовиками и блатными королями, да и вообще его уже давно ничто не смущает, как бы ни брала его власть на слабо.

Золотой народ! В чем такой вообще можно заподозрить? Как не совестно ждать от такого народа подвоха?

Но — ждут и подозревают.

⁴¹ В ноябре 2010 года в краснодарской станице Кущевской произошло жестокое массовое убийство — целая семья (включая женщин и маленьких детей) местного фермера была убита неизвестными. Дело стало скандальным и вызвало большой общественный интерес. Расследование в итоге показало, что убийство было совершено местными криминальными авторитетами, членами банды Цапков. Члены банды пользовались покровительством со стороны местных политиков и представителей силовых органов; лидер банды Сергей Цапков был местным муниципальным депутатом; по утверждениям СМИ, был членом партии «Единая Россия», но в самой партии этого не подтверждали. В декабре 2010 года «Новая газета» заявила, что на кадрах с инаугурации президента Дмитрия Медведева 2008 года был замечен Сергей Цапков. Часть банды Цапков была осуждена на долгие сроки лишения свободы, что сильно уменьшило активность ОПГ, но не прекратило ее деятельность полностью.

Потому что подозревать обучались с первого курса своих академий и высших школ и теперь не могут иначе. Или потому что кроме страха и подозрений не умеют производить ничего другого, что могли бы продать единственному своему покупателю.

Но покупатель не хочет платить наличными: наличных в стране не хватает⁴². Покупатель предлагает производителям страха кормиться самостоятельно, подножно; и вот овчарки, обязанные оберегать стада, режут поголовно овец под тем предлогом, что в шкуре одной из них скрывается волк, дичают и принимаются грызть друг друга.

В здоровом обществе эти органы называются правоохранительными; они поддерживают установленные законом правила игры, позволяя гражданам страны спокойно производить валовый национальный продукт. В «обществе курильщика» это определение ничего не описывает и не объясняет, и

⁴² Весной 2016 года Банк России эмитировал для Минфина 390 млрд рублей — они были необходимы для покрытия дефицита бюджета.

вместо него бытует термин «силовые ведомства», поскольку они приватизировали государственную монополию на насилие и распоряжаются ей, исходя из соображений своей собственной выгоды, забыв уже о выгоде государства.

Силовики в России — последние настоящие бизнесмены и последние настоящие политики, поэтому так интересно нам, низшему звену пищевой цепи, наблюдать за боями генералов, происходящими где-то далеко вверху. И потом — каннибализация силовиков временно отвлекает их, что для прочего люда уже благо. Но надо помнить, что хищники, несмотря на свои гипертрофированные жевательные мышцы и угрожающие клыки, очень уязвимы. Они не производят органику из солнечной энергии, они не перерабатывают клетчатку в животные белки, они не производят вообще ничего, кроме страха, и при всем их презрении к планктону и к травоядным, когда они сожрут все, до чего могут дотянуться, их дни будут сочтены.

Битва ящеров в России разворачивается не за право охранять стада, а за право истребить их. Эко-система трещит по швам, но глупо думать, что судьба травоядных должна заботить кого-либо, кроме травоядных. Травоядные всегда виноваты — и всегда тем, что хищникам охота кушать.

Продавая страх перед русским бунтом, крушить экономику, отъедаясь напоследок, и тем самым бунт приближать. Зачем? Известно: у хищников острый нюх, но часто бывает слабое зрение. Так что, от близорукости? Или чтобы продать русский бунт по-выгодней русскому царю? Интересно!

Не переключайтесь. Тем более что переключаться вам некуда.

Взгляд из будущего

Совершенно неожиданно для идеалистически настроенного ноющего интеллигента, в роли которого тут выступаю я, но вполне ожидаемо для историков, Русский Бунт — 2023 пришел, откуда

не ждали, и оказался не народным, а стрелецким.

Пригожинские наемники числом не более двадцати пяти заявленных самим Пригожиным тысяч штыков внезапно для заворожено наблюдающего, но на всякий пожарный безмолвствующего народа, для парализованного президента и притворяющегося невидимым правительства продемонстрировали городу и миру, что путинский режим — не тысячелетний рейх в зачатке, а мертворожденный уродец из пробирки. Потемкинский Кремль, за которым — труха, да и фасад трухлявый.

В конце концов, куда проще восставать, когда ты хорошо вооружен и обучен убивать и когда идти на этот Кремль тебя зовет работодатель, а не совесть и возмущение.

А те самые силовики, которых власть холила, кормила, дрессировала и обучала на чучелах

грызть глотки, глядели на это с тайным сочувствием — и не к власти, а к мятежным стрельцам.

Кремлевские обитатели думают, что пишут историю — но на самом деле они ее читают. Читают давным-давно уже написанную историю становления и падения царств, обратившихся в труху и прах именно от того, что единственным своим стержнем имели принуждение, а единственным хребтом — опричнину.

В Древнем Риме был период, когда командиры преторианской гвардии, на которую императоры стали чрезмерно полагаться для охраны своей пошатнувшейся власти, начали смещать слабых императоров и короновать себя сами. Но это был период окончательного упадка; правда, до нашествия варваров оставались еще сотни лет — последние времена могут длиться долго.

Но сейчас ход истории ускорился.

Так что засекаем время.

7–10–2016

Учебная тревога

Контекст

В 2016 году, как и в 2022-м, ждали мировую войну.

В этот год отношения США и России на фоне войн в Украине и Сирии серьезно обострились. В январе британская газета The Guardian сообщила, что в течение 2015–2025 годов Соединенные Штаты запланировали потратить 355 млрд долларов на закупку ядерного вооружения. Россия и США, считала газета, «начинают полностью восстанавливать ядерный арсенал периода холодной войны». Фильм «Третья мировая война: в командном пункте», в котором был разыгран гипотетический сценарий ядерной войны с Россией, выпустил в феврале Второй канал BBC.

В августе Дональд Трамп, будучи кандидатом в президенты США от Республиканской партии, за-

явил, что из-за Крыма может начаться Третья мировая. Буквально в тот же день Национальное управление ядерной безопасности США (NNSA) сообщило о начале подготовительной стадии к производству модернизированной атомной бомбы B61-12, которую должны были разместить в Германии на авиабазе Бюхель. В том же августе Соединенные Штаты начали вывозить в Румынию базировавшееся в Турции ядерное оружие на фоне ухудшения отношений между Вашингтоном и Анкарой. Против расположения этих военных баз что в Европе, что в Турции резко возражала Россия. Обстановка накалялась. Добавила огонька и КНДР, проводя пятые по счету ядерные испытания.

В конце сентября 2016 года представители МЧС России заявили, что все московские бомбоубежища и подземные укрытия «подготовлены и смогут вместить все население столицы». До этого в России была проведена другая экстренная проверка — Минкомсвязи, Минфин, Минпромторг, Росрезерв и Банк

России тестово работали в условиях «военного времени».

3 октября 2016 года Владимир Путин приостановил соглашение с США об утилизации плутония от 2000 года «в связи с коренным изменением обстоятельств, возникновением угрозы стратегической стабильности в результате недружественных действий США <...> а также исходя из необходимости принятия безотлагательных мер по защите безопасности Российской Федерации». Чуть позже Третью мировую предрек уже турецкий вице-премьер Нуман Куртулмуш. В это время губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко утвердил новый продовольственный норматив, согласно которому жителям города гарантированы 300 граммов хлеба в сутки в течение 20 дней в случае войны. Министерство обороны перебросило ракетный комплекс «Искандер-М» в Калининградскую область — разговоры об этом велись еще в конце 2000-х годов, в контексте тогдашнего охлаждения отношений между Рос-

сией и НАТО. Газета The Times сообщала, что в России ускоренными темпами ведут строительство «супербункеров» — особо укрепленных и глубоких подземных убежищ для представителей российской элиты. По данным издания, подземные комплексы способны вместить до 10 тысяч человек и находятся на глубине 300 метров под Москвой.

А в ноябре на президентских выборах победил Дональд Трамп и возникла краткосрочная надежда, что отношения между США и Россией наладятся.

Война, кажется, завтра.

МЧС рапортует, что московские бомбоубежища готовы принять и укрыть все население столицы в случае бомбежек города. Петербуржцам рассчитывают новый продовольственный паек: триста граммов хлеба в день. Государственная Дума проводит учения по эвакуации и знакомится с бункерами, устроенными для спасения элиты во время войны. Центробанк учится работать в условиях военного времени. Войну обсуждают по всем телеканалам,

показывают переброску «Искандеров» в Калининград, ведут прямой репортаж с пикирующего в Сирии бомбардировщика, лезут с камерой на все учения, облизывают тяжелые огнеметные системы, сладко обсуждают возможности обмена ядерными ударами, телепузики мечтают о войне, как девственница томится по альковному таинству. Сдавайте на бомбоубежища, граждане!

Население пришибленно моргает и соглашается с неизбежностью Третьей мировой: раз по телику сказали, что будет — значит, будет. Надо, стало быть, готовиться. Землянку рыть и дедов ППШ из огорода выкапывать, гречку запасать. А грибы засаливать? Дак а чо, хорохорится даже население, дойдем до Берлина еще раз, и до Вашингтона дойдем. Ну не поглотим — так пооткусываем, вона Киселев очень убедительно про радиоактивный пепел заливает. Рады, конечно, не все: некоторые, напротив, трепещут и ставят свечечку, чтобы пронесло.

Так что, завтра прям? С Западом? До победного?

Не ссыте, граждане. И не предвкушайте. Войны не будет.

Наше руководство вовсе не собирается воевать ни с Европой, ни с Америкой, что бы оно вам там ни транслировало устами телевизионных гипножаб и как бы ни выдавали желаемое за действительное раздухарившиеся наши военные. И уж конечно, ни Америка, ни Европа не собираются воевать с нами.

Во-первых, потому что мировую войну невозможно выиграть. Надежных средств противоракетной обороны нет и не появится в ближайшее время ни у кого, а значит, любой ядерный конфликт приведет к планетарной катастрофе и к гибели всего человечества. Это называется принципом гарантированного взаимного уничтожения, и именно этот принцип не дал случиться ни одной мировой войне с того момента, как СССР заполучил атом.

Во-вторых, для мировой войны много поводов, но нет причин. Сегодняшний мир не разделен идеологическими противоречиями. Россия, несмотря на

свой показушный имперский реваншизм⁴³, управляется не идеологами, а циничными дельцами и сугубыми прагматиками, которые ни на йоту не верят в то, что передают населению через голубые экраны. И Америка, хотя кажется часто страной, которой движет идеология, на международной арене руководствуется соображениями национальных интересов — то есть выгодой, а не принципами. В современном глобальном мире, связанном мириадами

⁴³ Показательный пример: «патриотическое кино» — одно из направлений кинематографа, которое стало активно поддерживаться государством в 2000-е и 2010-е годы, когда российская киноиндустрия начала восстанавливаться. Количество новых фильмов о Великой Отечественной войне постоянно росло (одним из застрельщиков здесь стал режиссер Никита Михалков, снявший продолжение своей картины 1995 года, — фильм вышел в двух частях под названием «Утомленные солнцем — 2» и общим слоганом «Великое кино о великой войне». Со временем российские кинематографисты стали, при поддержке государства, осваивать не только военную тему, но и спортивную — одним из самых прибыльных в истории российского кинематографа в 2017–2018 годах стал фильм «Движение вверх», посвященный победе советской баскетбольной сборной на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене. Поддержкой кинематографа занялось и Министерство обороны.

экономических транзакций, где совсем от других независимы только искусственно изолированные государства вроде Бутана, нам нечего делить с Западом: любое сотрудничество принесет гораздо большую выгоду всем сторонам, чем любое завоевание.

В-третьих: разрушение России, ее распад, бесконечные гражданские войны на нашем лоскутном одеяле, бесконтрольное распространение ядерного оружия, его попадание в руки удельных княжеств — это кошмар и для Европы, и для США, и для Китая. Поэтому, что бы они там ни знали про прошлое нашего руководства и как бы они к нему ни относились, военных решений тут быть не может.

Запад даже не стремится к подчинению России. Все, что им от нас нужно, — системность, предсказуемость; чтобы доминировать в мире, Америке вовсе не нужно помыкать всеми, всех колонизировать, расчленять и измождать концессиями. Это все прошлый век, в котором живет наше ретроградное руководство. Весь мир уже играет по новым прави-

лам, мы одни хотим обратно в Ялту⁴⁴. Если нынешняя Россия чем и раздражает Запад — это не независимостью своей (независимостью ушедшей от богатого мужа жены), а своей истерической непредсказуемостью. Но это не та непредсказуемость, которая может кончиться всеобщей войной.

Вот, к примеру, Северная Корея уже много лет провоцирует Запад: разрабатывает атомное оружие, баллистические ракеты, поддерживает террористов, печатает фальшивые доллары, промышленно производит и экспортирует амфетамины, угрожает Америке превентивными ядерными ударами — и

⁴⁴ Отсылка к Ялтинской конференции 1945 года, на которой Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились об основных принципах послевоенного мироустройства, достигли соглашения о создании ООН, о проведении суда над руководителями нацистской Германии. Ряд положений и договоренностей были уточнены в ходе конференции в Потсдаме, которая прошла летом 1945 года под Берлином. Сформированная по итогам этих двух союзнических конференций международная система часто называется Ялтинско-Потсдамской. Одна из популярных идей российских властей в 2000-е и 2010-е годы заключалась в том, что необходима «новая Ялта» — новый договор о мировом устройстве, в котором могла бы принять участие Россия; эта договоренность могла бы установить новые правила международных отношений.

что? Весь этот ее бесконечный припадок на Западе встречают с врачебной мягкостью и осторожностью; понимают, что Пхеньян это делает не для Америки, а для своих граждан. Понимают: это не одержимость, а эпилепсия.

Как и режим Ким Чен Ына, наш режим, в сущности, преследует всего две важные цели: удержать население в покорности и не позволить никому вмешиваться в наши внутренние дела. Внутренние дела у нас тоже похожие: как половчей оболванивать и угнетать людей, чтобы остаться у власти вечно. Только методы пока отличаются. Пока. Потому что лучше всего в Северной Корее показал себя метод бесконечной подготовки к войне с Америкой. Вот уже шестьдесят лет, как страна живет на военном положении. Чтобы держать население в тонусе, учебные тревоги у них проводятся чуть ли не еженедельно: ведь того и гляди прилетят американские бомбардировщики. А если Америка вдруг переключается на какую-нибудь другую диктатуру, Северная Корея о себе напоминает ревниво: эй, а как же мы?

Или, скажем, когда неурожай риса и нечего жрать, Пхеньян так вот кокетливо просит гуманитарной помощи ООН: испытывает ядерное оружие и вопит, что за себя не отвечает.

А ведь у нас теперь тоже начинает урчать в животе. Так что нам тоже теперь придется бегать в бомбоубежища, и рассчитывать свою норму хлеба на случай блокады, и учиться напяливать противогаз с первого класса. Война должна все время маячить на горизонте, а мы будем одновременно обреченно готовиться к ней и петь песни о мирном небе над головой и ценить каждый миг сегодняшней малокровной жизни. Будет у нас теперь вечная учебная тревога — чтобы на прочие тревоги ни времени, ни сил не оставалось.

Этот метод отлично показал себя в СССР, работает и сегодня. Люди-то те же. Вон про фашистов в Украине повелись все, как маленькие. Покажут нам пару киношек про злых американцев, гипножабе старую кассету зарядят, и дело в шляпе. Зря, что ли, советская пропаганда трем поколениям ненависть

к США вдалбливала? На подкорочке-то все записано, ничего не стерлось.

И нам теперь тоже всегда будет нужен враг. Украинцы побыли нашими врагами, турки побыли, но это все какое-то не то. Нам ведь не Голиафом хочется быть, а Давидом.

А могучей и зубастой Америке — как же сладко снова бросить вызов!⁴⁵ Как хорошо-то, господи боже

⁴⁵ Михаил Задорнов, российский и советский юморист, писатель, а также лжеисторик, фолк-историк. Одной из самых главных тем шуток и концертов Задорнова было его сатирическое изображение Соединенных Штатов и их культуры. Часто концерты Задорнова состояли из стереотипов об Америке, например о том, что американцы не знают географию и историю; Задорнов высмеивал американский образ жизни и особенности массовой культуры. Шутки Задорнова часто вращались вокруг противопоставления американской и российской точек зрения, подчеркивая предполагаемые недостатки или особенности американского общества и отсылая к русской «смекалке» и «душе». Сами шутки были примерно такими: «Американец бутерброды вместо микроволновки убрал в сейф и набрал время разогрева»; «Американская пара с гордостью говорит: летом мы были в Париже, а потом во Франции». Часто в его шутках напрямую сравнивались русские и американцы — в пользу русских, которые в текстах Задорнова всегда и во всех ситуациях ведут себя умнее. Присказкой Задорнова в отношении американцев стало знаменитое «Ну, тупые!». В конечном итоге ему (по его собственным заверениям) было отказано во въездной визе в США.

мой! Как же просто ненавидеть ее, Задорновым так точно описанную! Как мы скучали по ней!

Ведь это из-за американских санкций у нас сыр дерьмо, гречка дорожает и накопительную часть пенсии который год замораживают! Из-за их Рокфеллеров наша Украина от нас ушла! Они же, гады, и развалили нас вообще! Так что благослови, Господь, Америку — за то, что она такой для нас извечный, удобный, безотказный враг! Для нас и вообще для любых диктатур.

Мы-то никогда ни в чем сами не виноваты, ясное дело. И не будем ни в чем виноваты никогда, потому что на воображаемой войне как на войне вэправдашной и кто не с нами, тот против нас, а сомневающихся — под полевой трибунал. Караул, в ружье!

Взгляд из будущего

Несмотря на полтора года войны между Россией и Украиной, в которой Запад постепенно занимает все более активные позиции, от дипло-

матической помощи быстро перейдя к финансовой и военной, прямого вовлечения в конфликт с Россией боятся и США, и Европа. Но, перечитывая эту колонку семь лет спустя, я думаю больше вот о чем: неужели в этой заблаговременной подготовке населения к глобальной войне было нечто большее, чем просто постмодернистская имитация военного времени? Неужели план нападения на Украину, которым Россия бросит вызов всему послевоенному (тут речь о ВОВ) мироустройству и за которым последует ее противостояние со всем коллективным Западом, в 2016 году уже не просто разрабатывался, а был приведен в действие?

Постфактум оглядываясь на подробные и всесторонние приготовления режима к войне, к конфронтации с цивилизованным миром и к изоляции от него, видишь: да это же все было всерьез! Не только триллионная программа перевооружения, не только армейская реформа, а и суве-

ренная платежная система, и закон о спецоперациях, по которому можно число убитых и раненых не раскрывать, если называть спецоперациями войны, которые развязываешь по любому поводу, и заблаговременное производство мобильных крематориев, чтобы и свои, и чужие трупы оперативно в этих спецоперациях подчищать. Но оттуда, из 2016 года, в войну не верилось упрямо.

Хотелось верить, что это все вранье, все для отвода глаз, все просто чтобы народ облапошить опять, чтобы воровать не мешали.

А там уже было не про воровство. Ступень воровства в личной путинской пирамиде Маслоу осталась уже внизу где-то. В 2016 году уже была другая ступень — требование заискивания со стороны Запада. Впереди маячила ступень самоактуализации через вписывание себя в историю и поворачивание этой истории вспять.

12-01-2017

В ожидании Трампа

Контекст

В 2016 году в России всех очень интересовали выборы в США. Президент Барак Обама, во время сроков которого отношения между США и Россией обострились до предела, оставлял пост; за кресло в Белом доме сражалась Хиллари Клинтон, экс-госсекретарь США при Обаме (и супруга бывшего президента США Билла Клинтона), и миллиардер Дональд Трамп, который смог выдвинуться от Республиканской партии летом 2016 года. Слоганом Трампа стало выражение «Make America Great Again», а его политическая программа представляла собой микс из разрозненных правых, консервативных и популистских идей.

Внимание привлекали и его высказывания о конфликте России и Украины — он заявлял, будто

может заставить руководство двух стран договориться и намекал на возможность признания Крыма российским. Неудивительно, что в России медиа поддерживали Трампа, а мировая пресса обвиняла его в связях с российскими спецслужбами. Когда Трамп победил, первые лица хоть и воздержались от прямой публичной поддержки, но в Госдуме устроили торжественный обед, а главный редактор Russia Today Маргарита Симоньян написала в Твиттере: «Хочу сегодня проехаться по Москве с американским флагом в окне машины. Если найду флаг. Присоединяйтесь. Они сегодня заслужили».

Вскоре после выборов эксперт по контрразведке Кристофер Стил опубликовал досье, в котором обвинил штаб Трампа в связях с Россией. В документах говорилось, что политтехнолог президента США раньше работал на экс-президента Украины Виктора Януковича и общался с российскими властями, а «фабрики троллей» активно продвигали Трампа в американских соцсетях. Подобные обвинения и даже расследования преследовали Трампа

весь президентский срок и сказались на ухудшении отношений с Россией. Вместо признания Крыма США усилили санкции. В 2019 году бывший спецпрокурор США Роберт Мюллер опубликовал доклад о вмешательстве России в американские выборы, где утверждал, что команда Трампа знала об этом и использовала эту активность в своих целях. Правда, факт сговора президента США и спецслужб России доказать не удалось.

Единственная встреча между Трампом и Путиным — не на полях других саммитов, а персональная — прошла в 2018 году в тогда еще нейтральном Хельсинки.

Никакого перелома в отношениях не произошло.

Они ждали тебя, о Трамп. Они болели за тебя. Они ставили свечечки за твою победу и ставили на нее все фишки. Они день и ночь превозносили тебя по всем государственным каналам телевидения, радио и интернета, будто ты был их кандидатом. Как

будто это были их выборы, как будто у нас в этих выборах было право голоса. Так радеют и потеют кавказские генерал-губернаторы, добывая для Путина его девяносто девять процентов народной любви⁴⁶.

Они бились за тебя, Трамп, забыв о национальной гордости, не понимая, что, склоняя русский народ к близости с тобой привычными им способами, делают из России — американский регион, судьба которого зависит от политиков в далеком федеральном центре.

⁴⁶ Еще с начала 2000-х годов республики Северного Кавказа оказались в числе тех, где наблюдение за честностью выборов было вести сложнее всего, а итоговые результаты голосования за власть всегда были невероятно высокими. Например, в 2003 году «Единая Россия» набрала в Чеченской Республике почти 80% голосов, в Кабардино-Балкарии — 77%, в Дагестане — 65%, и все это при среднем результате по стране 35%. Со временем проценты только увеличивались: например, на парламентских выборах 2007 года явка в Чеченской Республике составила 99,46%, а процент голосов за «Единую Россию» составил 99,36%. Аналогичные цифры (от 99 до 81%) в поддержку правящей партии были получены в Ингушетии, Мордовии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Башкортостане, Татарстане, Ямало-Ненецком округе. А на президентских выборах в 2018 году Путин набрал в целом по стране 79% голосов, уровень поддержки по регионам колебался от 64,38% (Якутия) до 93,38% (Кабардино-Балкария).

Ты — то, что нас с детства учили ненавидеть в Америке. Ты наглый олигарх, Трамп, ты брехло, ты купаешься в золоте и уважаешь только чистоган, и ты империалист, но они научили нас обожать тебя вопреки всему этому. Когда ты победил, они аплодировали тебе стоя, думая, что аплодируют себе. Твоя победа была их победой, Трамп. Но почему? Почему они так рады тебе? Потому что ты дал им обещание, которого они ждали так долго.

Они хотят от тебя только одного: уважения к России. Звучит вроде невинно, и требование это кажется выполнимым. Если не вникать в смыслы, которые они вкладывают в слово «уважение» и в слово «Россия».

«Россия» — это они и есть: группа лиц, в настоящий момент удерживающих власть в нашей стране. Достаточно компактная группа, связанная общим прошлым и многими деловыми интересами. В большинстве своем — ветераны спецслужб, страдающие от профессиональных психологических aberrаций. Попавшие в большую власть случайно, и назло этой

случайности убедившие себя в сакральности природы своей власти. Избранные, а не выбранные, и потому воспринимающие население как генератор хаоса и угроз. Усиленно забывавшие о том, что они и сами из народа, и потому больше народ не понимающие и не ощущающие. Они сами сказали нам: Россия есть Путин, конечно, включив в Путина и себя. Да, за полтора десятилетия западные разведки раскусили, ху из этот коллективный Путин. Разобрались в том, насколько изящно применяются в современной России методы уголовного менеджмента, внедренные еще товарищем Сталиным. Расплели хитросплетения связей крупного бизнеса, организованной преступности и спецслужб, которые и есть в нашей стране настоящая политика. Сняли с них маски. Увидели их подлинные хари. А теперь вам всем нужно будет эти хари полюбить, Трамп, потому что маски на них больше не налезают. Они протягивают тебе руку, в чем бы она ни была перемазана, Трамп. Помни, что «уважение» — ключевое понятие в мире «понятий». Уважь, пожми.

И еще «уважение» значит «невмешательство». Не повторяй ошибок Обамы, Трамп, не лезь с вашим американским уставом в наш православный монастырь. Наш путь — особый. Россия испокон веков стояла на оболванивании и децимации народа, на удушении свободомыслия, на круговой поруке, на страхе и восторге, на амнезии и исторической реконструкции, на лжи идеологии и религии, на бесконечном противостоянии с потенциальным противником. Нет, это не цивилизационное отставание. Не надо отучать нас от ритуальных жертвоприношений, и наша феодальная система уникальна, красива, мудра и вечна. Уважай чужую культуру, Трамп.

И вот еще что: такой же суверенный порядок нам надо будет навести на сопредельных территориях. Поверь, никакая форма правления не подходит им больше, чем та уголовная, которую предложил товарищ Сталин для порядка в лагерной популяции. Мы же исторически близки; подходит нам — подойдет и нашим соседям. Вот почему они так ждали тебя, Трамп. Все, чего они хотят от Америки —

чтобы она оставила их в покое. Чтобы перестала лезть с советами. Их проказы с вашими выборами — просто поучительный пример. Им тоже не нравится, когда вы суетесь не в свое дело. Поэтому они были счастливы, когда ты пообещал им, что отъебешься от России. А мы были счастливы, потому что они по телевизору сказали нам быть счастливыми.

Мы не любим, когда нас учат жизни, Трамп. Пусть она не как у вас там, пусть она тут короткая и непростая, но мы этим очень гордимся. Мы и не хотим жить, нам нравится выживать.

Они ждали тебя, Трамп. Мы все ждали. Не подкачай.

13-04-2017

МИД без башни

Контекст

В апреле 2017 года один из заместителей постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности ООН Владимир Сафронков по-пацански «наехал» на представителя Великобритании за оскорбление России.

На том заседании обсуждали применение президентом Сирии Башаром Асадом химического оружия против сирийской оппозиции. Асад, как и российская сторона, все отрицал. Россия последовательно накладывала вето на любые попытки ООН принять резолюцию, осуждающую Асада, — всего таких вето, начиная с 2011 года, было восемь.

В ходе заседания Сафронков обрушился с критикой на британцев и французов, обвиняя их в разру-

шении российско-американских отношений. Обращаясь к британскому представителю, Сафронков сказал:

«А все дело в том, что вы испугались, сон потеряли, что мы будем сотрудничать с Соединенными Штатами. Вы этого боитесь. Все делаете для того, чтобы это взаимодействие было подорвано. Именно поэтому...

Посмотри на меня! Глаза-то не отводи, что ты глаза отводишь?

Именно поэтому ты сегодня ничего не сказал о политическом процессе...

Ты сегодня говорил, господин Райкрофт, не по повестке дня заседания, оскорблял Сирию, Иран, Турцию, другие государства!..

Господин председатель, просьба следить за порядком развития заседания, если некоторые безответственно, оскорбительно, сбиваясь на сленг, относятся к своему месту в Совете Безопасности ООН.

Не смей оскорблять Россию больше!»

Российская дипломатия при Путине приобрела особый оттенок. С 2004 года пост министра иностранных дел России занимает Сергей Лавров — кадровый советский дипломат, сделавший успешную карьеру после распада СССР. В начале своей министерской работы Лаврова часто сравнивали с советским министром иностранных дел Громыко — за жесткость в международных переговорах. Популярность приобретали его обсценные высказывания — так, например, во время переговоров об урегулировании последствий российско-грузинской войны 2008 года Лавров, общаясь с министром иностранных дел Великобритании Дэвидом Милибэндом, якобы сказал последнему: «Who are you to fucking lecture me?» («Кто ты, блядь, такой, чтобы учить меня?») А на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Саудовской Аравии в августе 2015 года Лавров произнес знаменитое «Дебилы, блядь!» якобы в сторону своего саудовского визави. Фраза стала мемом, а российский телеканал Russia Today даже выпустил с ней мерч. Такие

высказывания стали звучать чаще, а пропаганда преподносила их как пример «четкости» министра иностранных дел.

Другим популярным спикером стала Мария Захарова, с 2015 года — глава департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации. Она провокационно комментировала не только международные события, но и внутривнутриполитические — и на брифингах, и в собственных социальных сетях. Захарова призывала западных дипломатов «заткнуться», угрожала российскими ракетами «Град», называла себя «настоящей ватницей», а Михаила Саакашвили — американским протеже «на лабутенах и в ... штанах» (отсылая к популярной песне группы «Ленинград»). Комментируя фото президента Сербии Вучича на приеме в Белом доме, она нелестно отзывалась о позе, в которой сидел последний. Разразился скандал, в результате которого перед Вучичем пришлось извиняться Путину.

Пока Сафронков «ставил на место» представителей ООН, Дональд Трамп назначил госсекретарем бывшего главу нефтяного гиганта ExxonMobil Рекса Тиллерсона. Тиллерсон был хорошо знаком с российскими нефтяными государственными компаниями — в частности, с «Роснефтью» и ее главой Игорем Сечиным. В 2013 году Тиллерсона даже наградили российским орденом Дружбы. Активный лоббист нефтяного бизнеса в США, он занимался разработкой месторождений по всему миру — и в России (например, на Сахалине), и в Ираке.

В середине апреля 2017 года, примерно через 2 месяца после назначения, Тиллерсон прибыл в Москву с двухдневным визитом. До этого он выдвинул России нечто вроде ультиматума, в котором требовал перестать поддерживать Башара Асада. Летом 2017 года, после общения Трампа и Путина по телефону, было подготовлено соглашение о перемирии между Асадом и умеренной частью сирийской оппозиции. Однако России не удалось достичь глав-

ного, к чему она стремилась, — всеобъемлющего соглашения с Западом, которое позволило бы снять со страны санкции и преодолеть упадок в отношениях. «Пацанская риторика» дипломатии не помогла, но население, которому вместо эффективной дипломатии показывали дерзкую и четкую, этого почти не заметило.

Я смотрю выступление нашего третьего по значимости представителя в ООН, человека по фамилии Сафронков, и испытываю жгучий стыд. Заседая в Совете Безопасности ООН, месте силы мировой дипломатии, человек по фамилии Сафронков ведет себя как участковый мент, беседующий с задержанными без регистрации таджиками.

«Посмотри на меня! Глаза-то не отводи! Что ты глаза-то отводишь?.. Не смей оскорблять Россию больше!» — выговаривает запыхавшийся от гнева косноязычный человек сухопарому сдержанному британскому дипломату в ответ на констатацию

того, что Россия блокирует антиасадовские резолюции СБ ООН уже в седьмой раз. Это, конечно, банальное хамство и нарушение сложной, очень церемонной дипломатической этики. В переводе на английский эскапада человека Сафронкова очень потеряет, и британский постпред может и не оскорбиться. Но мы-то понимаем. Человек Сафронков хотел британского дипломата унизить — если не опустить: повозить мордой по грязи, помочиться ему на голову.

Первый канал гордо дает схватку сильного человека Сафронкова с его вялым британским коллегой в новостях. Для Первого канала человек и выступал. Показывал русскому телезрителю, как мы к себе требуем уважения в ООН: как пьяный десантник второго августа в фонтанах Парка Горького у празднично гуляющих хипстеров.

Случайно или нет — это происходит после того, как американский госсекретарь Тиллерсон уезжает из Москвы, добившись от Путина каких-то тайных уступок. Наверное, это просто пиар, направленный

на нашего внутреннего потребителя, почесывающего пузо перед телевизором. Показ кузькиной матери лайт в исполнении человека колхозной внешности и милицейских манер. Спасибо, что не разулся и не стал стучать по трибуне башмаком.

Пресловутые путинские восемьдесят обожающих процентов, видимо, должны испытать при этом чувства, обратные моим: прилив гордости за Отчизну. Сначала присоединенный против всех канонов международного права Крым, потом разожженная гражданская война в Донбассе, потом поддержка диктатора-головореза в Сирии, теперь это вот. Все в топку патриотизма.

Этикет, ироничность, взвешенность, вежливость, церемонность, тактичность, иносказательность, умение избегать конфликтов и сглаживать острые углы, поиск и нахождение компромисса в невозможных ситуациях — вот качества и умения дипломата.

Российская дипломатия последнего времени — хамская, изолгавшаяся, аутичная — выглядит глупо,

позорно и комично. Вместо того, чтобы вытаскивать страну из ямы международной изоляции, где она оказалась из-за авантюризма и паранойи высшего руководства, наша дипломатия пытается потрафить каким-то воображаемым люмпенам в растянутых майках-алкоголичках, мастурбирующих на Киселева под пивас и корюшку.

Мария Захарова, разговаривающая на смеси сленга и фени, грубящая своим западным (хорошо, не восточным) коллегам через Твиттер, вальяжный министр иностранных дел, называющий дебилами саудовских принцев, наших стратегических соперников, под запись — все это было очень браво, но человек Сафронков их превзошел с ходу.

Когда по трибуне Генеральной ассамблеи стучит башмаком эксцентричный советский генсек, это можно списать на его персоналию: в конце концов, Трампу и не такое прощают, да и Путин не раз позволял себе медийные резкости. Но когда бычить и чморить начинает кадровый дипломат, наступают последние времена. Это все равно что представить

себе патриарха-кагэбэшника, премьеров-коррупционеров или хирургов, требующих деньги за анестезию в бесплатных больницах.

Даже представители сомнительных африканских диктатур, в которых руководители нет-нет да и скушают своего политического оппонента, в ООН вели себя гораздо воспитанней.

Первый канал, конечно, думает, что так Россия демонстрирует свою силу. Нет, дорогой Первый, а также все остальные каналы нашей канализации. Этим Россия пытается замаскировать свою слабость и неуверенность, скрыть свое одиночество и усталость. Уверенным в себе державам нет нужды опускаться до подворотного языка и срываться в истерику. Ни США, ни Китай, ни Великобритания никогда себе ничего подобного не позволяли.

России выбирать: или работать над тем, чтобы снова стать великой державой, которой она, несомненно, была — или просто казаться таковой телезрителям с неоконченным средним образованием,

заговором Ротшильдов в голове и запахом перегара изо рта.

Второе, конечно, проще. Значит, так и поступим. Человека Сафронкова — в президенты!

Взгляд из будущего

Язык уничижения, глумления и ненависти, на котором заговорила российская дипломатия начиная с третьего путинского срока, напоминала язык подворотни, почти язык зоны — потому что главным слушателем этих выступлений предполагался не западный визави, а внутренний потребитель, которого кремлевские политтехнологи видели как необразованную чернь, пораженную теми же постимперскими комплексами, что и люди во власти.

Но в преддверии войны с Украиной российская дипломатия следом за пропагандистскими медиа перешла на другой язык — принципиально и тотально искажающий действительность язык идеологии. «Война» российскими дипломатами

отныне называлась исключительно «спецоперацией», захват украинских территорий — их «освобождением», а целями военных действий декларировались «денацификация» демократической Украины под руководством президента еврейского происхождения и ее «демилитаризация». Говоря исключительно на этом волапюке заведомой лжи, российская дипломатия притворялась слепоглухонемой к любым другим трактовкам агрессии и следом за Путиным и пропагандой требовала от своих визави на Западе и Востоке соблюдения этой терминологии, как если бы это была другая, имеющая такое же право на существование, картина реальности. Отныне именно этого требуют заседающие в ООН российские дипломаты — за что были не единожды освистаны своими бывшими коллегами. Этот прием, разумеется, не нынешним поколением пропагандистов и дипломатов выдуманный, на жизни нашего поколения был применен впервые и многих дезориентировал. Но для

меня он стал еще одним примером той тотальной деградации, которая поразила российский МИД в последние годы.

При этом публично уйти в отставку в связи с несогласием с войной и раскритиковать свое бывшее ведомство позволил себе за все это время только один-единственный российский дипломат.

12–09–2017

Выборы в чашке Петри

Контекст

Демократические практики в России резали постепенно. Кремль последовательно приручал и ограничивал своих парламентских оппонентов, используя для этого самые разнообразные методы и инструменты.

Еще в 2000 году власти заявили о готовности партии «Единство» сформировать временные коалиции вместе со своими бывшими противниками — КПРФ и ЛДПР — против либеральных партий, предложив им договоренность о разделении различных комитетов в парламенте. Так «либералов» выбили из контролирующих комитетов Государственной Думы.

В 2001 году ограничили создание новых партий и коалиций. В 2003 году, прямо перед очередными

парламентским выборами, арестовали Михаила Ходорковского — ему негласно вменялось в вину финансирование оппозиционных партий, и показательные репрессии должны были продемонстрировать большому бизнесу, что может быть за нелояльность. В 2004 году в России отменили губернаторские выборы. В 2011–2012 годах, после массовых протестов против подтасовок на парламентских выборах, власть пошла на некоторые уступки — снизили порог и упростили правила регистрации партий, анонсировали возвращение прямых выборов глав регионов. Но результаты выборов не пересмотрели, выдвижение кандидатов на выборы губернаторов осложнили «муниципальным фильтром» (необходимостью собрать подписи мундепов), а регистрация общественных движений и партий так и не стала по-настоящему свободной и равноправной.

Одним из инструментов борьбы с уличными протестами должны были стать прокремлевские молодежные проекты, самым заметным из которых

было движение «Наши». Созданное в 2005 году «серым кардиналом» российской внутренней политики, замглавой правительства Владиславом Сурковым, движение должно было препятствовать оппозиционерам «на улице», а кроме того, регулярно проводить проправительственные уличные акции.

Своим участникам «Наши» обещали в будущем карьерные лифты и посты в министерствах, но на практике сделать полноценную карьеру низовым участникам удавалось редко — самым громким примером стала бывшая комиссар движения Кристина Потупчик, которая и сегодня занимается кремлевскими подрядами на «развитие влияния в интернете». После 2011 года движение, которое ничего не смогло противопоставить уличным протестам, фактически перестало существовать, а власть стала избирать более лобовые административные методы борьбы с ними. В 2019 году «Наших» ликвидировали. Но это не значит, что Кремль перестал поддерживать и курировать якобы независимых провласт-

ных активистов — только активисты эти становились все менее травоядными. Среди них — «Ночные волки» и движение SERB.

«Ночные волки» — первый в СССР официальный байкерский клуб, существующий с 1989 года. Клуб выстроил дружеские отношения с Владимиром Путиным и в целом придерживается имперских и националистических настроений. Путин называл их своими «друзьями» и появлялся на их слетах на мотоцикле Harley-Davidson. В мае 2015 года Алексей Навальный заявил, что российское правительство выделило группе 56 миллионов рублей за предыдущие полтора года. В октябре того же года «Ночные волки» получили пожертвование от правительства России в размере 12 миллионов рублей на строительство молодежного центра «Патриот» в Крыму. Лидер байк-клуба Александр Залдастанов по кличке «Хирург» регулярно выступает с поддержкой всех действий власти и лично Путина.

Русское освободительное движение SERB — прокремлевское политическое движение имперских и

националистических взглядов. Активисты движения принимали участие в захвате харьковской областной администрации в 2014 году, после чего переехали в Россию, где стали продвигать прежние идеи — «антимайдан», противоборство с Западом и «либералами», борьба с оппозиционными активистами. Они срывали антиправительственные и культурные мероприятия, писали массовые доносы на своих противников, уничтожали стихийный мемориал Бориса Немцова на месте его убийства на Москворецком мосту. Также активисты SERB напали на Алексея Навального, облив его зеленкой, после чего Навальному пришлось поехать на лечение в Европу, чтобы спасти роговицу глаза. Издание «Медуза» сообщало, что движение получает деньги от МВД РФ.

Немалые усилия приложила власть и чтобы разобщить само протестное движение.

После провала «снежной», или «белоленточной», «революции» и как альтернатива политической борьбе стала набирать популярность «теория малых

дел» — еще один мем эпохи «после Болотной». Часть оппозиционной общественности заявила, что правильнее не бороться с властью в политическом поле, а заняться «малыми делами» — небольшими проектами, улучшающими жизнь в обществе здесь и сейчас. Одним из главных апологетов этой теории в публичной сфере была Ксения Собчак. В беседе с журналистом Олегом Кашиным для журнала «Афиша» в 2012 году она сформулировала ее таким образом:

«Я тоже считаю, что инкорпорироваться в систему неправильно; скорее всего, это ни к чему не приведет. И я согласна, что система должна умереть. Но я говорю про то, что вместо того чтобы бесконечно ее хаять, нужно строить свою параллельную реальность. Поэтому мне кажется прекрасной идея с профсоюзом журналистов. Или волонтеры в Крымске — они не за Навального, они не против Путина. Эти истории создают куда больший общественный резонанс и куда более позитивное ощущение»

ние у людей, чем просто критиканство. Единственный выход из ситуации жизни в говне — отстройка собственного пространства, очищенного от говна».

«Теория малых дел» была направлена на то, чтобы вывести молодой городской протест из политического поля и направить его в русло городского благоустройства; вполне логично заподозрить, что популяризировали ее прокремлевские политтехнологи и стратеги.

Осенью 2017 года в Москве прошли муниципальные выборы, которые уже во время предвыборной кампании стали ареной схваток — не только между оппозиционными активистами и властью, но и между самими оппозиционными активистами. За места конкурировали несколько оппозиционных фракций — сторонники Алексея Навального, сторонники Михаила Ходорковского (под политическим «зонтиком» организации «Открытая Россия») и проект Максима Каца и Дмитрия Гудкова, который сам Кац окрестил «политическим Uber'ом».

Кац и Гудков предлагали оппозиционным кандидатам платформу для выдвижения и продвижения своей кандидатуры — договорившись с кандидатом, они добавляли его на свой сайт, в рассылку и в специальную систему рекомендаций для участников проекта. Платформа помогала кандидатам с организацией сбора подписей, подготовкой всех необходимых документов. По итогам выборов 267 из 1046 кандидатов проекта стали депутатами, кандидаты от проекта получили около 20% голосов, а в 7 районах Москвы не было избрано ни одного кандидата от «Единой России». При этом «Единая Россия» лишь упрочила свое положение в московских муниципалитетах по итогам выборов — вместо примерно 800 она провела 1153 депутата.

Муниципальная кампания в Москве проходила на фоне президентской кампании Алексея Навального. В конце 2016 года Навальный объявил, что намерен выдвинуть свою кандидатуру на президентские выборы 2018 года — хотя по российским законам он не имел на это права, так как был судим.

Весь 2017 год он создавал предвыборные штабы по всей России, активно выступал в множестве городов, развивал и увеличивал сеть своих сторонников. Итогом, впрочем, стал отказ в регистрации в кандидаты, после которого Навальный призвал бойкотировать выборы. Нечто подобное повторилось и два года спустя, когда летом в Москве шла предвыборная кампания в Мосгордуму. Мосгоризбирком отказал в регистрации большинству независимых оппозиционных кандидатов — Илье Яшину, Любови Соболь, Ивану Жданову, Юлии Галяминой, Константину Янкаускасу. Предвыборная кампания сопровождалась уличными протестами, которые, впрочем, не помешали власти провести выборы так, как ей это было удобно. По итогам представительство правящей «Единой России» в Мосгордуме сократилось, дополнительные места получили представители КПРФ, «Яблока» и «Справедливой России» — формально оппозиционных партий, однако управляемых.

В 2023 году одну из «яблочниц», прошедших в МГД, — Дарью Беседину — признали «иностранным агентом». Илья Яшин осужден судом на 8 лет тюрьмы за «фейки» о военных преступлениях РФ в Буче, Соболь в 2021 году была приговорена к условному сроку и покинула Россию.

Демократический Фейсбук празднует победу: на муниципальных выборах в Москве второе место заняли кандидаты из блока Дмитрия Гудкова и яблочники. В нескольких управах наконец станут заправлять вменяемые граждане прогрессивных убеждений. Для того, чтобы пропускать своих людей через муниципальный фильтр, оппозиции голосов не хватает, но эмоции шкалят все равно: активисты, среди которых немало звезд журналистики и известных общественников, считают это своей первой победой.

Никто не хочет признаваться себе в том, что эта же победа будет и последней, что дракона нельзя

переизбрать и что прозрачность и условная честность выборов на этом микробиологическом уровне была допущена большими учеными из Администрации президента только ради их научных наблюдений. Как и участие Алексея Навального в мэрских выборах в 2013 году, нынешний триумф либеральной оппозиции является санкционированным экспериментом: никому в голову не придет сомневаться, что каждого из кандидатов при желании можно было снять с гонки тысячью способов на любом этапе.

Нет, превратив президентские выборы в трибальный ритуал сакрализации вождя, отменив выборы губернаторские, выхолостив выборы парламентские, прикормив и кастрировав оппозиционные партии, выпотрошив демократию и установив на Красной площади ее трофейное чучело, власть милостиво разрешила внесистемным оппозиционерам копошиться на муниципальном уровне (ниже что? выборы в старшие подъезды?).

И пусть сами оппозиционеры считают, что вырвали победу из когтистых драконьих лап в честной борьбе, у дракона была своя логика: затянуть бузющую интеллигенцию в контролируемое властью пространство и увлечь ее известной игрой в «малые дела», подкармливая иллюзией будущего роста. Власть и раньше такое проделывала с оппозицией, разве что не на таком оскорбительно микроскопическом уровне: Дмитрий Рогозин, к примеру, продал душу за вице-премьерский пост⁴⁷, Сергей Глазьев —

⁴⁷ В конце 1990-х — начале 2000-х годов Дмитрий Рогозин был одним из наиболее ярких публичных русских националистов. Еще в 1990-х став депутатом Госдумы, он делал политическую карьеру, в середине нулевых возглавил партию «Родина». В ноябре 2005 года, перед выборами в Московскую городскую думу, появился телевизионный рекламный ролик партии с участием Рогозина под названием «Очистим Москву от мусора». В ролике политики вступают в перепалку с четырьмя кавказцами, требуя убрать арбузные корки. Ролик завершается титрами: «Очистим Москву от мусора». Ролик вызвал большой скандал и привел в итоге к уходу Рогозина с поста руководителя «Родины», но вместе с тем и к росту популярности партии в Москве. После этого Рогозин пытался основать националистическую партию и не получил на это разрешения — но уже в 2008 году был назначен президентом Дмитрием Медведевым на должность спецпредставителя России при НАТО.

за должность советника президента, а прочим и трибуну давали, и кредитную линию открывали безлимитную.

Наш дракон ведь это и не дракон вовсе: это гидра, она и не почувствует, если какую-то из ее голов отрубит рыцарь, чтобы занять ее место. Более того, некоторые рыцари для того и сражались с гидрой, чтобы повыгодней впарить ей свою собственную голову вместо отсеченной.

Для больших ученых⁴⁸ смысл кишения в муниципальной чашке Петри один: приглядеться к этой микрожизни еще разок, чтобы вакцина к гриппоз-

⁴⁸ Отсылка к тексту песни, написанной советским писателем, поэтом, диссидентом Юзом Алешковским в конце 1950-х годов:

*Товарищ Сталин, вы большой ученый —
В языкознание знаете вы толк;
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ — серый брянский волк.*

В контексте песни именование Сталина «большим ученым» — иронично. Как было положено вождю и великому марксистскому учителю, Сталин публиковал от своего имени академические и научные работы. Широкого обсуждения удостоилась, например, работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

ному сезону восемнадцатого года вышла понадежней. И за пределы чашки Петри мундепам не сбежать: даже игра в имитацию кажется власти довольно рискованной.

Потому что, несмотря на тоталитарные 86 процентов поддержки, которые раз за разом выявляет ВЦИОМ, и несмотря на постоянные настоящие соцпросы, проводимые ФСО, несмотря на тотальный контроль над медийным пространством и на пропаганду, которая полностью подменяет систему координат, вообще не давая «избирателям» ориентироваться в реальном политическом ландшафте, несмотря на миллион штыков Росгвардии в личном распоряжении президента и на все прокремлевские лоялистские формирования, от «Наших» до «Ночных волков» и от SERB до казачества, наша власть чудовищно боится своего народа и ни в коем случае не готова доверить ему свою судьбу хотя бы на йоту и хотя бы на секунду. Именно из этой совершенно паранойяльной неуверенности в себе и происходит ее желание трижды, четырежды перестраховаться.

Именно из нее проистекает паническая боязнь уличной политики, неконтролируемого гражданского протеста, цветных революций⁴⁹. Элита, начиная с президента, прекрасно отдает себе отчет в том, что выборов в стране нет и не будет, что ее никто не выбирал. Они, по сути, понимают, что являются самозванцами.

Из-за этого украинский Майдан каждый раз вызывает у нашего руководства такое распухание Манту. Присоединение Крыма и война в Донбассе, наш ответ на Майдан, были бы ни к чему, если бы

⁴⁹ «Цветная революция» — публицистический термин, который получил распространение в 2000-е годы для описания революций или успешных электоральных протестов в ряде стран бывшего соцблока, постсоветских республиках и некоторых странах Юго-Восточной Азии. Некоторые из этих протестов добивались успеха — например, Евромайдан в Украине с ноября 2013 по 2014 год, Бульдозерная революция в Союзной Республике Югославия (2000 год), Революция роз в Грузии (2003 год), Оранжевая революция в Украине (2004 год) и Революция тюльпанов в Кыргызстане (2005 год). В России «цветные революции» стали одной из важных частей пропагандистского нарратива — именно по этой причине власти так много внимания уделяли Майдану, уличным протестам и контролю над выборами, публично заявляя, что Запад использует «цветные революции» для уничтожения негодных политических режимов и стран.

власть в России была всенародно избранная, которой не нужно было бы доказывать себе и другим свою легитимность, уничтожая легитимность украинских «уличных» политиков. Не нужно было бы промывать мозги населению. Не нужно было бы разрешать миллиону военнослужащих внутренних войск стрелять в гражданских лиц в случае беспорядков на улицах российских городов⁵⁰. И не нужно было бы вести себя демонстративно самоуверенно, по-царски, показывая, что власть ничем народу не обязана и никак перед ним отчитываться не собирается.

Простая выборность и хотя бы условная (как в ФРГ или Японии) сменяемость парламентской и президентской власти могли бы решить проблему легитимности куда более изящно, попутно приотвинчивая крышку пароварки и позволяя обществу освободиться от негатива, позволяя, в том

⁵⁰ При создании Нацгвардии в закон о ней были внесены нормы, позволяющие ее сотрудникам открывать огонь на поражение (в том числе и без предупреждения) по гражданским в различных случаях.

числе, проводить болезненные реформы. Однако все, на что готова пойти элита — имитация демократии на низшем, муниципальном уровне, — и только для окончательного решения проблемы неконтролируемой уличной политики.

Внесистемная оппозиция, сама того как будто не замечая, становится на этих петрушкиных выборах системной, уходя с улиц во дворы; власть нейтрализует крикливый интеллигентский Фейсбук проблемами качелей и песочниц, а сама обеспечивает себе спокойный восемнадцатый год — и беспокойные двадцатые. Все, в общем, с ними ясно. Один вопрос: что такого знает о народе власть, раз так боится довериться ему?

08–11–2017

Спиральная линия⁵¹

Контекст

После развала СССР день годовщины Октябрьской революции отмечать перестали, но 7 ноября остался выходным, а с 1996 года эту дату стали называть Днем согласия и примирения. Но такая альтернатива, кажется, не устраивала ни власть, ни общество. В 2004 году в Администрации президента придумали новый идеологический праздник — День народного единства. Владислав Сурков, который тогда курировал в АП внутреннюю политику, позже рассказывал, что появление праздника связано с идеей «русского мира», которую тогда начали вводить в структуру государственной политики. «Этот день стал днем русского национализма по сути своей. Была такая задача: как сказать об Империи,

⁵¹ Для «Новой газеты» (Россия).

о нашем желании расширяться, но при этом не оскорбить слух мирового сообщества».

С инициативой создать такой праздник выступил Межрелигиозный совет России, который поддержали РПЦ и другие общественные организации. В религиозном смысле День народного единства приурочили ко дню Казанской иконы Божией Матери, а в историко-политическом — к изгнанию из России претендовавших на престол поляков в Смутное время. Это стало одним из первых шагов в построении политики противопоставления «нас» и «Запада», которая потом обрастет и другими историческими мифами и символами вроде прославления Александра Невского или идеи «суверенной демократии» — особого пути авторитарной России, которая обороняется от враждебной Европы. Вопреки названию, День народного единства почти сразу использовали националистические движения для организации ставших традиционными Русских маршей. Именно шествия националистов с имперскими

флагами, вскидыванием рук и расистской риторикой на много лет станут символом «народного единства».

В московском метро запустили поезд «Россия, устремленная в будущее». Запуск поезда приурочен к открытию одноименной выставки в Манеже. Вагоны его будут посвящены медицине будущего, архитектуре, градостроительной политике, экологии, IT и т. д.

Поезд будет курсировать по Кольцевой линии. Поезд «Россия, устремленная в будущее» будет следовать, среди прочего, через станции «Комсомольская», «Парк культуры», «Киевская», «Краснопресненская», «Октябрьская», потом опять — «Комсомольская», «Парк культуры», «Киевская», «Краснопресненская», «Октябрьская». И опять, и опять — через изразцовых и масляных Лениных, через рубенсовских колхозниц, через счастливых солдат, через пухлых детей военного времени, через колосья и винты, через штыки и знамена, через виноградные

гроздья, пушечные жерла, через серпы, через молотилки, через молоты и через наковальни, через имперский мрамор, через кладбищенский гранит, через советские тернии, через красные звезды, мимо, мимо, через фальшивую коммунистическую античность, через поддельный сталинский Рим, через храмовые греческие колонны — в будущее по кругу: приехать нельзя, можно только устать и сойти — в мрамор, гранит, чугун, в звезды и венки.

Метро вырыто для нас нашими дедами в глинистой бурой московской земле, Кольцевая линия строилась вокруг Великой Отечественной войны, станции ее — музеи. Их для того и копали, для того и украшали, чтобы они вколачивали в головы потомкам — нам — такое прошлое. Ретушированное, отцензуренное, переписанное набело. После развала Союза новые станции долго не строились, потом — при Путине — началось: сначала верный духу сталинского ампира «Парк Победы», самая глубокая из всех станций метро, а потом новые, как будто бы со-

временные, но все равно не выделяющиеся слишком из общего стиля: либо мраморно-имперские, либо утилитарные жестяные, в духе хрущевско-брежневской экономики.

Выставка «Россия, устремленная в будущее», которую Путин с патриархом открывают в Манеже в День народного единства — одна прелесть. Молодые ростехнократы тащат их по радужным стендам, потому что так нужно, потому что слишком часто политехнологи и публицисты стали говорить о том, что Россия забивается в нору прошлого, загнанно скалится из нее, что молодежь оттого и шляется по митингам, что молоты и звезды ей чужды эстетически. Молодежи нужно подсунуть образ будущего, говорят штатные философы, ее нужно накачать картинками из научной фантастики: искусственный интеллект, полеты в космос, нейросети, небоскребы, холодная синяя гамма, модные шрифты. Ее нужно отвлечь от ощущения, что будущее не про них, что все сидячие места в нем заняты детишками нынешней элиты, не говоря уже о кабине машиниста.

Президент и патриарх — стареющий автократ и стареющий чиновник — ходят по выставке будущего и вымученно улыбаются. Они не хотят смотреть в будущее, им и так известно, что их там ждет, без услужливых пояснений юных энергичных экскурсоводов. В День народного единства, в синтетический праздник 4 ноября, выдуманный недоучившимся режиссером массовых театрализованных представлений Владиславом Сурковым, чтобы отжать московские улицы у празднующих Седьмое ноября коммунистов, президент и патриарх с масками вместо лиц бродят по России будущего — не потемкинской даже, а голографической. По России, которую они уже не застанут — и которую не застанет никто. Выставка в Манеже интересна им так же, как и маячащей на заднем плане массовке из министров и глав госкорпораций, так же, как и всем россиянам: никак. И, видимо, зная, что обычных посетителей в это счастливое будущее пришлось бы загонять, москвичей и гостей столицы на нем было решено хотя бы прокатить. Набили холодно-синим будущим вагоны

метро и пустили по бесконечному кольцу, даже не заморачиваясь о внешнем сеттинге этого трипа и о его метафорике. Станции Кольцевой — теперь музеи. Но строили их как храмы, недаром дорические колонны, недаром мраморные статуи и прочая фальшь-античность. Строили и затем еще, чтобы в Союзе тридцатых, по кругу проворачивая через это чудо света голодных москвичей и нищих гостей столицы, заставляя их верить в светлое удивительное завтра, ради которого нужно было перетерпеть кошмарное бесконечное сегодня. Метро было превизуализацией дивного грядущего мира, храмом, должным ослеплять своим величием и великолепием неверующих, обращать их в коммунистическую веру.

Поезд, кажется, идет по кольцу: мы опять проезжаем те же станции, нас старым способом кормят старыми смыслами, нам опять нужно перетерпеть сегодня, чтобы быть счастливыми завтра. Только в смыслы не верят даже те, кто их лепит, на образ будущего жаль уже тратить мрамор и его просто печатают на пленке, которой обтягивают вагоны, ведь и

трудное сегодня, которое нужно перетерпеть ради него — это не эпоха, а всего пара месяцев, до президентских выборов. Потому что после них этим образом спокойно подотрутся: с молодежью больше заигрывать нужно не будет, а можно будет загнать ее в какую-нибудь пленочную пионерию и какой-нибудь пленочный комсомол, где им живо все про их будущее разъяснят в приказном порядке.

Но это не кольцо, это спираль, скрученная пружина: скорость растет, круги мельчают, быстрее, быстрее, глубже, глубже, вниз. В наше настоящее, а не образное, будущее.

01-08-2018

AYE⁵²

Контекст

Отношения между российскими властями и преступными организациями были предметом многочисленных дискуссий. Власти обвинялись в коррупции и сговоре с преступными организациями, что иногда описывали как «криминализация государства». Так, в 1999 году министром физической культуры и спорта назначили Бориса Иванюженкова, связанного с Подольской ОПГ. К слову, во власти он задержался и сейчас сидит в Госдуме. Криминальный авторитет Михаил Черной («Миша-Крыша») стал одним из первых российских олигархов и одновременно был алюминиевым «королем» России (значительная часть его бизнеса затем перешла Олегу Дерипаске). На роскошных похоронах криминальных

⁵² Для «Новой газеты» (Россия).

авторитетов вроде Япончика или Деда Хасана появлялись многие российские знаменитости и чиновники. Со временем и некоторые госорганы стали напоминать своего рода ОПГ, да и методы работы у них были похожи. В 2012 году помощники главы Следственного комитета Александра Бастрыкина вывезли в лес заместителя главреда «Новой газеты» Сергея Соколова и угрожали убить, если издание не поменяет редакционную политику. В 2018 году в школе при посольстве России в Буэнос-Айресе изъяли партию кокаина весом в 389 килограммов. Как позже оказалось, наркотики регулярно переправлялись в Россию с помощью диппочты. Позже воровские понятия стали своего рода субкультурой, которая получила название «А.У.Е.» — «Арестантский уклад един», или «Арестантское уркаганское единство». Захватившее регионы криминальное движение воспроизводило тюремные понятия, выстраивало иерархию из «смотрящих» и «грело» тех, кто оказался в колониях. Популярность движения сложно назвать удивительной — стоит

только вспомнить риторику министра иностранных дел Сергея Лаврова или ставшую мемом путинскую фразу про «мочить в сортире». Были в речи власти и другие словечки — «скощуха» (уменьшение тюремного срока), «шакалить» (грабить), «место у параши». Во время войны с Грузией Путин ответил иностранному журналисту: «А вы хотели, чтобы мы там перочинным ножиком, что ли, размахивали?» Прямое сращивание бизнеса и мафии, «крышевавшей» предпринимателей, началось уже в конце 1980-х, а к середине 1990-х блатной жаргон стал использовать уже весь новый класс бизнесменов. Однако именно представители власти нормализовали феню в публичном российском дискурсе. Когда «мочить в сортире» говорит глава государства, общество воспринимает это как сигнал. Блатная речь и интонация начинают распространяться, а вместе с ними и сами «понятия» — специфическая иерархия, культ силы, культ беззакония. Так формируется новая общественная культура.

Россия, ты АУЕла!

Новость о чуть ли не четырехстах килограммах аргентинского кокаина, которые в Россию доставляли самолетами правительственного авиаотряда, почему-то совсем не удивила меня. Чему тут удивляться? Разве тому, что место действия — Аргентина, страна, производством кокаина не славная и особенно теплыми отношениями с Россией не известная. Можете себе представить теперь, что творится в российских посольствах в Венесуэле или Колумбии?

И то, что МИД все отрицает, во всем винит ЦРУ и пятую колонну — ну что ж, спасибо вообще, что они хоть как-то пытаются оправдаться; могли бы просто поржать и дальше заниматься своими делами — вон, президент так всегда и делает, например. И армия тоже. Но это у МИДа, наверное, просто по инерции, пережиточное — помните, в советские годы дипломаты считались носителями особой утонченной культуры, знатоками этикета, людьми чрезвычайно

воспитанными? Сейчас, с Марией Захаровой и «Дебилами, ***», в это уже не очень верится. Что-то с ними случилось, кажется.

Аргентинские новости ложатся логично и естественно на образ России, который вырисовывается из «панамских бумаг», на новости из Испании и США, где пытаются выкорчевывать пустившую корни русскую мафию, открыто причисляя к ней половину нашего истеблишмента — сенаторов, депутатов, близких знакомых первых лиц государства. На новости о том, что бойцы Росгвардии охраняют криминальных авторитетов⁵³, прокуроры крышуют ка-

⁵³ Осенью 2017 года в московском бизнес-центре «Москва-Сити» был ранен сотрудник Росгвардии, охранявший авторитета Измайловской ОПГ Дмитрия Павлова (по кличке «Павлик») — последний отмечал здесь свое 50-летие. На празднике присутствовали известные певцы, влиятельные лица и члены ОПГ.

Первоначально ссора возникла из-за жаркого спора о парковке между телохранителями двух силовых групп: Росгвардии и дагестанской службы безопасности, связанной с «авторитетным предпринимателем» Гаврилом Юшваевым, известным под псевдонимом «Гарик Махачкалинский». Ссора переросла в перестрелку.

зино, их семьи создают совместный бизнес с головорезами из Кущевки, заместители главы Следственного комитета сотрудничают с Шакро Молодым, а сам председатель СК вывозит главреда «Новой» в лес.

И хорошо они ложатся на тот образ нашей страны, который создают телешоу Первого и прочих — где в прямом эфире хамят, бьют морду и базарят по понятиям. На образ России, какой она стала к пятому сроку Владимира Путина. В лихие девяностые, в дни разгула бандитизма, в народе циркулировала городская легенда о тайной организации «Белая стрела»: отставники спецслужб, дескать, устав от бессилия закона перед ОПГ, решили бороться с преступностью ее же методами и открыли негласную войну на полное уничтожение мафии.

Были задержаны шесть человек, среди арестованных были видные деятели, в том числе известные преступники. Инцидент пролил свет на связи между криминалом и правоохранительными органами. Впрочем, представитель Росгвардии говорил, что сотрудники не могли охранять такое предприятие и, соответственно, вся информация не является достоверной.

Был, то есть, запрос у населения на народных мстителей, неподкупных и не стесненных законом, которые бы нашли управу на беспредельщиков — причем управу в таком понятном, смершевском духе. И когда тихие наследники СМЕРШ⁵⁴ стали возвращать себе власть, населению это понравилось, потому что где СМЕРШ — там порядок, а по порядку население очень заскучало.

К восьмидесятым СМЕРШ, правда, немного отвык от массовых убийств и его бойцы стали больше походить на крючкотворов: возьми всю нынешнюю нашу элиту — ни одного героического лица, все какие-то бюрократические. Но новые возможности, которые подарил старому СМЕРШу дикий капитализм, были головокружительными. СМЕРШ стряхнул перхоть с плеч, приделся и приосанился. И начал наводить порядок, чего от него все и ждали с нетерпением.

⁵⁴ СМЕРШ (сокращение от «Смерть шпионам!») — название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

Озверевшую оргпреступность стали брать к ногтю: сказочная «Белая стрела» попала во власть, легенда стала осуществлять себя. Мафии быстро указали на ее место: не на самом верху пищевой цепочки, а ближе к середине. Но истреблять ее напрочь новому руководству государства показалось слишком расточительным. Отрочество, проведенное на улицах разбитых фонарей, и работа в мэрии Петербурга во времена ночного губернаторства Владимира Кумарина, думается, научили новое руководство страны видеть в организованной преступности не столько врага и конкурента, сколько полезный инструмент и ресурс.

Вместо того, чтобы вести с мафией войну на уничтожение, власть превратила ее в один из своих департаментов — такой же, как церковь или пресса. Преступные авторитеты, согласившиеся сотрудничать с государством и интегрироваться во власть

(что требовало от них отступления от воровских канонов⁵⁵), получали политическую репрезентацию и неприкосновенность (депутатские мандаты) плюс возможность легализации бизнеса. Власть получала эффективный контроль над теневой Россией, в которой, как и в России солнечного полудня, все теперь можно было решить по звонку.

Находясь за рамками закона, организованная преступность находится и за его скобками. Формальная власть, вынужденная развиваться внутри тесного ящика Конституции, законов и УК, страдала от вечных ортопедических проблем и бесконечно завидовала власти неформальной с ее вольницей;

⁵⁵ Под отступлением от воровских канонов здесь имеется в виду нарушение или отступление от установленных правил и норм поведения в криминальном мире, в частности среди постсоветских ОПГ. Воровские каноны зародились в советской тюремной системе и с тех пор распространили свое влияние за пределы тюрем на весь остальной криминальный мир. Эти каноны устанавливают строгую иерархию, верность по отношению к братьям-преступникам и рекомендации по разрешению споров, совместному использованию ресурсов и поддержанию чести среди воров.

понятия казались ей куда более удобной и справедливой системой координат, чем законодательство. А для многих — и привычной.

Мафиозный лайфстайл пришел в российскую политическую культуру именно при Путине; он был гламурный и классный, он соблазнял и заражал собой все новых и новых представителей истеблишмента. Именно вместе с ним пришел и мафиозный дискурс. Но было бы ошибочно представлять дело так, будто тут речь идет просто о разложении элиты. Дело в том, что организованная преступность в России обладает кое-чем несравненно более важным, чем киношный романтический флер или бонусы вседозволенности. Она является носителем собственной сильной и яркой культуры — в антропологическом и цивилизационном смысле.

У российской преступности есть своя кастовая структура, свой язык (феня), своя мифология с исчерпывающим мироописанием, свое искусство (блатняк), своя традиция (уходящая корнями в царскую Россию), своя этика (понятия) и своя эстетика.

Несмотря на некоторую свою средневековость, а может, и благодаря ей, блатная политическая и социальная культура куда больше подходит многим регионам Российской Федерации и других бывших республик СССР. Она точнее описывает реальность и лучше помогает выживать в ней, а следовательно, продолжает ее формировать.

Изначально инкубаторами этой культуры и ее рассадниками являлись тюрьмы и зоны; однако у сотрудников правоохранительных органов, деморализованных распадом советской идеологической системы, оказалось нечем крыть — и блатная культура заразила их первыми. Дальше вирус проник в спецслужбы, а потом поразил вообще все государственные институты. Коррупция, которая показалась новому руководству куда более эффективным способом обеспечивать лояльность и управле-

мость чиновничества, существует в блатном, уголовном измерении⁵⁶. И вся реальная — а не церемониальная — политика была, таким образом, тоже переведена в уголовное измерение.

⁵⁶ Прекрасный пример того, как на самом деле функционирует российская власть, дали так называемые панамские документы. Это общее название массовой утечки конфиденциальных документов из панамской юридической фирмы Mossack Fonseca, которая специализируется на офшорных финансовых услугах. В апреле 2016 года в немецкую газету *Süddeutsche Zeitung* была слита огромная коллекция из примерно 11,5 миллиона документов, которая затем была проанализирована совместно с Международным консорциумом журналистов-расследователей (ICIJ).

Документы содержали подробную информацию о деятельности офшорных компаний и их бенефициарах. Эти офшорные организации являются законными, но могут использоваться как в законных, так и в незаконных целях, включая уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и сокрытие активов. В просочившихся материалах фигурировали многочисленные известные лица, в том числе политики, лидеры бизнеса, знаменитости и правительственные чиновники со всего мира, например уже упоминавшийся тут виолончелист и путинский друг Сергей Ролдугин. Документы предполагали, что Ролдугин контролировал эти компании, которые участвовали в различных сделках. Кроме того, в панамских документах фигурировали и другие лица, имеющие связи с российскими политическими деятелями, в том числе соратники Путина, члены российского парламента и правительственные чиновники.

Поглотив мафию, государство думало переварить ее, отвести ей функции спецпредставителя по деликатным поручениям; однако процесс движется в обоих направлениях, и мафия со своей блатной культурой, срастаясь с силовыми органами, с парламентариями, с деятелями искусства, внедряется в элиту навсегда. И если кто-то думал, что по прошествии десятилетий бывшие бутлегеры цивилизуются, как это произошло, скажем, в США — то нет. Культура уголовного подполья у нас оказалась мощней и живей культуры бюрократического мейнстрима. Когда-то давно в сортире мочил только Путин, но теперь этим занимается все государство, включая некогда предельно формальный МИД, выспренное телевидение и возрожденную из пепла Пятого управления КГБ Церковь. Уголовная культура разлагала формальную культуру изнутри по мере того, как уголовная власть разлагала обычную власть. Наконец, власть и подворотня заговорили на одном языке — и обеим это нравится. Когда из

далекого Забайкалья до нас доходят новости о свирепствующем там криминально-общественном движении «А.У.Е.», органы обещают разобраться. Но разобраться тут нечего, и так все ясно: «А.У.Е.» — это просто хунвейбины нашей собственной культурной революции.

«А.У.Е.» означает, вроде бы, «арестантский уклад един», но тут ясно слышна огласовка другого, более понятного слова — которое точно описывает прерогативы тех, кто уже вошел во власть, и мечту тех, кто во власть пока только стремится. И именно «А.У.Е.» должно быть начертано на гербе прекрасной новой России пятого путинского срока.

Взгляд из будущего

Удивительным образом этот симбиоз криминала и власти проявился в фигуре бывшего уголовника, а впоследствии ресторатора, приближенного к Владимиру Путину банкетного устроителя, создателя (по крайней мере, номиналь-

ного) первой и крупнейшей из российских частных военных компаний ЧВК «Вагнер», а затем и передумавшего бунтаря — Евгения Пригожина. Человек, которому было дозволено кормить царя, который втайне получил от власти десятки миллиардов долларов и которому после начала войны без бумаг и приказов дозволено было освобождать из тюрем десятки тысяч заключенных, в том числе бандитов и убийц, чтобы бросить их в мясорубку украинской войны, является плотью от плоти зоны и одновременно — кровью от крови российской власти. Вот высшее проявление мафиозного государства: бизнесмен-боевик-чиновник, которому дозволено все, пока он лоялен и полезен власти, который находится вне и над законом, но который, как только его верность власти подвергается сомнению, может быть так же незаконно аннулирован. Апогей роли личности в российской истории. Перигей гниения государства.

30–09–2018

Запад и мы⁵⁷

Контекст

Осенью 1989 года рухнула Берлинская стена, с 1961 года отделявшая Восток от Запада, коммунизм от капитализма. Значительную роль в этом сыграл Михаил Горбачев. Начатые им реформы, которые называли перестройкой, не только меняли внутреннюю жизнь СССР, но и стали сигналом для других стран Варшавского договора.

Во время визита в Восточный Берлин в октябре 1989 года (по случаю празднования 40-летия ГДР) Горбачев заявил о своей поддержке политических реформ в Восточной Германии. Он ясно дал понять, что вооруженные силы Советского Союза не будут подавлять народные восстания или предотвращать политические изменения в странах Восточного блока.

⁵⁷ Для газеты Die Zeit (Германия).

За несколько месяцев до падения Берлинской стены по всей Восточной Германии вспыхнули массовые демонстрации и протесты. Люди требовали реформ, свободы слова и передвижения. Под этим давлением 9 ноября 1989 года правительство ослабило ограничения на поездки и разрешило гражданам свободно пересекать границу с Западной Германией. Показательно, что в самом документе об ограничениях прямо не говорилось — такая трактовка стала результатом недопонимания чиновника, озвучившего решение, и людей, которые услышали объявление по телевидению и радио. Тысячи жителей Восточной Германии устремились к пограничным переходам в Берлине. Пограничники сперва не знали, как реагировать, и в конце концов открыли контрольно-пропускные пункты. Встреча восточных и западных немцев, разрушение стены стали одним из самых ярких символов конца холодной войны.

В 1989 году рухнули все режимы в социалистическом блоке — в Польше и ГДР, в Румынии и Болга-

рии, в Чехословакии и Венгрии. Попытки политического протеста были даже в Китае — но там их жестко пресекли.

Когда Горбачев дал отмашку сносу Берлинской стены, можно было, очаровавшись моментом, подумать, что и все прочие стены в Европе рухнут вот-вот. Железный занавес, скрежеща, пополз вверх, и два мира — блеклый, чуть не черно-белый, социалистический, и цветной, капиталистический — уставились с изумлением друг на друга. Мы знали, что вы живете лучше, но не подозревали насколько. Вы догадывались, что у нас все обстоит побледнее, но не понимали, как мы с этим миримся.

Эта ваша и наша Стена, этот наш и ваш Занавес — их точнее было бы сравнить с плотиной, которая разделяла и удерживала по обе стороны от себя под разным давлением миллионы людей. Ее взорвали — или она сама рухнула под натиском эпохи (хотя вот в Китае же ее законопатили — и она стоит себе), — и человеческие потоки хлынули навстречу друг другу,

смешались, и некоторое время спустя устаканились на единой отметке, на среднем уровне.

Что имели вы, стало доступно нам. Что вы знали, стало нам известно. Свобода, которой у нас не было отродясь — не абстрактная свобода, а хотя бы свобода где угодно жить, чем угодно заниматься, с кем угодно спать и ездить к вам в отпуск, а то и переехать насовсем — была нам дана, и мы стали этой свободой пользоваться и злоупотреблять.

Стены не исчезли окончательно, но их хотя бы заменили на металлические легкие ограждения — вроде тех, какие использует наша полиция для создания загонов, в которых имеет право митинговать наша оппозиция.

В новой «свободной» России не было никакой идеологии, а значит, и поводов продолжать с Западом соперничество и борьбу не виделось. Запад был к нам снисходителен — военных баз в Подмосковье не размещал, разоружения и репараций не

требовал, слал гуманитарную помощь⁵⁸ — помню, сам получал в школе пакеты зачем-то сухого молока. Почему именно молоко? Ну и черт с ним, молоко и молоко, какая разница, это ведь символ, а не продукт.

Наша промышленность производила танки и автоматы, ваша — телевизоры, видеомагнитофоны и компьютеры, модную одежду и модную музыку, модное кино и, наконец, просто разнообразную еду. Мы хотели быть вами, и вот нам это позволили. Жители городов, опьяненные потребительской вседозволенностью, преклонили колена перед западным Золотым тельцом.

Мы обращались в вашу веру, просто потребляя ваше, выучивая названия ваших брендов, дорываясь до ваших писателей, поглощая ваши телесериалы. Мы наконец ели то, что до тех пор было вашей

⁵⁸ В 1990-х годах Соединенные Штаты и страны Западной Европы оказали значительную гуманитарную помощь России. Эта помощь включала основные продукты питания, кроме того, Соединенные Штаты оказали медицинскую помощь. В Россию были отправлены предметы медицинского назначения, оборудование и специалисты для поддержки системы здравоохранения.

привилегией — полки наших магазинов были завалены вашими продуктами. Причащались бордо и круассанами. Приезжали к вам и, оглушенные, щурясь от слишком яркой картинки, разглядывали вашу Барселону, ваш Берлин, ваш Лондон.

И вот мы до отвала насосались этого вашего молока: наелись ваших продуктов, насмотрелись вашего кино и ваших столиц. А вы — привыкли к нам: русская речь на ваших улицах вас больше не удивляет.

Вас удивляет другое — что вдруг потом с нами случилось? Что случилось между нами? Как восхищение в наших глазах сменилось пренебрежением, зависть — чувством превосходства? Почему, поучившись у вас тому, как правильно быть современными западными людьми, мы так в этом и не преуспели и решили забраться обратно в свое неуютное восточное прошлое?

Откуда наш рецидив империализма, зачем нам учинять войны в своих бывших вотчинах, для чего нам лезть в вашу политику, почему мы раз за разом

выбираем для себя сильную руку, робко ластясь к ней — и сжимаясь, когда она заносится над нами? Что это такое нас гложет? Почему мы не смешались с вами, когда наши сосуды стали сообщаться, почему разница потенциалов не исчезла, почему на месте ограждений опять строят стены? Вы спрашиваете себя: «Может, это мы виноваты?» Недопоняли, недоучили, пережали? Или просто русские — не европейцы, никогда ими не были и никогда ими не будут, не стоило и надеяться?

Вы скажите за себя сами, а я скажу за нас.

Все дело как раз именно в том, что мы всегда на вас равнялись и всегда себя с вами сравнивали.

Россия — страна догоняющего развития, и почти все ее модернизационные скачки были связаны именно с новыми волнами заимствований на Западе. Но технологии Европа всегда отдавала нам в одном пакете с ценностями, с идеологией, с образом жизни. Модернизация приводила к культурным прививкам. Она требовала отказа от традиций и

укладов. Хочешь ускоряться — сначала признай себя отсталым.

Отказывайся от своих ценностей, признавай их архаичными, неуклюжими, бессмысленными. Ставь под вопрос свою историю, свою идентичность. Распишись в том, что особый твой путь⁵⁹ в очередной раз завел тебя в тупик. Хочешь быть европейцем — признайся себе в том, что ты — человек второго

⁵⁹ «Особый путь» — это концепция, которая исторически берет истоки в германской концепции *Sonderweg*. В переводе с немецкого это означает «особый путь» или «уникальный путь». Эта концепция использовалась для описания исторической траектории и развития Германии. Сама концепция предполагала, что история развития Германии отличалась от того пути, которым шли страны Западной Европы, от либерально-демократического пути.

По мнению сторонников этой идеи, уникальный исторический путь Германии можно объяснить различными факторами, в том числе ее фрагментарной политической структурой, слабым гражданским обществом, традицией авторитарного правления и характерным сочетанием национализма, милитаризма и романтизма. Считается, что эти элементы способствовали окончательному принятию Германией авторитаризма, что привело к подъему прусского милитаризма, созданию Германской империи и, в конечном итоге, сыграло роль в появлении нацизма и Второй мировой войне. Идея «особого пути» в контексте России, аналогичная концепции *Sonderweg* для Германии, предполагает, что Россия развивалась по особой траектории, которая отличается от других стран.

сорта, который мечтает стать человеком сорта первого. В этот конфликт упираются все попытки модернизировать и вестернизировать Россию.

А единственный раз, когда мы пытались учить жить вас, когда Россия несла цивилизаторскую миссию Европе — я имею в виду коммунистическую революцию и последовавший за ней всеевропейский сдвиг влево, — завершился нашим провалом. Вам кажется, что по окончании холодной войны блага вашей цивилизации в очередной раз достались нам даром — но для нас эта война кончилась нашим поражением. У нас комплекс неполноценности — в особенности у тех, кому советская власть обещала построить на земле коммунистический рай, оплаченный кровью отцов и дедов, еще до конца столетия. Обещала прямо перед своим банкротством.

И наша имперская ностальгия — нормальная человеческая ностальгия по утраченному мировому величию, от которой мучаются до сих пор Великобритания, Франция и даже Венгрия — наложилась на

извечный наш комплекс неполноценности, на ощущение себя людьми второго сорта перед европейцами, комплекс, от которого только имперская гордость нас и излечивала. Да, мы жили в говне, но наши танки стояли от Владивостока до Дрездена, Варшавы и Праги: мы были величайшей (если судить по территории) из сохранившихся империй. Вкратце, с нами случилось вот что: мы променяли гордость на колбасу, но, когда наелись колбасы, снова вспомнили о гордости. Ничего такого особенного, нас вполне можно понять. На нашем месте мог быть каждый, и немцы на нем уже оказывались.

И комплексы простого (пост)советского человека тут совпали с комплексами постсоветских элит — которые приезжали на Запад сорить деньгами и все равно не чувствовали себя равными западным элитам. Деньги-то у них на Западе брали, иногда изображая подобострастие, но искреннего уважения в глазах берущих не было. А когда западные элиты разобрались получше, что из себя представляют элиты российские — неразделимый сплав

криминала, спецслужб и крупного бизнеса, — то стали к ним относиться с опаской и еще большей брезгливостью и сотрудничество с ними свели к уровню сотрудничества с сидящими на кровавых алмазах африканскими диктаторами.

А с нами было так нельзя. Мы все почувствовали. Мы, между прочим, ранимые. Что же открытый мир-то не сработал, спросите вы. Железный занавес, хотя починен уже и смазан, все еще висит в небе. Мы же можем к вам ездить, да и интернет у нас целиком не отключали. Очевидно же, что европейская модель, модель мягкой силы, гуманного общества, обволакивающего экономического воздействия — куда эффективней нашей. Разве мы не видим, что у вас лучше, что с вами лучше, чем против вас?

Видим. В этом-то и беда. В открытом мире, где у граждан есть возможность сравнивать все со всем, где им всегда приходится спрашивать себя, почему они живут хуже соседа, власти приходится изыскивать этому свои объяснения и свои оправдания.

Мы хуже живем, зато у нас свой особый путь, говорит нам телевизор. Мы беднее, зато мы гордые. Это буржуи нас наказывают за то, что мы Крым взяли. Это они нам с колен подняться не дают. Да, мы в говне по пояс, зато вон какие танки по Красной площади ездят.

А что же с чемпионатом мира, спросит нас любопытный европейский читатель?⁶⁰ Это разве не жест открытости новой России внешнему миру?

Ну да, жест. Или, скорее, судорога. Вы пользуйтесь им, кстати, приезжайте к нам, посмотрите, как мы живем. Кто знает, когда в следующий раз получится.

⁶⁰ Чемпионат мира по футболу, проходивший в России летом 2018 года, вызывал множество споров. Одной из основных причин была ситуация с правами человека в России — политические репрессии, аресты, убийства, ограничения свободы слова, давление на ЛГБТ-людей. Все это заставляло многих призывать к бойкоту чемпионата в России. Но главной причиной была аннексия Крыма Россией в 2014 году и участие в войне в Донбассе. Все это подняло много вопросов об этичности проведения крупного спортивного мероприятия в стране, вовлеченной в подобные действия. Кроме того, существовали и вопросы по поводу коррупции во время подачи заявок на проведение чемпионата мира по футболу. Несмотря на это, турнир прошел по плану.

Взгляд из будущего

Сейчас, когда Россия закупорилась, отгородившись от цивилизованного мира, который она скопом записала в «недружественные» — читай, враждебные — страны, этот чемпионат кажется мимолетным сном в летнюю ночь. И таким же сном кажется вся короткая эпоха открытости и дружелюбия России по отношению к окружающему миру. Но не надо думать, что угрюмость, паранойя и огораживание — это неизбывные и вечные свойства нашей страны или нашего народа. Это просто побочный продукт узурпационного режима, который раз за разом в нашей стране образуется. Узурпаторы не имеют легитимности и не умеют обеспечивать народу человеческую жизнь, их мало что интересует, кроме собственного завирального величия и личной роскоши — и сохранения любой ценой власти, без которой они не смогут сохранить ни того, ни другого, ни, вполне вероятно, головы на плечах.

И как-то не приходит им в голову ничего лучше, чем отсечь нашу несчастную страну от мира ржавым железным занавесом, чем залить из пропагандистского брандспойта дерьмом цветущую и выкарабкивающуюся непомятой из любого кризиса Европу. Просто чтобы люди не задавали извечного и проклятого русского вопроса: «А почему они там так хорошо живут, а мы тут так хуево?»

01–06–2018

Фига⁶¹

Обязательно ли глотать, когда сосешь? Сейчас этот вопрос с новой остротой встал перед русской интеллигенцией.

Когда власть оказывается в руках у самозванцев, способов больше никогда не расставаться с ней у этих самозванцев два: через ложь и через насилие. Под насилием мы не обязательно понимаем массовые репрессии — вполне эффективны будут и точечные. Через демонстрацию силы и способности этой силой без колебаний пользоваться для защиты своей власти самозванцы пытаются запугать и деморализовать любую оппозицию. Семнадцатый — не тридцать седьмой, в эпоху телевидения избыточны ночные воронки и ГУЛАГ, достаточно убить пару видных оппозиционеров и посадить пару из-

⁶¹ Для «Новой газеты» (Россия).

вестных вольнодумцев, чтобы прочие оппозиционеры стали вести себя поскромней, а вольнодумцы попридержали языки. Таково преимущество информационного общества над индустриальным. Но ложь, под которой мы понимаем тотальную дезинформацию населения, в информационном обществе является еще более эффективным инструментом узурпации и удержания узурпированной власти.

Ложь — это не просто искажение сведений о происходящем в стране и в мире. Это не только намеренное запутывание и обман политиком населения, оппонентов и собственных сторонников касательно своих намерений, чтобы купировать любые попытки противодействия. Это еще и создание виртуальной мифологической среды, которой самозванцы подменяют объективную реальность. Лишенное доступа к правдивой картине внешнего мира население получает картину упрощенную, извращенную, с неверно расставленными эмоциональными акцентами — и при этом акцентами крайне мощными, связанными с национальными и

культурными мифами и архетипами — настолько сильными, что они могут полностью блокировать способность обычного человека к критическому анализу ситуации. Созданием, раздуванием или имитацией войны с новым или извечным противником (фашисты, чеченцы, евреи, либералы, националисты, гомосексуалисты, американцы, албанцы, сербы, армяне, тутси) самозванцы за очень короткий срок могут перевести массовое сознание в режим военного времени, в котором населению навязывается мышление «мы или они» и выбор «с нами или против нас». Возглавляя эту войну, самозванцы консолидируют за собой большинство за счет демонизации и ущемления реального (тутси) или символического (американцы) обозначенного врага. Делается это всякий раз исключительно в интересах самозванцев и в целях удержания ими власти. Война становится для самозванцев источником легитимности. Их никто не выбирал, но военное время и не предполагает выборов. Тут, казалось бы, все просто: есть угнетатели (даже если в современном

мире угнетение сводится к узурпации государственных ресурсов группкой случайных лиц) и есть угнетаемые (хотя бы просто лишенные своего законного права на часть богатств своей страны). Угнетатели дезориентируют народ, стараясь удержать власть как можно дольше. Народ проживает в воображаемой реальности и борется с воображаемым врагом, вместо того чтобы осознать настоящий источник своих бед и причины своей ущемленности.

Но есть в этой системе и третий элемент, который в нашей стране принято называть интеллигенцией. Интеллигенция — благодаря образованию и профессиональным навыкам критического анализа — прекрасно понимает, что именно происходит в стране. Хотя она воспитывалась в том же культурном, историческом и архетипическом контексте, она не является его заложником. Она знает, что такое миф, и способна отличить его от реальности, в особенности когда миф этот является безыскусным и безвкусным новоделом. Она умеет отличить фашистов в Киеве сорок первого от «фашистов» в Киеве

в две тысячи четырнадцатом. Она знает слово «аншлюс». У нее более долгосрочная и более точная память. Умение проводить исторические параллели не дает ей удивляться каждому новому кульбиту власти и принимать его за чистую монету. А приближенность к власти и приблизительное понимание механизмов ее устройства не дает ей относиться к власти как к чему-то сакральному.

Если вкратце, интеллигенция приблизительно понимает, как все устроено на самом деле. С меньшим количеством деталей и более романтично, чем понимают люди во власти, но зато более объективно и отстраненно. Вот почему именно интеллигенция представляет для власти особенную опасность: важнейший для самозванцев инструмент удержания власти — ложь — в отношении интеллигенции работает гораздо хуже.

Больше того, без помощи интеллигенции власть не сможет воссоздавать и применять этот инструмент. Обычный узурпатор — будь он по-военному бесхитростен или по-спецслужбистскому хитер —

обычно человек не творческий. Он не умеет ни синтезировать, ни распространять мифы. Последним деятелем в нашей, например, истории, сочетавшим в себе оба начала, был Владимир Ленин. Его предшественники и последователи нуждались в помощи и поддержке интеллигенции (на более ранних этапах — духовенства) для охмурения, оболванивания, разложения и подчинения себе народа.

Расхожий литературный сюжет о продаже души дьяволу именно потому настолько расхож, что любой проживающий в авторитарном государстве интеллигент, разобравшийся в меру доступного в несправедливостях мироустройства и снискавший себе мало-мальскую славу властителя дум, однажды получает приглашение. Ему предлагают оставить попытки критического анализа и поставить свой талант на службу «Отечеству» — то есть той группе лиц, которая в данный момент удерживает в нем власть, угнетая и дезинформируя народ.

Дьявол как образ, избираемый тонкими творческими натурами для описания своего искушения, тут очень точен — и происходит именно от того, что они, суки, все прекрасно понимают. Понимают, у кого брать деньги и от кого принимать ордена, у кого петь на корпоративах и победных концертах. От кого принимать удары веничком — вместо плети. Понимают, за кого агитировать — и против кого. Понимают все журналисты-артисты-художники-режиссеры-писатели. Музейные кураторы, медийные ораторы, историки, лирики и физики. Это все умные люди, они ведь не родились интеллигенцией, они ей стали. И если они сумели добиться в своей высококонкурентной среде достаточного успеха, чтобы быть замеченными властью, значит, им хватит ума и для того, чтобы понять, чего именно эта власть от них хочет.

Хочет: чтобы закрыли глаза на ложь и насилие, чтобы помогали убедительней и изящней лгать. Чтобы противопоставили себя (вслед за властью)

народу и повернулись против него. И, наконец (что делает это пафосное сравнение вполне уже точным), чтобы сами поверили в ложь, отказавшись от себя прежних. Вот это уж настоящая дьявольщина, без гипербол.

Не все из них и колеблются-то даже: многие сами обивают властные пороги, как коммивояжеры, обходя кабинеты со своей душой, ища тот департамент преисподней, где ей заинтересуются и предложат сходную цену. А те, кого переклинивает от когнитивного диссонанса, находят себе и оправдания, и объяснения. Это все только дело времени, а за аргументами у умного человека, понимающего сложность мироустройства и умеющего все поставить в контекст, дело не станет. Тем более что альтернатива удару веничком — удар плетью. Достаточно высечь и одного, чтобы другие призадумались.

Что же нам, осудить вшивую интеллигенцию? Нет, не станем. Всем хочется жить и всем хочется

жить хорошо. А для личного героизма нужны совсем уж серьезные основания: если враги, к примеру, сожгут родную хату⁶² — тогда да, тогда придется; а если это просто теледиктатура, как у нас, — то ничего страшного, тогда и когнитивный диссонанс-то вполне терпимый. Споем, станцуем, попарим, попиарим.

Но с собой-то можно ведь честным быть, а? Хотя бы с самим собой? Чтобы как бы и душу продать, но и фигу в кармане не разжимать? Эта фигу в кармане ведь и есть самая популярная у нас форма сопротивления самозванцам и узурпаторам.

⁶² Отсылка к советской военной песне на стихи поэта Михаила Исаковского (1900–1973):

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.*

Взгляд из будущего

Война с Украиной стала для российской интеллигенции самым тяжелым испытанием, наверное, с самой Октябрьской революции. В конце концов, на идущие по Праге танки должны были отвечать люди, приученные молчать лично Сталиным.

А тут — интеллектуалы, выросшие на пародиях на Сталина, имевшие тридцать полновесных лет личной свободы и все двадцать лет политического вольнодумства, встали перед невыносимо дихотомическим выбором:

А. Поддержать власть — и поддержать братоубийственную, чудовищно несправедливую, ничем не спровоцированную захватническую войну, к тому же еще исполняемую нашей армией с людоедским рвением, с бессмысленной жестокостью, с никак с военной точки зрения не обоснованными разрушениями.

Б. Повести себя даже не как совесть нации, а просто по-человечески, произнеся вслух предельно очевидное: это война, война против тех, кого мы тысячу лет звали братьями, ее нужно немедленно остановить.

В начале войны интеллигенция в целом повела себя интеллигентно: открытые письма против войны подписывались целыми цехами — ученые, сценаристы, режиссеры, писатели говорили войне «нет». Но власть никого из них слушать не собиралась, а собиралась она принудить интеллигенцию к послушанию. Для этого самых громких призывали к ответу, а всем прочим выписали волчий билет.

Министерство культуры, Министерство финансов, Администрация президента и анонимные демиурги из недр ФСБ запустили циркуляры с именами штрафников: тех, кто выступал против войны и вообще против власти. Все, попавшие в эти списки, не могут больше работать в финансируемых государством театрах (в России таких

абсолютное большинство) и кино (которое тоже не может обойтись без господдержки), становятся вообще для государства неприкасаемыми — и, по замыслу, должны голодать, пока не покаются сначала приватно, а затем и публично — и не раз, пока демиурги не решат, что честь и достоинство бунтаря растоптаны публично, а воля к сопротивлению у него сломлена. Этих мер оказалось достаточно, чтобы интеллигенция замолчала.

К ее чести — если тут все еще можно говорить о чести, — нужно сказать, что людоедские пляски с бубном в медийном поле поддерживали немногие деятели культуры, и даже полтора года спустя известных писателей, режиссеров и актеров, которые прилюдно выступили за власть и за войну, можно пересчитать по пальцам. Все эти люди — если тут все еще можно говорить о людях — уже были хорошо известны как люди государевы, находящиеся с режимом в неразрывном деловом партнерстве и никак не могущие

сказать «нет» поступившему от режима предложению. Остальные затаились, надеясь переждать охватившее страну безумие. Попрятались под лавками, под кроватями и в шкафах, притворяясь, что со страной не происходит ничего, что требовало бы от них четкой публичной оценки. Я, находясь сейчас в эмиграции — политической и вынужденной, — не могу, наверное, их осуждать. Но, хотя я и могу найти аргументы в защиту замолчавших: боятся потерять работу, боятся выйти из зоны комфорта, не хотят или не могут уехать — оправдывать мне их тоже не хочется. Понять — понимаю, согласиться — не согласен. Просто «русский интеллигент» как совесть нации оказался мифом, оказался обычным маленьким пугливым человеком, который совершенно не готов ни брать на себя ответственность за судьбу своей страны, ни разделять ответственность за творимые ей преступления.

Он даже на плечах титанов прошлого стоять не хочет, чтобы не быть слишком заметным. Он хочет на ручки и иногда ныть в Фейсбуке.

Ну тогда нечего и удивляться тому, что страну раз за разом ебут проходимцы.

11–06–2019

Гидра⁶³

Контекст

Давление на журналистов и лидеров мнений в России со временем превратилось в привычную рутину, которая уже никого не удивляла. Механизм репрессий работал, казалось, без каких-либо запинок и задержек. Тем удивительнее, что иногда и он давал сбои.

Летом 2019 года в России прогремела история журналиста «Медузы» Ивана Голунова, который занимался расследованиями коррупции среди чиновников и органов власти и, в частности, много писал о закупках мэрии Москвы. В июне 2019 года Голунова арестовали по обвинению в хранении и распространении наркотиков. Видимо, нужно было заставить его прекратить расследования, последнее из которых рассказывало о «крышевании» похоронного бизнеса высокопоставленными сотрудниками

⁶³ Для «Новой газеты» (Россия).

ФСБ. Однако достоверно о причинах произошедшего сказать нельзя.

Вскоре после задержания Голунова в окопоялицейских телеграм-каналах (а затем и на официальном сайте МВД) появились фотографии «подпольной нарколаборатории», якобы обнаруженной у него в квартире. Журналист ВГТРК Андрей Медведев сообщил в своем телеграм-канале, что он «позвонил знакомому оперу из 90-х» и тот ему подтвердил, что за Голуновым следили несколько месяцев.

Знакомые Ивана заявили, что восемь снимков сделаны не дома у Голунова. Позже пресс-служба ведомства признала, что «эти фотографии были сделаны в рамках проведения оперативных мероприятий и следственных действий по пресечению деятельности группы лиц, занимающихся сбытом наркотиков в Московском регионе, на связь с которой проверяется задержанный». Еще через день стало известно, что фотоматериалы с делом журналиста не связаны. Фальсификация фотографий счи-

тается одной из причин, по которым власти довольно быстро признали свою ошибку и отреагировали на произошедшее, по сути отменив дело и заставив полицию извиняться за арест журналиста.

Дело Голунова вызвало волну недовольства как в России, так и за рубежом. Журналисты, правозащитники и сторонники сплотились вокруг него, требуя освобождения и выражая обеспокоенность состоянием свободы прессы в стране. Три ключевых деловых издания России — «Коммерсантъ», «Ведомости» и РБК — вышли с одинаковыми обложками с заголовками «Я/МЫ Иван Голунов».

Общественная поддержка, которую он получил, привела к беспрецедентному давлению на российские власти. В конце концов обвинения с Голунова сняли всего через несколько дней после ареста. Такой исход стал совершенно неожиданным — многие сочли, что дело не только в несуразности обвинения, но и в неожиданной солидарности журналистов. Причем в том числе и государственных — например, в виновности Голунова сомневалась

даже Маргарита Симоньян — руководитель главного пропагандистского путинского информгентства Russia Today. Хотя обычно в аналогичных случаях именно они выступали «ястребами» преследования и никогда не сомневались в обвинении.

Впрочем, новым правилом дело Голунова не стало. Через год в Москве задержали Ивана Сафронова — бывшего журналиста «Коммерсанта», писавшего о военных закупках Министерства обороны. Его уволили из «Коммерсанта» после статьи о возможной отставке спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко. Вскоре после нее был фактически разгромлен отдел политики газеты. Сам Сафронов некоторое время проработал в «Ведомостях», а затем стал советником генерального директора госкорпорации «Роскосмос» Дмитрия Рогозина по информационной политике.

В июле 2020 года его задержали по пути на работу, обвинив в госизмене: передаче спецслужбам Чехии секретных материалов о поставках российского оружия и действиях Вооруженных сил РФ в

странах Африки и Ближнего Востока. Попытки общественной поддержки Сафронова были не такими масштабными, как в деле Голунова, да и дело о госизмене предполагало большое количество неизвестных публике обстоятельств. Той мобилизации, которая отличала дело Голунова, не произошло, и хотя те же оппозиционные спикеры поддерживали Сафронова, на судьбу журналиста это не повлияло.

Осенью 2022 года Ивана Сафронова приговорили к 22 годам колонии строгого режима. В это время репрессии журналистов в России уже никого шокировать не могли.

Статья Дмитрия Глуховского, написанная после «дела Голунова», называется «Гидра» не только из-за отсылки к древнегреческой мифологии. Именно «Гидрой» называлась крупнейшая в России даркнет-платформа, которую, по некоторым данным, «крышевала» ФСБ, что несколько приоткрывает тесную связь силовых структур с наркобизнесом и масштаб преследований по «народной» статье 228 УК РФ.

Говорят, гражданское общество в России празднует первую свою победу. Ивана Голунова удалось вырвать из челюстей гидры, которая знаменита своей мертвой хваткой. Достать его из внутренних органов еще даже не обваренным желудочным соком. Раньше гидра челюстей не разжимала, догладывала любых — виноватых и невинных⁶⁴, догладывала просто потому, что так устроена, что вся по-

⁶⁴ Статья 228 УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов») часто называется в России «народной». Дело в том, что каждый седьмой приговор в России выносится именно по этой статье (при этом самая массовая статья, по которой сажают большинство людей каждый год — это «кража»). Но с «народной» статьей все несколько иначе. Во-первых, ее проще всего вменить невинному человеку — подбросив ему наркотики (что, собственно, и произошло с Иваном Голуновым). Во-вторых, осужденные по этой статье зачастую фактически совершают преступление без потерпевших — речь идет о личном хранении наркотиков, а не о намерении их распространять. Но жесткость российской наркополитики и стремление правоохранительных органов увеличить общую раскрываемость преступлений привели к тому, что на момент написания колонки в российских тюрьмах почти каждый третий заключенный отбывал наказание по 228-й.

строена вокруг своей святой привилегии жрать живых людей и никогда никому не могла позволить в этом своем праве усомниться.

А тут что-то случилось. Мгновенная мобилизация десятков тысяч людей и сотен селебритиз, единокордые, с которым освободить Голунова призывали Людмила Улицкая и Тина Канделаки, Лев Рубинштейн и Иван Ургант, для России оказались беспрецедентны. Дело было не только в том, что система решила раздавить отчаянного журналиста-расследователя — она уже и таких, и не таких давила — и ничего; дело оказалось еще и в том, что на место Голунова себя может поставить любой.

Потому что любому в нашей стране можно подкинуть пакет чего угодно, к любому можно ворваться в дом в его отсутствие и развернуть там декорацию нарколаборатории для кинохитов от режиссеров из МВД и ФСБ. Любого можно отправить на семь лет в тюрьму, а можно и на двадцать. Но то, что таким способом расправились с ярким журнали-

стом, означало, что расправиться так можно с каждым. Нас сплотил не только праведный гнев, нас сплотил страх. Сплотило острое ощущение абсолютного бесправия и ощущение того, что если смолчим и сейчас, завтра придут именно к нам. К нам — это к тебе и ко мне.

В России проживает два сорта людей: «маленькие люди» и «большие». «Маленький человек» — это тот, кому, случись с ним что, звонить некому. «Маленький человек» в любом столкновении с властью или просто обслуживающими ее и прислуживающими ей «большими людьми» будет неизбежно уничтожен. Маленьких людей подавляющее большинство, но «больших» они никогда не перевесят, потому что весят как воздух, а стоят как дерьмо.

Наша главная беда — не несвобода; наша главная беда — бесправие. Ничтожность человека, его незащищенность. Бесполезность и обреченность борьбы за себя, за свое человеческое достоинство, за свои права. И из-за этого — нулевое человеческое

достоинство. И из-за этого — нулевая ценность человеческой жизни.

Счастлиное разрешение драмы Ивана Голунова — это вовсе не торжество справедливости. Это, как всегда и бывает у нас, торжество политической целесообразности. Именно лавинообразная мобилизация гражданского общества и поддержка неформальных элит (прежде всего, так и не объезженных пока звезд Ютьюба) заставили гидру сначала имитировать согласие с протестом (говорящими головами Ирады Зейналовой, Маргариты Симоньян и Валентины Матвиенко), а потом нехотя срыгнуть заглоченное. Было принято решение не раскачивать лодку — может быть, потому что народные страх и ненависть по отношению к органам могут стать в нашей стране действительно мощными катализаторами политических перемен.

Но выходит так, что Голунова отпустили, потому что ему в конечном итоге было кому звонить — пусть и не знакомому прокурору, а Оксимируну,

Улицкой, Фейсу, Рубинштейну и Дудю. Познеру, Бондарчуку и Урганту.

А десяткам тысяч человек, отбывающим многолетние сроки по подложным обвинениям⁶⁵, звонить было некому, и гражданскому обществу их приговоры глаза не мозолили. До Голунова как-то не было ощущения, что это может случиться с каждым. До Голунова не было — а теперь есть.

Но это ощущение скоро пройдет, забудется — вместо него останется приятный шлейф легко одержанной победы. Слетят несколько генеральских голов, будут брошены требующей крови толпе. И снова будет казаться, что с нами-то такого точно

⁶⁵ В 2020 году Правозащитный центр «Мемориал» опубликовал доклад «Политические репрессии и политзаключенные в России в 2018–2019 годах». По данным исследователей, количество несправедливо осужденных людей в России может достигать до десятков тысяч, а политзаключенных около 300 человек, а скорее всего, и намного больше. Многие из таких людей, по заявлению «Мемориала» — это осужденные по религиозным причинам (например, последователи Церкви Свидетелей Иеговы). В ответ на это первый зампред комитета Госдумы РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Дмитрий Вяткин заявил, что «в России нет политических заключенных, потому что у нас нет политических статей».

больше не случится. После Голунова — нет. Да, четверть всех осужденных в России все еще отбывают наказание по 228-й статье, но об этом снова можно будет не думать. Или думать, что дыма без огня не бывает, если посадили, значит, было за что. Потому что думать так — спокойнее. Потому что и от страха, и от героизма быстро утомляешься.

На месте отрубленных голов вырастут новые. Потому что гидра так устроена. Оправится и будет жрать дальше. Усвоив урок и выбирая себе на этот раз людей поменьше. Нас. Нас — это тебя и меня.

Взгляд из будущего

К середине 2023 года российское правосудие, которое и так ничем на правосудие похоже не было (статуя Фемиды у здания Верховного суда РФ, как известно, повязки на глазах не носит, даром что не подмигивает), окончательно превратилось в карательный и террористический инструмент в руках ФСБ и Администрации президента.

И хотя репрессии по-прежнему носят точечный характер, а в качестве целей выбираются поочередно заметные общественные деятели и случайные «люди из народа», российские суды теперь штампуют приговоры совершенно сталинские по духу — по итогам совершенно сталинских по духу судилищ. Защиту не слушают, процессы закрывают и прячут в колонии, приговаривают к двадцатилетним уже срокам, попутно клеймя политических оппонентов и активистов как «изменников родины».

Власть, которая нагородила драконовских законов, готова подтираться ими публично во имя сиюминутной политической выгоды. О репутации, да даже об элементарной последовательности не желает думать никто, включая и президента, который в один день называет Пригожина мятежником и сулит ему страшную кару в соответствии со всей строгостью закона, на следующий день передумывает, и приведенные в действие законодательные жернова, которые

должны бы молотить неумолимо, просто останавливаются, даже и без всякой инерции. А затем Пригожин гибнет в авиакатастрофе, которая обставлена как внесудебная казнь и подана как внесудебная казнь — и никто, разумеется, ее расследовать не собирается, потому что все и так ясно каждому. Просто поверх сказанного вчера визжат что-то новое, истерическое сегодня — и это как будто отменяет и правила, и законы, и неопровержимые факты. Ничего нет, кроме этого истерического визга, кроме этого кровавого ража, и любой, кто посмеет сказать слово поперек, будет сожран упырями, наряженными в мундиры — полицейских, судей, приставов.

И то, что эти эксцессы не носят пока массовый характер, как не носят массовый характер и репрессии, не значит ничего: законом подтираются бесстыдно, прямо под подобострастно глядящие камеры всех федеральных каналов, задавая тем самым новую норму новорусской империи.

Беззаконие, примат силы, право крови.

На таком фундаменте большое современное государство простоять не сможет. А под ним, как известно, в России вечные болота.

11–06–2019

Собачники⁶⁶

Контекст

Летом 2019 года Москва бурлила не только из-за ареста журналиста Голунова. Главным скандальным событием стали выборы в Мосгордуму. Они прошли 8 сентября, а предвыборная кампания омрачилась массовыми протестами, снятием кандидатов от оппозиции и обвинениями в давлении на избирателей.

Нескольким кандидатам от оппозиции (в первую очередь — сторонникам Алексея Навального) отказали в регистрации. Члены избирательной комиссии сослались на технические детали и нарушения при сборе подписей. В их поддержку прошла череда протестных акций. Все лето десятки тысяч людей выходили на улицы, требуя честных выборов и допуска кандидатов от оппозиции. Жители

⁶⁶ Для «Новой газеты» (Россия).

многих крупных городов России поддержали протесты. Власти отреагировали жестко, что привело к арестам и столкновениям между митингующими и полицией. 27 июля 2019 года, когда часть протестующих на время перекрыла Садовое кольцо, задержали рекордные 1373 человека. Возбудили уголовное дело о массовых беспорядках и случаях насилия в отношении полиции, которое вскоре прозвали «Московским». В ответ 10 августа на проспект Сахарова вышли около 60 тысяч человек, требуя не только зарегистрировать независимых кандидатов для участия в выборах в Мосгордуму, но и прекратить репрессии. Акции солидарности с аналогичными требованиями прошли более чем в 40 городах России. Однако к концу года большинству задержанных вынесли приговоры, а некоторые получили реальные сроки лишения свободы. Независимых кандидатов так и не допустили, а сами выборы прошли по уже привычной схеме с каруселями и вбро-сами.

Такая конструкция выборов продвигалась пропагандой как своего рода «общественный договор», по которому общество не вмешивается в политику и соглашается с ограничениями политических свобод, получая взамен социальные гарантии и «крепкое государство». Из этого «естественным образом» вытекало, что публичная поддержка вознаграждается, а открытое несогласие в форме политического высказывания или действия — наказывается. Представление о легитимности сделки «безопасность в обмен на лояльность» было довольно популярным. Это позволяло оправдать репрессии и заклеить противников режима не только врагами своего отечества, но и людьми недалекими, не понимающими, «как все работает».

Какие вам выборы вообще? С каких это пор хозяев выбирают? На выборах нам все равно подсовывают заранее отобранных дрессированных и кастрированных кандидатов, у каждого под лоснящейся шерсткой еще и строгий ошейник шипами

внутри. Любого можно одернуть — и оппозиционного кандидата, и позиционного. Любому можно скомандовать «К ноге!», любому можно скомандовать «Место!», любому — «Фас!».

Ритуал депутатских выборов не бессмыслен. Он должен унижить и избирателя, и избираемого, всем показать, кто тут хозяин. Все тут на цепи. Одни без разрешения не могут никуда избраться, другие никого избрать. Никому не гавкать. Раз в пять лет нужно напоминать подопечным, чему их на собачьей площадке учили.

Но хозяева все же чувствуют, что их власти нужно оправдание, обоснование, легитимация. Сначала она была такая, что нас спустили с поводка и дали побегать, и за это уже мы должны были не тявкать. Потом посадили обратно на привязь, но хоть объедки со своего стола нам в миску счищали. Потом позволяли спускать пар, натравливая на чучела и на инструкторов в ватниках. Теперь ничего нет, бегать можно только вдоль стальной проволоки по забору, в животе урчит, двор забросан клочьями ваты

и изгажен, а в глазах у дрессируемых, кажется, зажглось понимание того, что чучела ни в чем не виноваты.

Когда-то нам казалось, что они — выразители наших чаяний. Да, мы их не выбирали, зато они брали нас с собой на прогулку в лес, кидали нам палочку, позволяли потереться о сапог и трепали по холке. Но давно уже к нам во двор никто не выходит, а к калитке мимо они проскакивают быстро, по тропкам, подступиться к которым нам не дает короткая цепь. Боятся, что цапнем.

Из-за закрытых дверей пахнет жратвой, пир продолжается, но мы, ободренные, со свалявшейся шерстью, шибаящие псиной, теперь вызываем у хозяев одну только опасливую брезгливость — им не приходит в голову кинуть нам кость. Глядя, как мы беснуемся, они спрашивают себя, зачем вообще взяли нас из питомника. Им кажется, что это они нас когда-то взяли. Не взбесились ли мы? Хорошо ли нас от бешенства прививали? Эх, не надо было и

братъ, надо еще щенками было в ведро с водой и крышку сверху.

Пир продолжается. Трехсоткилограммовые толстяки, застрявшие за столом, руками сгребают к себе лежалые и заветрившиеся кушанья, заталкивают их себе в рот, устало глотают, измученно срыгивают, но не могут, не могут остановиться, хотя кишки уже забились и рвутся, жирные бока прорываются, непереваренное вываливается наружу, а они все гребут и гребут, гребут и гребут и глотают непережеванное.

Они и хотели бы выйти из дома, подышать — но снаружи лают и скалятся. Хотели бы, может, к соседям в гости, но с соседями они рассорились, пока травили тех собаками и дерьмом через забор закидывали.

Есть еще способы с нами совладать. Поменять условия социального контракта. Если строгий ошейник не вразумит, можно плеткой, а можно и под брюхо сапогом. Летом пробовали — и еле успели руку отдернуть. Оскользнулись на кучках, чуть не

рухнули в грязь всей тушей. Теперь вот подошли к окошку, глядят, как мы, подвывая, ловим, кружась и гремя цепью, свой собственный хвост, и пытаются жирными губами нам посвистеть. Ласково и игриво. У нас вообще-то память никуда, и раньше мы свисту очень радовались. Но сейчас как-то совсем уж фальшиво выходит, и еще строгащ шерсть до кожи протер.

Нам сейчас и прогулку пообещают, и кость. А нам уже не прогулку хочется, нам поздно уже с этим, мы все под себя справили. Нам надо с цепи сорваться. Мы, может, пока еще и думаем, что от злых хозяев побегаем и к добрым переметнемся. Но еще, кажется, немного, и почувствуем, что можно и без хозяев вообще. Живут же, вон, волки.

Взгляд из будущего

Те годы, когда Путин и его «близкие» готовили войну с Украиной и целым миром, перевооружая армию, проектируя мобильные крематории, со-

здавая суверенные кредитки и засаживая экспроприированный Крым своими частными виноградниками, чтобы попивать в отрезанной от мира России своих грез собственное винцо, людишки — это то есть мы — оказались на некоторое время действительно предоставлены сами себе. Мы спрашивали, куда нас ведут, — от нас отмахивались. Мы протестовали против того, что бояре воруют, — они лишь ухмылялись. Угнетало нас, привыкших все же к поводку, тревожное свободное ощущение в холке — ощущение не свободы, а пустоты.

Ничего.

Они, оказывается, тем временем вбивали последние гвозди в острог своей новорусской империи, последние гвозди в гроб, куда эта наша нежданная и незаслуженная свобода была уложена. И воровали они на строительстве этого острога, а не просто так. На строительстве империи руки нагреть у них даже патриотичным считается. Как и на похоронной церемонии, когда

свободу закапывают. Вот нас куда вели — куда надо. Нет, хозяева о нас не забыли. Это временное было их отстранение от нас — перед тем, как спустить голодную псиную свору на беглых крепостных.

10–03–2020

Давайте не будем об этом⁶⁷

Контекст

В 2020 году голосованием приняли новый текст Конституции России — среди прочего там по инициативе РПЦ появилось упоминание бога. Патриарх Кирилл заметил: «Если в гимне может быть “Богом хранимая родная земля”, почему об этом не может быть сказано в нашей Конституции?». Когда пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова спросили о том, остается ли Россия и теперь светским государством, тот сказал, что не может ответить на этот вопрос. На вопрос, о чьих именно предках говорит новый текст основного закона, Песков ответил: «Наших с вами. Предков тех, кто живет в Российской Федерации». Таким же был и ответ на вопрос о том, какие идеалы имелись в виду: «Наши общие. Это следует из текста». Самое важное изменение

⁶⁷ Для «Новой газеты» (Россия).

предложила Валентина Терешкова (первая женщина-космонавт, многолетняя депутатка Государственной Думы) уже позже, когда поправки обсуждались в Госдуме. Она предложила либо снять ограничение для президента на два срока, либо обнулить сроки нынешнего президента после принятия поправок в Конституцию. Вскоре после того, как эти предложения прозвучали, на заседание прибыл сам Путин и поддержал предложение, хотя и уточнил, что сперва его должен одобрить Конституционный суд. Подготовленные поправки отличались по функционалу, но так или иначе значительно расширяли полномочия президента. Состав рабочих групп был смешанным — чиновников, политиков и юристов разбавили культурными и общественными деятелями (вроде Михаила Пиотровского, Захара Прилепина или Карена Шахназарова). Много говорилось о необходимости внести положение о том, что главным народом является русский (в итоге идея была принята, но в другой формулировке — «русский язык является языком государствообразующего

народа»). Однако ключевой стала поправка об обнулении сроков президентских выборов, и примечательно, что именно ее и не рекламировали во время призывов к голосованию за поправки. Все предшествующие президентские сроки Владимира Путина перестали быть ограничением для нового избрания.

«Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в бога, а также преемственность в развитии российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Вбивая эти слова в Конституцию Российской Федерации, группа лиц, которая в данный момент исполняет функции власти в нашей стране, пытается все эти положения сделать сакральными: кто посмеет посягнуть на Основной закон, с тем будет разбираться Служба по защите конституционного строя ФСБ.

Святость сама по себе уже надежная защита от критического мышления, на это еще Фрейд указывал, критикуя религию. Ну а если кто-то святыни не уважает, смеет в них сомневаться, то пусть тогда посмеет усомниться и в государевой опричнине. На это расчет. Давайте не будем больше об этом, и все тут.

Но пока новую преамбулу еще не окропили святой водой, пока дискуссии по ее поводу не считаются покушением на конституционный строй РФ, можно ее разобрать на шестеренки — посмотреть, из чего состоит механизм, который в будущем нам придется считать священным и чудесным.

Тысячелетняя история, которая объединяет Российскую Федерацию — это история взятия Казани, завоевания Сибири, покорения Кавказа — войн, чтобы расширить территорию, и войн, чтобы ее удержать. Это история ресурсного использования завоеванных территорий (пушнина, нефть, алмазы) в обмен на сооружение транспортной и администра-

тивной инфраструктуры. История насаждения русского языка и культуры и постепенное вытеснение (несмотря на мультикультурную риторику) местных обычаев и наречий. Это история добровольно-принудительной интеграции национальных элит через воспитание их наследников в кадетских корпусах в Петербурге. И, разумеется, история подавления любых национально-ориентированных восстаний, от басмачей до лесных братьев, самым жестоким способом.

Память каких именно предков теперь будет хранить Служба по защите конституционного строя? Русских или татар, чеченцев или якутов? Аварцев? Этнических украинцев? Какие идеалы они передали нам? И веру в какого именно бога?

Наверное, веру в мейнстримного бога нашего истеблишмента, в раскормленного Русской православной церковью и напичканного ею седативными препаратами Иисуса — потому что он не склонен задавать лишних вопросов. Нашу Церковь не раз при-

водили к присяге — начиная с Раскола, через учреждение Синода, через большевистский разгром и окончательный редизайн при помощи НКВД и тов. Сталина, который позволил ей успешно функционировать и по сей день, при прошедшем редизайн НКВД⁶⁸. И прочие боги, оглядываясь на своих кура-

⁶⁸ 4 сентября 1943 года Сталин принял в Кремле митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Встреча произошла в рамках подготовки к открытию части церквей, монастырей и семинарий. Кроме того, началась подготовка к выборам нового патриарха Русской православной церкви. Действия Сталина, с одной стороны, были вызваны давлением союзников по антигитлеровской коалиции, а с другой, фактическим процессом открытия церквей, который происходил на оккупированных немцами территориях СССР. При этом Сталин совершенно не планировал пускать дела на самотек и давать Церкви какую-то реальную автономию. РПЦ должна была подчиняться Совету по делам Русской православной церкви при Совнарком, в который был преобразован 5-й отдел 2-го управления НКГБ. Возглавил его бывший начальник этого отдела полковник госбезопасности Георгий Карпов. Карпов строил карьеру в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с начала 1920-х годов, лично участвовал в допросах и пытках. Выборы патриарха, как и назначения иерархов внутри РПЦ контролировались партийными органами и спецслужбами. Совет по делам Церкви и в дальнейшем осуществлял контроль над Церковью. Руководителями Совета до середины 1980-х были представители КГБ.

торов с Лубянки, тоже сегодня не спорят с формулировками из преамбулы, хотя память о тысячелетней истории у них не должна была выветриться так уж скоро.

О какой преемственности мы говорим — при расстрелянной царской семье и искорененном дворянстве, при гражданской войне и сгинувших в лагерях миллионах, при десятках тысяч репрессированных священников и жестоко подавленных восстаниях на национальных окраинах? Кажется, что писавший преамбулу выжил из ума, но это не так.

Тысячелетняя история России — это история не федерации, а колониальной империи, которая меняла вывески, знамена, богов, но никогда не отказывалась от своей сути и никогда не признавалась в ней даже себе, не говоря уж о том, чтобы завести этот разговор с каким-нибудь из колонизированных народов. Территориальные завоевания и нежелание с ними расставаться, характер отношений между метрополией и колониями, назови их хоть

республиками, хоть регионами, хоть национальными образованиями, — и есть та самая единственная преемственность, о которой тут идет речь.

Но признаться себе в том, что твоя страна, активно боровшаяся с колониализмом Запада, и сама является колониальной державой — невозможно, это просто непроизносимо. В отличие от Запада, который сумел перейти в новый, постколониальный этап своего исторического развития, Россия никак не может совладать ни со своим прошлым, ни со своим настоящим — и ставит из-за этого под угрозу свое будущее. Истошные вопли, потрясения кулаками, произвольная брань — все симптомы, которые наблюдаются у власти при любых попытках честного разговора о прошлом, — явные симптомы подавленных воспоминаний, вытесняемых в подсознательное по той простой причине, что оставаться колониальной державой в постколониальном мире социально неприемлемо.

Вместо того, чтобы прилечь на кушетку психоаналитика, признаться себе в своих темных влечениях, разобрать детские травмы и осознать совершенные в состоянии помутненного сознания преступления, Россия занимается истерическим отрицанием, пробавляется рационализацией сделанного, пытается найти себе оправдание, но так как мало что из этого работает, прибегает к главному средству: освящает свои невроты, вписывая их в преамбулу к путинской Конституции. Раз они теперь святые, то их трогать нельзя, несмотря на их абсурдность, несмотря на то, что в них весь анамнез лаконично изложен, и не нужно быть Фрейдом, чтобы все сразу понять.

Вот только беда: освящение невротов не решает проблему. Невроты останутся, защитные механизмы не спасут, магические обряды и заговоры, ритуалы и всяческие церемонии, осуществляемые лояльными божками и построенными в фаланги криминальными бюрократами, не спасут тоже — все спасуют перед лицом исторического процесса. Хуже

того, психоаналитик скажет вам, что запущенные невроты могут приводить к обсессивно-компульсивным расстройствам; пациент может нанести вред себе или окружающим. Симптомы уже в новостях видим, по телевизору. Перспективы тоже не веселые, почитайте. Или, может, у вас какая-нибудь старушка-соседка по коммуналке так вот отъехала или дед — отставник спецслужб. Они потому и хотят вбить эти слова в путинскую прощальную Конституцию, что чувствуют: именно при Путине, и именно от него и их нежелания осознать себя, тысячелетняя Империя вступает в эпоху судорог и заката.

Взгляд из будущего

За два года до начала войны с Украиной постколониальный дискурс в отношении России и ее истории не был популярен, но мне казалось удивительным, что никому не бросается в глаза: да Россия ведь — настоящая колониальная держава, которая просто не заморские земли поко-

ряла, а сухопутное приграничье, и ассимилировала присоединенные территории куда успешней — за исключением, может быть, Кавказа. Зато теперь это очевидно всем, и любому думающему человеку ясна истинная историческая природа войны с Украиной: это агонизирующая империя напрягает последние силы, чтобы самый главный свой кусок, без которого она себя империей не ощущает, — вернуть.

И вот еще о чем я думаю теперь: ведь и в советские годы вся антиколониальная риторика была такой же зеркальной обманкой, а поддержка СССР национально-освободительных движений третьего мира под предлогом борьбы с западным колониализмом была просто попыткой перехватить у дряхлеющих европейских метрополий их прежние владения. Под вывеской, как это у нас водится, братства, справедливости, народной демократии и свободы.

И в этом же противостоянии кроется истинная причина неприязни к Великобритании и США:

это просто ревность одной империи к другим.
Это мы должны были мировой империей быть,
мы, а не вы! Почему вы, а не мы?! Нечестно! Вот
и вся подноготная.

16–07–2020

День, когда остановятся куранты⁶⁹

Контекст

1 июля 2020 года было последним днем голосования по поправкам в Конституцию. На словах эти поправки предлагались, чтобы «сбалансировать» взаимоотношения разных ветвей власти. На практике баланс в значительной степени сместился в пользу президента, урезав возможности правительства и Государственной Думы, а также дополнив некоторыми размытыми полномочиями Государственный совет. Многие предполагали, что Государственный совет в этой системе появился не случайно, а как еще один возможный путь, чтобы обойти конституционные ограничения, налагаемые на президента. Но поправка об обнулении сроков фактически означала, что Путин теперь может выдвинуть свою кандидатуру на последующих президентских выборах,

⁶⁹ Для «Новой газеты» (Россия).

обойдя конституционное ограничение — только два президентских срока подряд. Таким образом Путин получил возможность оставаться президентом вплоть до 2036 года. Похожим путем продлевали себе сроки правления руководители стран Центральной Азии, а также президент Беларуси Александр Лукашенко.

1 июля 2020 года войдет в историю Государства Российского — как дата начала его конца.

В этот день мы с вами окончательно откажемся от игры в современную демократию и распишемся в том, что страна пойдет по пути сатрапии среднеазиатского образца. Россия откажется от будущего, потому что в интересах одного (первого) лица время должно быть остановлено. Россия откажется от развития, потому что развитие чревато непредсказуемостью. Чтобы обеспечить покой первого лица и безвременье России, свободное общество в ней будет заморожено и упорядочено кристаллической решеткой полицейского государства.

Выборы в России окончательно перестанут на что-либо влиять и превратятся в выхолощенный ритуал проявления покорности верховной власти, которым они были при советской власти. Пожизненный президент сможет игнорировать Думу, решая все конфликтные вопросы через ее голову, а значит, не будет никакого смысла больше ни в парламентской оппозиции, ни в парламенте вообще.

Огораживая себя от любых критических голосов, нейтрализуя всех агентов изменений, набивая чучел из оппозиционеров, которые и так доживали свои дни в качестве цирковых животных, президент, наверное, думает, что цементирует на поколения вперед Россию своей политической молодости. На самом деле он перекаливает арматуру в ее каркасе, и непросчитанная конструкция в духе цыганского барокко, которую мы называем «путинской Россией» становится теперь чересчур хрупкой. Отныне частичный апдейт системы сделается невозможен, и изменений (увы) тут можно будет добиться только мятежом. А изменения будут необходимы, потому

что приказать времени остановиться Путин может только в тех пределах, в которых будет соблюдаться его Конституция. Весь остальной мир продолжит движение вперед, и между застывшей на месте Россией и продолжающей вращаться планетой будет нарастать тектонический разлом, в который, как ни пытайся власть его заасфальтировать поправками-заплатами, рано или поздно утянет и ее саму, и нашу государственность, и нас с вами.

Новая Конституция вредна для России, но это не имеет значения. Она принимается в интересах одного-единственного человека и с одной-единственной настоящей целью: позволить этому человеку никогда больше не расставаться с властью. Кокетство, с которым он раньше отвечал на вопрос о своем намерении продолжать «избираться» на президентский пост, забыто. Прежняя Конституция, которая и раньше никого особо не стесняла, похерена. Стыдливость, с которой режим хихикал, когда ему указывали на его старые людоедские привычки, отброшена. Наступил момент истины. Когда (почему

вот только именно сейчас?) пришлось выбирать между сохранением человеческого облика и вечной властью, выбор был сделан не в пользу человеческого облика.

Почему так трудно дается людям прощание с властью? Что она такое проделывает с человеком? Как так, через какие струны и шестерни, расстраивает человеческую душу, чем разлагает ее? Неужели упоение способностью уничтожать и возносить других людей вызывает такое привыкание? Или бесконечная лесть и лизоблюдство со стороны подчиненных и подданных? Страх смерти и желание победить ее, вписав себя в учебники истории (издание которых ты для верности поручаешь своим давним друзьям)? Страх того, что твое наследие (и наследство) будут разбазарены? Вообще страх, что враги подымут головы и захотят поквитаться?

Попадая во власть, любой сталкивается с этим искушением, вне зависимости от страны, от исторического периода, от языка, от веры и от культуры. Нужно быть титаном, чтобы отказаться от власти

добровольно — и поэтому в передовых обществах все устроено так, чтобы власть была со всех сторон ограничена, чтобы пребывание в ней было мучительным и чтобы соблазн усилиться и остаться наталкивался на непреодолимое сопротивление. Но титаны редко садятся на трон, может быть, потому что мирская власть кажется им слишком вульгарной.

Вначале Владимир Владимирович говорил нам, что просто «работает»⁷⁰. Теперь он верит, что править Россией — его судьба. Куда его заведет дальше дорога профессиональной деформации и куда он заведет по ней нас с вами, остается только гадать.

⁷⁰ В феврале 2008 года Путин проводил большую пресс-конференцию, отвечая на вопросы российских и иностранных журналистов. Рассказывая о том, какими для него были восемь лет президентства, Путин заявил: «Все восемь лет я пахал как раб на галерах...» Фраза стала мемом из-за опечатки — одно из СМИ перепостило цитату с ошибкой, написав, что президент работал «как краб на галерах». В целом же Путин в первые два срока (да и позже) не раз заявлял, что не намерен менять Конституцию и считает это неправильным, отмечая, что «если семь лет быть президентом, с ума можно сойти» (об этом он говорил на пресс-конференции в 2004 году).

Хозяин нашего замка бросает последний взгляд на свое отражение, прежде чем зашторить последнее зеркало навсегда и отныне вспоминать себя уже только по парадным портретам времен своей молодости, убеждая себя и своих крепостных в том, что он и поныне выглядит именно так.

Куранты останавливаются, чтобы своим скрежетом не напоминать президенту о том, что даже «пожизненный» не значит — «вечный». На часах — 1 июля 2020 года.

Взгляд из будущего

И вот на часах июль 2023-го; история России не остановилась, я ошибся: она понеслась на всех парах — но куда? В направлении, которое точно нельзя назвать будущим.

Думаю, как это и бывает в умирающих империях, загнивающего франкенштейна стегают током, пытаюсь остановить некроз и заставить кадавр опять бродить, хапать и жрать. Заставить его жрать, потому что пожирание и распухание

от сожранного в нынешней России считают проявлением пассионарности.

Стрелки кремлевских курантов вручную крутят в обратную сторону, не жалея ни пружин, ни шестерней. Кажется, они поддались силе — но я теперь жду треска и грохота, с которым механизм полетит к чертям.

И если пружина курантов может лопнуть от того, что ее пережали, то пружины русской истории, как ни дави на них царь, от этого только сильнее сожмутся — и лишь сокрушительнее распрямятся.

24-01-2021

Не/человеческое⁷¹

Контекст

Алексея Навального отравили 20 августа 2020 года. Ему стало плохо во время перелета из Сибири в Москву, самолет экстренно посадили в Омске, и Алексея доставили в местную больницу, откуда спустя несколько дней его разрешили вывезти на лечение в госпиталь Шарите в Берлине.

Отравление Навального обсуждали во всем мире, а несколько лабораторий независимо друг от друга подтвердили, что Навального отравили высокотоксичным нервно-паралитическим веществом группы «Новичок», разработанным в Советском Союзе. Этот яд получил всемирную известность после отравления в 2018 году в английском городе Солсбери бывшего советского и российского разведчика, перебежчика Сергея Скрипаля.

⁷¹ Для «Новой газеты» (Россия).

Сторонники Навального, а после выхода из комы и он сам, с самого начала были твердо убеждены, что отравление организовали российские власти. Те, конечно, все отрицали, а сам Путин заявил, что «если бы его хотели отравить, то отравили бы».

В ответ на это Навальный опубликовал расследование обстоятельств собственного отравления: в ролике он позвонил одному из сотрудников ФСБ, который, по словам Навального, входил в государственную группу отравителей. Думая, что говорит с начальством, тот рассказал, как наносилось вещество, каким образом велись слежка и контроль за организацией отравления, а также назвал других сотрудников спецслужб, которые могли быть причастны к покушению на оппозиционера.

Несмотря на то, что в России Навальному грозила опасность — готовились к переквалификации уголовные дела, по которым он ранее получал условные сроки, — в январе 2021 года он прилетел обратно. Во время полета якобы по техническим причинам изменили аэропорт назначения. Сразу же

по прилете, еще на паспортном контроле, Навального задержали. Арест и суд над Навальным вызвал протесты в Москве и ряде других крупных городов — они были с особой жестокостью подавлены. На участников протестов возбудили уголовные и административные дела, обвинив их в нарушении санитарно-эпидемических норм.

Бывший условный приговор по делу Yves Rocher в отношении Навального переквалифицировали в реальный — с учетом ранее отбытого Навальный должен был провести в колонии около трех лет. Затем начался еще один процесс, по делам о мошенничестве и неуважении к суду.

Результатом этого процесса стал новый приговор — 9 лет лишения свободы в колонии строгого режима. Но вскоре против Навального возбудили еще одно уголовное дело — по факту «организации экстремистского сообщества». В начале августа 2023 года Алексея Навального приговорили к 19 годам лишения свободы в колонии особого режима.

В борьбе с Алексеем Навальным путинское государство изо всех сил старается предстать чем-то неумолимым и несокрушимым, глухим и безжалостным, бездушным и нечеловеческим.

Приговоры и судебные решения относительно судьбы Навального зачитывают скорочтением с листа взаимозаменяемые исполнители, которые не позволяют себе никаких эмоций и даже предложения интонируют неверно, как телефонный голосовой помощник.

Чиновники — от путинского смотрящего по прессе до путинского надсмотрщика за депутатами — теперь говорят о Навальном штампами советской пропаганды, громоздя пыльные клише холодной войны одно поверх другого. Какая-то шпиономания, какие-то агенты ЦРУ, происки какого-то Запада: нелепый архаичный официоз, язык черно-белой программы «Время» с Игорем Кирилловым. Законы, которые они сейчас принимают, нацелены на то,

чтобы живое придавить, придушить: запретить людям спорить, возражать, болтать лишнее. Производятся эти законы с нечеловеческой скоростью, как будто их генерирует искусственный интеллект, исходя из данной задачи — удержать власть любой ценой.

Сам Путин, с лицом восковой фигуры — обездвиженным, заполненным каким-то неизвестным филлером⁷² — с лицом, в котором от Путина двадцатилетней давности разве что только брови остались, сохранили еще какую-то мобильность, тоже всячески старается подчеркнуть то, что он — не человек.

⁷² Ходят упорные слухи и предположения о том, что президент России Владимир Путин использует косметические процедуры, в том числе инъекции ботокса, для сохранения молоджавого внешнего вида. Эти слухи часто распространяются из-за кажущейся нестареющей внешности Путина, несмотря на то что он становится старше. По этому поводу часть оппозиции стала использовать этот слух в своих слоганах и оскорблениях, называя Путина «ботоксным».

Женщин своих не признает, детей своих не признает⁷³, собственность не декларирует, даже стареет как-то не по-людски, не позволяет себе в кадре уже ни гнева, ни страха, ни сомнений, только все усмехается, насмехается; когда-то он умел изобразить искренность, но давно уже разучился.

Те, кто машинными приговорами и машинными законами недоволен, встречаются на улицах с представителями путинского государства: ОМОНОм и Росгвардией. Новая омовская форма и экипировка совершенны — громадные шарообразные шлемы с зеркальными забралами, через которые нельзя увидеть лица, за которыми нельзя разглядеть людей; они должны избавить тех, кто внутри

⁷³ Владимир Путин не рассказывает о своей семье — в интервью журналисту ТАСС Андрею Ванденко он объяснял это причинами, связанными с безопасностью семьи. Слухи о романе с гимнасткой Алиной Кабаевой начались еще в 2000-е годы, но подтверждения их отношений находятся до сих пор лишь косвенные — в расследованиях журналистов и в роликах Алексея Навального. О своих дочерях президент также не распространяется, предпочитая даже не называть их имен. О своих внуках Путин также упомянул уже в тот момент, когда слухи о них стали курсировать в обществе — но имен называть не стал.

скорлупы, от страха быть узнанным, от ответственности за чинимое насилие. В этих своих шлемах они должны казаться не людьми, а негибаемыми, непобедимыми роботами, лишенными человеческих чувств — страха, совести, — и потому неуязвимыми для человеческой толпы. Угрожающие обрешеченные грузовики, в которых они передвигаются — на голову выше гражданских машинок, точно так же как омоновцы на свою гигантскую голову выше штатских. Жестокость, с которой безликие молотят палками толпу на свидетельских видео, говорит о том, что из них долго и старательно выхолащивали сострадание к людям в этой толпе.

Навальный со своей женой на фоне всей этой отлаженной машинерии смотрится удивительно уязвимо, хрупко, смотрится обычным, живым человеком. Пятьдесят тысяч безликих омоновцев, императорская гвардия, сплетены вместе как черные блестящие чешуйки непробиваемой драконьей шкуры.

В поединке живого человека и холоднокровного дракона болеть за дракона получается не у всех зрителей. Но дракон требует болеть за него. Ему недостаточно уже молчаливого согласия, ему нужно теперь единогласное одобрение. Он требует безоговорочной верности, требует любви. Он все время повышает ставки для своих подданных. Если ты ему верен, то должен одобрить войну с братским народом. Если ты ему верен, то должен поверить, что прошлое не закончилось, а будущее не наступило и что живем мы между Великой Отечественной и холодной войнами, по законам военного времени. Если ты ему верен, должен считать врагами народа всех недовольных, а друзьями народа — вороватых миллиардеров и безликих черных роботов с дубинками. Если ты ему верен, должен признать его право тайно, ядами, убивать тех, кто ему негоден.

Путинское государство расчеловечивает себя, но оно хочет заодно расчеловечить и всех путинских

подданных. К круговой поруке, скрепляющей высшее политическое руководство страны, планируется приобщить рядовых граждан. От них требуется улюлюкать, когда дракон будет рвать в клочки — публично на арене или тайно в казематах — человека, бросившего ему вызов. Они должны стать не просто зрителями, но соучастниками — потому что если подданные согласятся взять на себя часть вины, часть крови жертвы, то потом, чтобы уберечь свой рассудок, им останется только обожать дракона и ненавидеть всех его будущих врагов. Прием, хорошо себя зарекомендовавший в мировой практике.

Человека зовут Алексей Навальный, но на самом деле не так уж важно, как его зовут. Мы сейчас болеем и волнуемся не столько за человека, который сидит в «Матросской тишине», сколько за человека внутри каждого из нас. За него нам и надо бороться.

Взгляд из будущего

Должен признаться: я сколько мог воздерживался от открытой поддержки Алексея Навального — и из-за неоднозначности его «творческой биографии», и по малодушию: потому что ясно было, что именно его российская власть считает самым своим однозначным и опасным врагом; именно за его поддержку она перестанет цацкаться и закрывать глаза на фронду и критику со стороны таких людей, как я — не политиков, не активистов, а просто имеющих гражданскую позицию и готовых ее высказывать.

Когда Навального отравили, история эта растянулась на несколько дней, и в начале ее все «было не так однозначно»: отравили, сам отравился, власть и пропаганда подбрасывали растерянной публике версии, как делали это неоднократно, например в случае со сбитым «Боингом». Внутри разливалась чернота: было жутко. Но жутковато становилось и высказываться. Что-то написал я в соцсетях, ну и все.

Но когда Навальный вернулся, восстав из пепла, в Россию, когда был арестован, когда словно напрямую из СИЗО опубликовал свое расследование про кощеев дворец в Геленджике, молчать стало невозможно: именно потому что своим личным мужеством, своим героизмом он сделал молчание по малодушию для меня куда более сложным делом. Не смог смолчать, простите за неуместную цитату классика.

Я записал тогда видео в поддержку Навального, его команда смонтировала его с другими видео с призывами выйти на улицы, чтобы требовать немедленного освобождения политика. Было предчувствие: ну вот, до тех пор-то я трепался безнаказанно, а за это будут санкции. И санкции последовали.

Я стал фигурантом этого самого «санитарного дела» — поскольку все еще шла пандемия ковида, тех, кто призывал освободить Навального, обвинили в подстрекательстве к нарушениям

санитарных норм. Все могло обернуться уголовкой, если бы власть решила разыскать заразившихся и умерших на этих митингах граждан — но в итоге обошлось для меня административным делом. Однако ярлык неблагонадежного был на меня повешен окончательно. Были немедленно закрыты все проекты экранизаций моих книг, и на этом неприятности не закончились.

Думаю, что и скорость, с которой власть отреагировала на мою антивоенную публицистику после начала войны, связана была с тем списком, в который я попал в связи с поддержкой Навального. Но никак иначе именно в тот момент поступить мне казалось невозможным: слишком уж черно-белым, без всяких оттенков серого, был выбор. Так что я ни о чем не жалею.

23-02-2022

Теперь мы знаем

Контекст

В январе 2021 года президент Украины Владимир Зеленский попросил президента США о разрешении вступить в НАТО. Весной того же года Россия якобы для учений начала стягивать войска к границам Украины. Напряжение несколько спало после переговоров между США и Россией и последующей встречи Путина и Байдена в Швейцарии летом 2021 года.

Однако уже 30 октября 2021 года американская газета The Washington Post сообщила, что Россия стягивает войска к границе с Украиной. Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова назвала эти сообщения «информационным залпом» и «фейк-кампанией».

К ноябрю 2021 года спутниковые снимки показали, что около границ Украины дислоцировано более 100 000 российских военнослужащих.

Позднее, по мере появления все новых статей в западной прессе и заявлений западных политиков о скором начале войны, публично отрицать ее стал и Дмитрий Песков. «Подобные заголовки — не что иное, как пустое безосновательное нагнетание напряженности. Россия ни для кого не представляет угрозы», — говорил он.

17 декабря Россия предъявила НАТО ультиматум, который включал в себя требование о выводе войск и вооружений из Восточной Европы, возвращении к границам альянса на 1997 год. Москва требовала подписания соглашений, «гарантий безопасности», которые предотвратили бы вступление в альянс бывших советских республик, включая Грузию и Украину.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров 21 января 2022 года проводил в Женеве совместную пресс-конференцию с госсекретарем США

Энтони Блинкеном. Общаясь с журналистом из США, он сказал: «Вы утверждаете, что мы собираемся напасть на Украину, хотя мы уже многократно объясняли, что это не так. Утверждая, что это произойдет, вы тут же спрашиваете: “А почему сейчас?” А когда не нападать-то нам?» За две недели до войны он вновь открестился от любых обвинений в намерении России скоро начать войну, назвав западные сообщения информационным терроризмом.

24 января 2022 года НАТО перевело силы в состояние готовности и укрепило Восточную Европу дополнительными кораблями и истребителями. Два дня спустя Блинкен заявил, что НАТО «будет отстаивать принцип открытых дверей» и что России направлены предложения о взаимных мерах по обеспечению прозрачности касательно размещения сил на территории Украины. Россия отвергла ответ, заявив, что ее требования не были учтены.

В феврале 2022 года Соединенные Штаты объявили, что направят дополнительно 3000 военнослужащих в страны — члены НАТО, Польшу и Румынию, но не будут отправлять войска в Украину. Западные страны предупредили о жестких экономических санкциях, если президент России Владимир Путин начнет военное вторжение.

В середине февраля большую тревожность вызвали проводившиеся Россией и Беларусью учения «Союзная решимость — 2022». На это Путин заявил, что воинские подразделения учения завершили и отправляются в свои пункты постоянной дислокации. Это подтвердили и министр обороны Шойгу, и министр иностранных дел Лавров.

Зимой 2021–2022 годов Москву много раз посещали лидеры западных стран — президент Франции Макрон, канцлер ФРГ Шольц, министр иностранных дел Великобритании Лиз Трасс; проводились телефонные переговоры с президентом США Джо Байденом. По всей видимости, иностранные лидеры

безуспешно пытались убедить Путина не начинать войну.

Во второй половине февраля российские СМИ широко освещали предполагаемые «атаки» Украины на так называемые Донецкую Народную Республику (ДНР) и Луганскую Народную Республику (ЛНР). Одно видео демонстрировало обстрел, якобы совершенный 18 февраля, но в метаданных файла было видно, что видео создано 8 февраля, а звук в клипе частично взят из видео на Ютьюбе, датированного 2010 годом. Кроме того, 18 февраля руководство ДНР и ЛНР обвинило Украину в подготовке масштабного наступления на их территорию, из-за чего им якобы пришлось экстренно эвакуировать население в Россию. При этом «срочные» заявления глав ДНР и ЛНР об эвакуации, опубликованные 18 февраля, на самом деле были записаны 16 февраля.

Власти ДНР также обвинили Украину во взрыве в Донецке автомобиля, принадлежавшего главе Народной милиции ДНР Денису Синенкову. Однако при изучении фотографий взорванного автомобиля

выяснилось, что это УАЗ старой модели с номерным знаком, снятым с новой машины Синенкова.

Начиная с 19 февраля российские власти стали говорить, что на территорию России летят украинские снаряды, происходят боевые столкновения с украинскими разведывательно-диверсионными группами. Украинская сторона эти обвинения отрицала.

21 февраля 2022 года Владимир Путин провел встречу с высшим руководством страны — Советом безопасности. На ней Путин подробно и с беспрецедентной публичностью обсудил с чиновниками, министрами и руководителями разведки потенциальное признание сепаратистских районов Донбасса на востоке Украины независимыми государствами.

Каждый чиновник по очереди подходил к трибуне и начинал описывать мрачное положение дел в Донбассе. Дмитрий Козак, спецпредставитель Путина по Украине, заявил, что и Киев, и Запад не заинтересованы в реализации Минского мирного со-

глашения 2015 года, направленного на урегулирование конфликта на востоке Украины. Глава ФСБ Александр Бортников выразил обеспокоенность ухудшением ситуации в сепаратистских регионах и значительным числом людей, бежавших в Россию. Министр обороны Сергей Шойгу обвинил Украину в усилении обстрелов ДНР и ЛНР.

Решение президента имело особое значение. Дипломатическое признание дало бы возможность официально разместить российские войска в Донбассе, под предлогом защиты местных жителей. И при этом фактически уничтожило бы Минские мирные соглашения, которые все вовлеченные стороны, включая Россию, называли единственным жизнеспособным решением кризиса.

Всю встречу Путин старался подчеркивать, что не принуждает собравшихся ни к какому решению, и изо всех сил изображал, что тщательно рассматривает все аргументы.

Глава внешней разведки Сергей Нарышкин оговорился, что поддерживает присоединение республик Донбасса к России, и президент сделал ему выговор, подчеркнув, что речь шла о признании их независимости, а вовсе не о присоединении:

«—Западным партнерам можно дать последний шанс, с тем чтобы предложить им заставить Киев пойти на мир и выполнить Минские соглашения, а в противном случае мы должны принять решение, о котором сегодня говорится.

— Что значит “в противном случае”? Вы предлагаете начать переговорный процесс или признавать суверенитет их?

— А я...

— Говорите прямо.

— Я поддерживаю предложение о признании...

— Поддерживаю или поддерживаю? Говорите прямо!

— Я поддерживаю предложение о вхождении Донецкой и Луганской Народных Республик в состав РФ...

— Мы об этом не говорим, мы этого не обсуждаем, мы говорим о признании их независимости или нет.

— Я поддерживаю предложение о признании независимости»⁷⁴.

Собрание выглядело полностью срежиссированным, а из телевизионной версии вырезали выступление генпрокурора, хотя официально утверждалось, что все происходит в прямом эфире. Наконец, когда все доклады были представлены, внимание переключилось на Путина. Однако он сохранил интригу, заявив, что объявит о решении позже. Трансляция закончилась. В тот же день он выступил с телеобращением, в котором заявил, что Украина — это неотъемлемая часть истории России и находится под контролем иностранных держав через марионеточный режим. Путин официально признал

⁷⁴ 02.22.2022. Заседание Совета безопасности. [Видео]. YouTube. Доступно по ссылке: [\[https://www.youtube.com/watch?v=3xmVH_veYZQ\]](https://www.youtube.com/watch?v=3xmVH_veYZQ). Дата обращения: 06.10.2023.

два отколовшихся региона на востоке Украины независимыми, после чего приказал войти туда «миротворческим силам» России. В ответ США, Великобритания и их союзники ввели санкции в отношении членов российского парламента, банков и других активов. Германия приостановила проект газопровода «Северный поток — 2».

Следующая статья была написана, когда все это уже случилось и за день до начала полномасштабной войны. Ее опубликовали «Новая газета», The Guardian, La Liberation, La Vanguardia, Dagens Nyheter, Die Berliner Zeitung, Haaretz и другие газеты по всему миру.

Мое поколение не застало массовых репрессий и чисток, не застало судилищ, на которых гневная общественность требовала казнить предателей Родины, не жило в атмосфере всеобщего ужаса, не училось с сегодня на завтра менять мировоззрение, верить в злокозненность вчерашних союзников и доб-

ронамеренность вчерашних врагов по щелчку пальцев, не училось оправдывать братоубийственные войны и не присутствовало при моральной и военной подготовке войн мировых. Советский Союз, который мы застали, был уже довольно травояден, за неверие в свою системообразующую скрепную ложь он уже не казнил, позволяя людям сомневаться про себя и в кухонном формате, и рукоплескать, когда летели головы назначенных врагами народа, не требовал тоже.

А заставшие прежние времена вспоминать их не любили — и теперь становится ясно почему. Потому что выживание в таких условиях требовало в первую очередь компромисса с собой, со своей совестью. Да, приходилось отворачиваться, да, приходилось и рукоплескать, а кому-то и казнить других приходилось — с удовольствием или без, — чтобы не взойти на плаху самому. О таком не хочется помнить, и уж точно в таком не хочется исповедоваться. Даже не чтобы возразить, а хотя бы просто воздер-

жаться, требовалась храбрость, и храбрость требуется, чтобы потом вспомнить, на что однажды — и не единожды — ты пошел, чтобы отвести угрозу от себя.

И вот с нами, с моим поколением, в прямом эфире происходят вещи, которые, казалось, произойти не должны больше никогда; мы получаем удивительный опыт, возможность понять, почему деды и прадеды молчали и терпели, как низвергались в пучины безумия целые нации, как народы попустительствовали тиранам, разжигавшим мировые войны, как одни люди безгласно всходили на плаху и как другие соглашались сечь им головы.

Теперь мы своими глазами видим, как расчеловечивают людей перед тем, как их сожрать: через глумление, через очернение, через извращение их слов и их мотивов и отрицание самой их способности чувствовать и думать как люди. Знаем, как маскируют хищничество: натягиванием на волка овечьей шкуры, содранной с предыдущей зарезанной им же овцы.

Учимся воспитывать в себе равнодушие к очевидной творящейся на наших глазах несправедливости: это ведь не нас касается, а нас-то, может, и не коснется, если на рожон не лезть, а всем не насочувствуешься!

Учимся не сочувствовать жертве и при этом сочувствовать агрессору. Если сопереживать хищнику, то ведь ты и сам как будто с ним, рядом, как будто вы заодно, как прилипала рядом с акулой: не так страшно становится, и крохи мусорные из зубастой пасти можно подклевать. Учимся не замечать прогрессирующего безумия правителей и убеждать себя в их мудрости и дальновидности. В день по чайной ложке, как упомянутый Швейком офицерский денщик — дерьмо своего командира, глотать их завиральные конспирологические теории, пока не привыкнем ко вкусу и сами не попросим добавки. Ведь если им не верить, кому тогда верить! Не лучше ли кушать кал, чем ложиться спать, думая, что твоя жизнь в руках безумцев. Да разве и бывает групповое безумие?

Да, мы уже поняли, как нужно молчать, отворачиваться, не высовываться, держать свои мысли при себе — но теперь нам еще предстоит научиться эти мысли от себя гнать самостоятельно. Предстоит, чтобы не жить в страхе, чтобы не чувствовать себя трусами и чтобы не чувствовать себя рабами, учиться искренне верить в то, что еще недавно считали фальшью. И учиться ходить строем, и аплодировать по отмашке, искренне, отчаянно аплодировать, когда вешают врагов народа, и чувствовать честный, мурашечный восторг от речей вождя. Радоваться войнам. Приветствовать кровопролитие. Находить ему объяснения и оправдания, чувствовать воодушевление от предательства братьев и расправы над ними. Притворяться, что не замечаешь, и даже уже искренне не замечать, как родная страна идет по пути фашистских диктатур, след в след, по дороге с известным пунктом назначения.

Мы не хотели знать прошлое, потому что мы думали, что оно прошло. Казалось, этого мы не поймем никогда, гербарий этих жутких, странных чувств так и останется мертвым, зажатым между страниц

учебников истории. Но вот призраки, насосавшись обид, вседозволенности, безнаказанности, распухают и раздвигают бумагу, выбираются наружу, из мертвого вчера в живое сегодня. Требуют крови — и получают кровь. Кровь тех, кто живет сейчас и здесь. Нашу кровь, горячую, красную, не бурую и сухую.

И нам придется тренироваться думать хором и шагать строем, бояться любопытных соседей и ночных моторов, слюняво, напоказ целовать иконы и портреты вождей, истово верить в то, что объявляется дежурной истиной дня соловьевыми и толстыми, жить, не высовываясь, в вечном страхе не жить вообще, — всему этому научиться...

Или учиться другому: хранить память и думать о будущем, отпуская обиды и не живя одним прошлым. Не верить лжи и всегда требовать правды. Высовываться, спорить, отстаивать собственное достоинство и бороться за него. Мы до сих пор ничего не поняли из опыта тех, кто жил и умер, чтобы у нас все было иначе. И поэтому нам еще столькому предстоит научиться самим.

Взгляд из будущего

В этой апокалиптической картине, которую я рисовал себе за день до войны, были вещи, угаданные точно, а были промахи. Главное, чего я никак не ожидал, — это то, что на марши в поддержку безумной и бессмысленной войны люди станут выходить не из страха показаться предателем, а с энтузиазмом и даже с восторгом; что иконы будут целовать не напоказ, а истово; что так многие окажутся За.

Но я считал и продолжаю считать, что искренних людоедов, как и искренних идиотов в России меньшинство; а большинство просто конформно. Боится спорить с властью и поэтому поддерживает ее, или боится спорить с ней и поэтому затихло и молчит.

Так или иначе, украинский народ в этой войне проявил себя героически, и никаких после этих полутора лет не может уже никогда быть сомнений, что это именно народ — отдельный, теперь уже на нас действительно не похожий, великий.

А мы — кроме принципиального, прекраснодушного, но быстро сдавшегося меньшинства — увы, проявили себя затюканными, послушными и не готовыми даже за свою жизнь постоять. Почему? Потому что их дело — правое, а наше — белыми нитками штопано?

Потому что они тридцать лет прожили в свободе, а мы — в сытом стойле стояли? Нет простого ответа. Но мне кажется так: если пружина украинского народа уже распрямилась, чтобы выбросить со своей родины захватчиков, то пружина народа России все еще скручивается, даваемая и зажимаемая унижениями, запретами, поражениями и напрасными жертвами, и какие исторические события она приведет в действие, когда развернется, предсказать нельзя.

Она сможет толкнуть Россию вперед, но сможет и разорвать ее в клочья.

09–03–2022

Это не наша война

Контекст

Вторжение в Украину все-таки началось, вопреки многократным заявлениям российских властей. 24 февраля, в 5:50 по Москве (и 04:50 по киевскому времени) президент Путин в телеобращении объявил о начале «специальной военной операции» на территории Украины. Путин заявил, что цели СВО — это защита русскоязычного населения в Донбассе, «демилитаризация» и «денацификация» Украины, а не оккупация страны.

Вскоре после выступления Путина из Киева, Харькова, Одессы, Донбасса и других мест стали поступать сообщения о взрывах. Российские войска вошли в Украину с нескольких направлений: с севера через Беларусь в сторону Киева, с северо-востока из России в сторону Харькова, с востока через Донецкую Народную Республику и Луганскую

Народную Республику и с юга через Крым. Российская военная техника была отмечена белыми символами «Z» и «V».

Президент Зеленский объявил в Украине военное положение. Вечером того же дня он издал директиву о всеобщей мобилизации украинских мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, запретив им выезд из страны.

Назвав вторжение «специальной военной операцией», Путин сразу очертил рамки публичного обсуждения. Роскомнадзор и Минюст немедленно заявили, что при высказываниях о происходящем возможно использовать только официальные российские источники — Минобороны, государственные новостные агентства и так далее. Довольно быстро стало ясно, что называть происходящее войной в России запрещено.

В начале марта 2022 года в России были приняты законы, запрещающие «дискредитацию Вооруженных сил России» — под ней власти подразуме-

вали призывы к «воспрепятствованию деятельности» ВС РФ, то есть любые антивоенные высказывания. Они влекут за собой штрафы или лишение свободы на срок до пяти лет. Распространение «фейков» о вооруженных силах — то есть того, что государство посчитает фейками, — может привести к лишению свободы на срок до пятнадцати лет.

По данным ОВД-ИНФО, с начала войны и по май 2023 года в России было 19673 задержания за антивоенную позицию, 6561 дело о «дискредитации армии» по статье 20.3.3 КоАП, а 562 человека оказались под уголовным преследованием за антивоенные высказывания или действия. Среди них и Дмитрий Глуховский, которого по статье 207.3 судили заочно в Басманном суде, пока эта книга готовилась к печати. В распространении «заведомо ложных сведений о действиях ВС РФ» его обвинили за публикации в соцсетях, эфиры на Ютьюбе и ряд интервью, в которых он обвинял российскую армию в военных преступлениях и называл Владимира Путина ответственным за развязанную войну. 7 августа 2023

года Дмитрия заочно приговорили к восьми годам колонии.

Символом войны стала буква «Z». Она начала появляться на плакатах в транспорте и на улице, в виде наклеек на машинах и на «патриотическом» мерчендайзе. Те, кто хотели подчеркнуть свою верность государственной линии, начали заменять ею кириллическую «З», вставляя куда попало — в наименования регионов (КуZбасс), в имена и фамилии, названия компаний и т. д. Центризбирком, например, сменил официальный логотип на «Центральная иZбирательная комиссия». Распространился лозунг «Zа победу! Zа наших!», интернет заполнили хэштеги #Zамир. Одновременно с этим антивоенно настроенные россияне, лишённые других способов протеста, пытались бороться с публичными изображениями «Z».

Вскоре противники войны стали называть символ «звастикой», а сторонников СВО — «зетнутыми».

Почему Кремль велел нам называть эту войну спецоперацией?

Потому что никто в России войны не хотел. Потому что все боялись войны. Потому что война — это уходящие из дома живые люди и возвращающиеся домой цинки. Потому что война — это дымящиеся руины на месте цветущих городов. Потому что война — это вечный страх. Это нищета. Это голод. Это коллективное безумие.

Этой войны не хотели простые люди, которые за нее будут платить своими головами. Своими распавшимися, разрушенными семьями.

Этой войны не хотел бизнес, который за нее будет платить крахом. Ее не хотели наши так называемые элиты, которые расплатятся за войну тем, что будут отрезаны от мира и лишатся своих привычных кормушек.

Ее не хотел весь народ, потому что с началом войны для него кончилась человеческая жизнь и началась жизнь по законам военного времени.

Войну Украине объявил лично Путин. Целый час по всем каналам он объяснял народу, почему война необходима: только потому что Украина — это недогосударство, которое в принципе не заслуживает того, чтобы существовать. Просто личная неприязнь. Больше никаких причин для войны не было, остальное — предлоги.

Путин хотел единоличной славы, которой увенчала бы его эта война. Он рассчитывал на блицкриг: в день начала войны пропагандистские телешоу с восторженным хохотом обещали взятие Киева к обеду. Но взять на себя одного ответственность он был не готов.

Поэтому перед началом вторжения он собрал Совет безопасности РФ — всех, кто мог бы потом сказать «я не знал», и поставил их перед фактом. Больше того, заставил вслух самих произнести «я за». Замазал всех, кто мог бы пробовать сепаратно договориться с миром о мире. Это не я, сказал миру Путин. Это мы — все те, кто по-настоящему «рулит Россией». Западу тут не с кем договариваться.

Чтобы, если однажды в Гааге будет слушаться дело о войне с Украиной, фигурантом была целая группа лиц. И чтобы каждый человек из этой группы держал такую перспективу в уме.

Но и им было страшно от такой ответственности — достаточно посмотреть видео заседания Совбеза, там это хорошо видно. В планы начать войну они, кажется, даже не были посвящены заранее. И чтобы избавить их от страха, было решено размазать ответственность по всему режиму.

Депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации никто об этой войне не говорил тоже. Их тоже вызвали и тоже поставили перед фактом. И, опираясь на театральный консенсус Совета безопасности, депутатов и сенаторов тоже привели к новой присяге. Голосовать против и воздерживаться было нельзя. Выученная беспомощность и строевая подготовка сделали свое дело. И то, согласие они дали только для использования российской армии на территории пиратских республик — ДНР и ЛНР.

Но наши танки пошли не в Донецк, а на Харьков, Киев и Херсон. Это оказалась именно война — война, о которой народ не спросили. Которой народ боялся и не хотел. А через неделю стало ясно, что вместо блицкрига против мифических нацистских батальонов страну ждет большая война против всей украинской армии и против украинского народа. Вооруженные силы РФ под странной символикой, почему-то меченные латинской буквой Z, завязли в грязи. Счет нашим убитым пошел на сотни. Наша артиллерия принялась палить вслепую, уничтожая жилые массивы украинских городов. Стало ясно, что речь может пойти о военных преступлениях.

И тогда было решено превратить их из преступлений режима в преступления целого народа. Замазать всех. Чтобы мы не могли сказать, что не знали об этой войне и не хотели ее, нас решили сделать соучастниками.

Людоедская истерия, которая разворачивается во всех пропагандистских медиа, направлена

именно на то, чтобы вырезать букву Z на лбу у каждого россиянина. Она нужна, чтобы снять ответственность за братоубийственную войну, за разрушение мира в Европе, за откат в кошмарное прошлое с Путина и его режима, чтобы позволить им спрятаться за спины простых людей. Чтобы убедить Запад, что он борется не с группой одержимых, а со всем русским народом. Доказать народу, что это он сам ведет войну на выживание.

Чтобы замазать людей в войне, власть инсценирует народную поддержку. Устраивает административные автопробеги под флагом Z по восьмидесяти российским регионам. Строит буквой Z на белом снегу смертельно больных детей из казанского хосписа⁷⁵ и снимает маленьких человечков сверху.

⁷⁵ В начале марта 2022 года детский хоспис в Казани организовал флешмоб в поддержку военной операции России в Украине. Во флешмобе приняли участие около 60 человек, в том числе дети-пациенты, их родители и сотрудники. Они образовали букву «Z» и держали в руках плакаты с флагами самопровозглашенных республик ЛНР и ДНР, а также России и Татарстана. Инициатором флешмоба выступил председатель попечительского совета хосписа Владимир Вавилов, который ранее пытался поехать в Донбасс, но ему отказали из-за возраста.

Придумывает срочно, постфактум, новые объяснения кровопролитию: у Украины было химическое оружие, бактериологическое оружие, Украина хотела создать атомную бомбу, она хотела напасть первой. Любой ценой, любым враньем надо доказать народу, что эта бойня имеет смысл, что она нужна ему, народу, а не только Кремлю.

Но мы должны помнить, что, поддерживая Z, мы поддерживаем бомбежки и обстрелы мирных украинских городов. Поддерживаем уничтожение сотен школ. Изгнание двух миллионов человек из их домов. Поддерживаем разрыв братских связей — и в семьях, и между нашими странами вообще — навсегда. Поддерживаем глухую изоляцию Россию от цивилизованного мира, ее неизбежное ослабление и превращение в сырьевую колонию Китая с его технологиями цифрового концлагеря. Те, кто поверит сейчас пропаганде, должен помнить, что на русских во всем мире уже смотрят как на захватчиков. Еще чуть-чуть, и в нас будут видеть военных преступников. И это станет частью нашей истории — навсегда.

Это не наша война, и мы должны об этом помнить. Мы должны об этом говорить.

Взгляд из будущего

Эта статья почти целиком процитирована в материалах моего уголовного дела, и она же включена в обвинительное заключение. Обвинение смешнейшее: вот гр. Глуховский говорит, что это война, что гибнут мирные люди, Путин начал. Генеральная прокуратура, следователь по особо важным делам такой-то, направил запрос в Генеральный штаб ВС РФ с вопросом: это война? Мирные люди гибнут? А вот Генеральный штаб, полковник такой-то, отвечает: никак нет, это не война, а СВО, никаких гражданских армия не убивала, Путин защищает мирное население Донбасса. Все, состав преступления налицо, статья 207.3, распространение заведомо ложных сведений по мотивам политической ненависти к президенту РФ. Значит, правду сказал.

Потому что за правду у нас судят, а за фейки награждают.

Но меня другое зацепило, пока я перечитывал эту статью: я, когда ее писал, предполагал, что тела убитых российских солдат поедут домой в герметичных цинковых гробах, как это было в Афганскую войну. А оказалось, что цинков на них государству жалко. Что их в мусорные черные пластиковые мешки пакуют — тех, кого вообще решают вернуть на родину. Потому что огромное их число остается в украинской земле беспризорными, на съедение собакам.

И вот это чудовищное пренебрежение к солдатской жизни, к человеческой жизни, которая за бесконечное путинское президентство вроде бы должна была обрести ценность, а стоит сегодня, как в бесконечное сталинское царствие, — ничего, вот этого я тоже не ждал. И покорности, и легковёрности, и фатализма от людей, которых гребут сотнями тысяч, чтобы зарыть в украинской земле ни за ради чего, я не ждал тоже. И

зверств, которые российские солдаты творили в украинских городах, не ждал никак и не сразу смог в них поверить.

Хорошо я о нас думал.

06–04–2022

Война против России

«В начале февраля я сдала на права — родители купили машину, сказали, что мне надо учиться водить. Сегодня я попрощалась со своим братом. Не знаю, увижу ли его еще когда-нибудь. Путин нас освободил. Дома у нас больше нет и даже гребаную машину они зачем-то сожгли».

«Полтора месяца назад я сделала эти пробы на роль. Классная роль, интересный фильм. Всего полтора месяца назад я еще строила планы на будущее, о чем-то мечтала».

Я листаю свою ленту в Инстаграме — мои друзья и приятели, люди, на которых я подписан. Эти два поста идут в ней подряд. Первый написала девушка из Украины, второй — моя знакомая из Москвы.

Сожженные машины и разбомбленные школы, разлученные семьи, миллионы беженцев, казненные мирные жители — война против Украины, развязанная Путиным, с каждым днем становится все

страшной и бесчеловечнее, а предлоги, под которыми она была начата, выглядят все ничтожней и фальшивее.

И с каждым днем у меня усиливается ощущение чудовищного тупика, в котором оказалась Россия. Ощущение омута, в который она погружается и из которого не сможет выбраться еще долгие годы — а порою кажется, что никогда.

Утром 24 февраля мой Ватсап засыпало сообщениями от друзей в Москве: «Пиздец! Он это сделал!», «Он начал войну!». Ужас, беспросветная тоска и безнадёга — в каждом сообщении. Помню, был солнечный день. Но когда я вышел на улицу, мне показалось, что я вижу мир через черный фильтр. Буквально. Все действительно словно почернело, померкло. Сердце тяжело колотилось. Я строчил сообщения моим друзьям в Киеве — узнать, как они, и своим друзьям в Москве. Никто не мог поверить в то, что в наше время, в нашем веке, между нашими народами могла начаться настоящая война.

Некоторые из моих киевских друзей, даже девушки, решили остаться в городе и защищать его до конца, хотя в то время казалось, что украинскую столицу возьмут штурмом за несколько дней. Они не собирались сдаваться.

Все, кто был в Москве, судорожно пытались понять, как им навсегда уехать из России. Настал конец всем их проектам, всем мечтам. Навалились мрак, духота.

Некоторые пытались протестовать, выходить на улицы, призывали остановить войну — но их быстро сковывало ощущение бессилия и страх. Единственные планы, которые они могли теперь строить на будущее — это планы бегства из страны, эмиграции.

24 февраля Путин развязал войну не только против Украины. Он ведет ее сразу на два фронта, и второй фронт — домашний. Из-за войны с Украиной Россия оказывается в изоляции от западной цивилизации, от ее технологий и культуры, информации и рынков, науки и финансов.

Это еще и война против всех тех в России, кто хотел для нашей страны развития, кто желал ей стать нормальным государством в едином современном мире, кто лелеял какие-то мечты о будущем. Прежде всего — против молодых.

Их запирают в путинском безвременье. В заколдованном и проклятом пространстве его завиральных представлений о золотом веке русской истории, сложенном из андроповского номенклатурного «совка», сталинского лагерного энтузиазма и николаевской черносотенной духовности.

И война эта планировалась Путиным такой с самого начала. Путин готовил Россию к изоляции, готовил ее к отключению от Запада, от мировой цивилизации. Долгие годы он плел кокон, в котором Россия должна будет закуклиться, чтобы погрузиться в спячку на десятилетия, а может, и на века. Особый путь, который Путин прокладывает для нашей страны, ведет ее назад — в черносотенное мракобе-

сие, слепое имперское верноподданничество, в постоянный ужас и истерическое идолопоклонничество сталинизма.

И он бьет по тем, кто рассчитывал жить в современной, открытой и свободной стране, потому что хочет опереться на бородатых фундаменталистов, на немытых философов-почвенников и озверевших от запаха крови имперцев, на обманутых несчастных стариков, которые думают, что если Путин вернет их в Советский Союз, то вернет им и их сладостную юность.

Путин сознательно раскалывает Россию на две части, соблазняя одних званием патриота и шельмуя других клеймом предателя. Ему недостаточно войны со всем миром, ему нужна еще и война гражданская: иначе он может не удержаться во власти, а ведь желание сохранить ее любой ценой и было главной причиной нападения на Украину. Стареющий, теряющий легитимность правитель пытается

вернуть себе политическое либидо и заодно гарантировать себе место в истории маленькой победоносной войной.

Сожженные машины и разрушенные дома, разлученные семьи, тысячи убитых мирных жителей, миллионы беженцев — разве это большая цена, чтобы достичь великой цели?

И цель достигается. Оголтелая пропаганда, тотальная информационная изоляция и преследование несогласных сколачивают ему ту поддержку, которой он искал. Нация, гордившаяся тем, что победила фашизм, сползает в фашизм сама. А на тех, кто фашизму пытается сопротивляться, натравят тех, кто давно ждал этого часа. Те, кто рвется в прошлое, при поддержке дубинок и штыков заткнут тех, кто мечтал о будущем.

Путин получает желаемое: страну в анабиозе, которой он может править, покуда держится на ногах. Да, она будет нищей и отсталой, зато ее граждане будут безгласны и покорны, а свою недолгую и

несчастную жизнь сравнить с жизнью людей в других странах они не смогут, потому что это заколдованное царство будет надежно отрезано от всего мира. И то, что после его смерти такую страну неизбежно ждет распад, его, похоже, уже не беспокоит. Путин выиграет войну против России, даже если проиграет войну с Украиной.

А Украина в любом случае победит в этой войне, даже потеряв на время какие-то земли, даже заплатив тысячами человеческих жизней — потому что этой чудовищной ценой ею будет оплачен билет в будущее.

09–04–2022

Я не хочу в это верить

Контекст

С начала вторжения в Украину государственная пропаганда приобрела невиданные масштабы. Телеканалы, печатные СМИ, телеграм-каналы, провластные блогеры изо дня в день рассказывали, что именно Украина и НАТО давно готовились к атаке на Россию и даже разрабатывали биологическое оружие, а «украинские националисты» устроили фактически геноцид русскоязычного населения.

Так, Минобороны России заявляло, что США заражали в лабораториях в Украине птиц для распространения болезней среди граждан России, появились даже «документы» с указанием болезней, фотографиями птиц и картами распространения. В октябре 2022 года постоянный представитель России при ООН и вовсе обвинил Украину в использовании

дронов с «боевыми комарами» для распространения опасных вирусов.

Война на российских госканалах позиционируется как противостояние России и Запада, где Украина воплощает собой проект «анти-Россия», а на ее стороне открыто воюют солдаты НАТО.

Другую линию российской пропаганды можно назвать империалистической и националистической — украинцев в провластных СМИ изображали как «малороссов», ставя под сомнение их национальную идентичность.

Президент России Владимир Путин и до войны не раз ставил под сомнение легитимность Украины, подчеркивая, что страну якобы «придумал Ленин».

При этом российская пропаганда не заботится о том, чтобы ее нарративы не противоречили друг другу. Одновременно могли проводиться две идеи: что якобы славная российская армия идет освобождать братский народ, попавший под власть извечных врагов нашей родины — американцев, и что Украина будто бы полна чудовищных кровожадных

нацистов, которых надо истребить, как сделали наши деды, одолев гитлеровскую Германию. Целью спекуляций было не убедить людей в безупречной истине любой из версий, а, скорее, запутать, шокировать, дезориентировать и в конечном итоге внушить недоверие ко всем источникам информации сразу и убедить, что «всей правды мы не знаем». Фраза «все не так однозначно», ставшая политическим мемом еще в 2014 году, пережила новый виток популярности и закрепилась в общественном лексиконе военного времени.

«Российская армия проводит спецоперацию по денацификации Украины, освобождая от нацистских батальонов Харьков, Мариуполь и Николаев. Операция проходит по плану и была бы уже победоносно завершена, если бы нацистские боевики не брали в заложники мирных жителей. Они подрывают жилые дома и больницы вместе с украинскими женщинами и детьми, чтобы обвинить во всем российские войска — потому что иначе поток

денег и вооружений с Запада в страну остановится. И, кстати, Россия не нападала на Украину, она была вынуждена нанести упреждающий удар, потому что всего через шесть часов Украина напала бы первой; к тому же Киев разрабатывал атомную бомбу, чтобы применить ее против Москвы, а в секретных лабораториях в Украине американцы создавали боевые штаммы коронавируса, поражающие только русских и распространяемые перелетными птицами. И вообще, Украина — лишь поле боя между Россией и США, на котором решается судьба будущего мироустройства».

Как можно поверить в бред, который полностью извращает реальность, выдавая черное за белое? Как можно называть очевидного агрессора миротворцем, когда существуют тысячи документальных свидетельств агрессии?

И тем не менее именно этот бред является официальной позицией России. И да, многие в России в него поверили.

Разрыв прошел через миллионы семей — старшее поколение принимает похожую на фотографический негатив картину мира, до хрипоты споря и ссорясь со своими молодыми родственниками, для которых подлог и вранье очевидны. Путинская пропаганда, которая ответственна за психоэмоциональную подготовку и оправдание братоубийственной и захватнической войны против Украины, опять оказывается невероятно эффективной, даже когда ее ложь, казалось бы, должна резать глаза любому.

Чем это объяснить? Не одной же легковерностью российского телезрителя? В конце концов, в России все еще существует интернет, в котором каждый может найти правду о войне в Украине, и любой может посмотреть правде в глаза, если захочет! Так?

Но правда о войне искореняется всеми возможными способами. Если вы будете искать новости об Украине из России, вы вообще не увидите слово «война». Дело в том, что оно, как и любая информа-

ция о положении на фронте, отличающаяся от заявлений пропагандистов, отныне является уголовно наказуемым деянием. Пятнадцать лет в тюрьме за «распространение сведений, порочащих действия российской армии». Три года за антивоенные призывы. Даже «Новая газета», только что удостоенная Нобелевской премии мира за свою честность и стойкость, вынуждена вымарывать слово «война» из своих заголовков. Все остальные критически настроенные медиа и неподконтрольные власти социальные сети за время войны были просто запрещены и заблокированы. Россияне все больше оказываются закупорены в герметической среде, куда нет доступа правде.

Но дело, разумеется, не только в этом. Видео бомбежек, фотографии раненых и убитых просачиваются сквозь мембрану цензуры. Однако факты, снимки и свидетельские видео оказываются неважны. Оказывается, ими можно пренебречь, можно усомниться в них или дать им другое объяс-

нение — уложив их в диаметрально противоположный нарратив. Именно нарратив имеет первостепенное значение. Воображаемый мир имеет над людьми куда большую власть, чем реальность.

С победы в Великой Отечественной войне (так мы называем ту часть Второй мировой, которая затронула Советский Союз) и полета Юрия Гагарина в космос у моей страны больше не было триумфов. У людей не было причин гордиться своей Родиной.

Победа в Великой Отечественной далась советскому народу чудовищными жертвами: погибло не менее двадцати миллионов человек, жертвы были буквально в каждой семье. Оплаченная кровью родных, война и Победа стали сакральны. Путинские идеологи и пиарщики решили превратить ее в источник своей легитимации, изображая Путина и его окружение наследниками победителей.

В частной жизни большинство россиян совершенно бесправны и беспомощны перед лицом государства, которое внедряет им верноподданниче-

ское, а не гражданское сознание. У людей существует огромный запрос на элементарное самоуважение, на чувство собственного достоинства — но путинский режим зиждется именно на подавлении человеческого достоинства, именно на политической апатии и чувстве выученной беспомощности. Вместо этого людям подсовывают имперский шовинизм, выдавая его за патриотизм. Власть не способна улучшить жизнь россиян, которая ухудшается уже много лет подряд, становясь все бедней и короче. Народ несчастен и озлоблен, нищ и запуган; и кроме всего прочего, его терзает ощущение бесцельности и бесперспективности жизни, которая с каждым годом становится хуже. И даже если люди в глубине души понимают, кто ответственен за их беды (не Зеленский же и не Байден, в самом деле, гадят у них в лифтах!), им не хватает смелости признаться в этом даже себе самим.

Пропаганда предлагает комфортный и воодушевляющий миф, который позволяет им прими-

риться со своим существованием. Надо только отринуть факты, надо всего лишь поверить, что Великая Отечественная война не заканчивалась никогда и продолжается по сей день, что нынешнее поколение россиян тоже причастно к великим подвигам своих предков, память которых нам нельзя предать. Ощущение всеобщей причастности к великой исторической миссии играет невероятно важную психотерапевтическую функцию — особенно в стране, где почти никто всерьез не верит в бога. Долгие восемь лет, с самого присоединения Крыма, все пропагандистские усилия власти были направлены на то, чтобы убедить людей в том, что захват украинских территорий оправдан войной с нацистами.

Нескольких фотографий украинских националистов со знаменами со свастиками и кадров факельных шествий в Киеве десять лет назад оказалось достаточно, чтобы российский телезритель поверил в то, что нацисты управляют всей Украиной. Избрание президентом Владимира Зеленского, русскоязычного еврея, решительным большинством в прямом

народном голосовании оказывается уже неважным. Факты вообще оказываются неважны. Важней другое.

У людей появляется ощущение смысла жизни. У них наконец-то появляется возможность ощутить гордость за свою страну. Это становится важным эрзацем чувства самоуважения в повседневности. Пусть и не вставая с диванов, но уже ощущая падение уровня жизни из-за западных санкций, они как бы тоже и ведут войну за свою правду, и даже жертвуют чем-то на этой войне. Больше того, консолидированный ответ Запада на российское вторжение вырывается пропагандой из контекста и подается как агрессия США и их союзников, которые хотят ослабить и развалить Россию — как и твердил нам все эти годы Путин.

Да, это не реальность, это героиновый морок, но героин дарит и эйфорию, и забвение, героин снимает боль.

Пытаться переубедить уверовавших в праведность «специальной операции» в Украине невероятно сложно: ведь признать, что это российские войска бомбят украинские города, уничтожают больницы и школы, что это от их рук гибнут украинские женщины и дети, что им противостоит не отдельный националистический батальон, а весь украинский народ, — значит признать и самого себя соучастником. Значит утратить чуть ли не единственную уже опору, позволяющую тебе не провалиться полностью в экзистенциальный мрак, не потерять себя. Признать реальность означает потерять уверенность в том, что являешься хорошим человеком — краеугольное чувство, совершенно необходимое просто для жизни, и принять чувство вины и ответственности за соучастие в несправедной войне. И тогда ведь придется назвать свою сторону — стороной зла, своего правителя — тираном. А это или требует отваги уже совсем другого уровня, потому что или выталкивает тебя из дома на отчаянную и, скорее

всего, обреченную борьбу, или заставляет признать себя в собственной трусости.

Путинская пропаганда заманила нас в жуткую ловушку. Поймав нас на крючок ресентимента и имперской ностальгии, дав нам ощущение сопричастности к великой исторической миссии, она на самом деле делает мой народ причастным к военным преступлениям. И чем больше прольется крови, тем сложнее будет людям поверить в правду, полностью не потеряв себя.

И все же я уверен, что этот момент настанет. Его боятся и в Кремле, иначе зачем ему было бы запрещать все источники информации, которые просто называют войну — войной.

Но в современном мире правду не заблокируешь. Тысячи убитых на украинской войне российских солдат рано или поздно вернутся домой в черных пластиковых мешках. Десятки тысяч приедут с фронта и расскажут своим семьям, что воевали не с нацистами, а с народом, который когда-то мы называли братским. Миллионы украинцев, бежавшие из

своих домов, и те, кто потерял своих близких, однажды дозвонятся своим родным в России и расскажут им, как все было.

Ужасная цена за то, чтобы просто поверить в реальность. Но я хочу верить, что мы однажды найдем в себе силы, чтобы посмотреть правде в глаза.

25–04–2022

Харьков — Москва

Контекст

В апреле 2022 года по всей линии фронта между Россией и Украиной шли активные бои, а одной из главных целей для ВС РФ стал Харьков из-за своего стратегического расположения недалеко от границы и русскоязычного населения. Оно первым и пострадало от атаки — в середине марта 2022 года власти Харькова заявили, что удары РФ по жилым домам и общественным зданиям убили по меньшей мере 500 мирных жителей.

В апреле обстрелы гражданской инфраструктуры Украины продолжились, а общественный шок вызвали бомбардировки больниц и школ, массовая гибель мирных жителей в Харькове, Изюме, Краматорске, Мариуполе, Ирпене. Харьков, частично окруженный российскими войсками, с начала вторжения подвергался интенсивному обстрелу. Тогда же,

в апреле, украинские войска провели успешное контрнаступление. К 13 мая украинские войска оттеснили к границе российские части, пытавшиеся окружить Харьков. Институт изучения войны посчитал, что Украина, вероятно, выиграла битву за Харьков. Однако город, как и многие другие города Украины, продолжает подвергаться бомбардировкам.

«Сапсаном» из суетливой весенней столицы, от бурлящих Патриков, от московских театров — в партере яблоку негде упасть, цены заоблачные! — от битком набитых торговых центров и вечных пробок — и вы окажетесь в солнечном прохладном Петербурге. Будете гулять по набережным, щурясь на свежем бризе, устройте себе небольшой тур по знаменитым уже, кажется, на весь мир питерским гастропабам или по бесшабашным местным питейным заведениям. Кажется, Питер далеко, но вот же он, рядом совсем — чуть больше семиста километров. Всего-то четыре часа скоростным поездом, и уже совсем другой вайб.

А если бы «Сапсаны» шли не на север с Ленинградского вокзала, а на юг — с Киевского, то за те же четыре часа москвичи приезжали бы в Харьков. Прямоком в преисподнюю. В город, где российскими бомбардировками и обстрелами разрушены две тысячи домов. Многоэтажки, школы, больницы. В город, откуда уехала треть жителей, а остальные, цепляясь из упрямства за осколки своей старой жизни, каждый день рискуют погибнуть под осколками российских ракет и снарядов. В город, осажденный безжалостным врагом, который показал, на что способен, в Буче и Ирпене.

Безжалостным врагом? Да кто же этот враг? Не те ведь люди, которые гуляют на Патриках, скупают всякую всячину в московских ТРЦ и торчат в пробках, мечтая скорее добраться до дома, где их ждет семья? Эти люди ведь просто люди, они не могут желать смерти другим таким же людям в таких же панельных домах, говорящим на том же самом языке, которых и зовут-то часто так же. Так? Не могут. Они

же никаких преступлений не совершают и стрелять ни в кого не стреляют. Что же они делают?

А они делают вид, что ничего не происходит. Они стараются не обсуждать творящееся в каких-то четырех часах пути на адском «Сапсане». Благо, из Москвы харьковская канонада не слышна, а уж до Мариуполя из российской столицы вообще черт знает сколько ехать, да никому это и не интересно, где он!

Если в «Яндекс» вбить запрос «Расстояние от Москвы до Ма...», то первыми вылезают Мальдивы. Подскажу: до Мариуполя из Москвы на машине ехать пятнадцать часов. Пятнадцать часов за рулем от набитых публикой московских театров до театра с надписью «Дети», разбомбленного российскими ВКС. До того самого роддома. До «Азовстали», который сопротивляется, как Брестская крепость.

Сопротивляется кому? Давайте не будем об этом, давайте не будем о войне, давайте и слово «война» говорить не будем, потому что не все ведь

так однозначно. Давайте танцевать, пойдемте в ресторан, пойдемте в театр, да просто в ТЦ в киношку хотя бы, давайте притворяться, что жизнь идет своим чередом, что все нормально. Ну да, ну какая-то спецоперация, ну где-то какие-то азовские нацисты, ну и черт с ними, это ведь там, это не у нас с вами. И нам-то, между прочим, тоже не сладко: то Apple Pay супостаты отключат, то «Макдональдс» отзовут — думают, возьмут нас измором. А мы им назло будем все равно гулять и веселиться, напугали ежа голой жопой! Москва и Питер выглядят нормально, в них нормальная жизнь, такая же почти жизнь, как раньше.

Пузырь.

В пузыре: тарелка с салатом или со щами, театральная сцена, киноэкран, дорога на работу, дорога домой. А того, что бурлит кровью и гноем за пределами этого пузыря, из чего сейчас сделан весь остальной мир, как будто бы и не существует. Да вот только оно существует. Да, оно еще не прорвало

плаценту, не хлынуло в жизнь каждого нашего человека кровью и гноем, но давление снаружи все сильнее, и внутри пузыря оно тоже растет.

Убийства и разрушения, осуществляемые под лживыми, каждый день разными предложениями от имени России, все равно становятся известны людям в пузыре. Трупный смрад просачивается внутрь, плацента не может все отфильтровывать. И вот еще страшней: смрад становится частью нормальности, убийства мирных людей под теми же именами и фамилиями, что у тебя, становятся частью нормы. Библейские запреты снимаются, да и важнейшие добиблейские табу отменяются, людоедству выискивается оправдание. И не надо верить, что новая нормальность будет похожа на нормальность прежнюю. Отрава уже проникла и в тело, и в душу, просто действует она не в одно мгновение.

Мы отказываемся думать, что поезд из Москвы в ад идет четыре часа, и мы не собираемся ехать в ад, но скоростная железная дорога туда уже проложена, и теперь ад мчится по ней к нам.

09–05–2022

День мертвых

Контекст

В советское время главным государственным праздником была годовщина Октябрьской социалистической революции. День Победы до 1965 года даже не был официальным выходным, а парады проводились только по большим юбилеям (на 20, 30 и 35 лет Победы). Ежегодным парад сделал Ельцин в 1995 году, а с приходом к власти Путина День Победы стал фактически главным праздником, вокруг которого строилась новая российская идентичность. По задумке идеологов Кремля, память о войне должна была создать межпоколенческую солидарность, преодолеть политические, идеологические и этнические разногласия внутри страны и создать повод для национальной гордости. В итоге постепенно именно милитаризм и идея военного превосходства стали топливом патриотических чувств,

а возможная новая большая война в Европе — не чем-то страшным и недопустимым, а иногда даже желанным. В 2010-х из дня чествования ветеранов и воспоминаний об ужасах войны День Победы постепенно превратился в повод воспеть величие «народа-победителя» и побряцать военной мощью. Начиная с 2008 года в сценарии парада появилось прохождение тяжелой техники по Красной площади: сегодняшние Вооруженные силы РФ начали демонстративно запугивать воображаемого противника. С годами помпезность только нарастала, а милитаристский пафос и идеи противостояния наследников победителей профашистской Европе усиливались. В итоге День Победы окончательно потерял первоначальный смысл дня памяти и скорби, став демонстрацией милитаристских амбиций российской власти.

Нагляднее всего это противоречие проявилось в 2022 году, когда накануне Дня Победы, одним из лозунгов которого все еще оставался «лишь бы не было войны», всерьез обсуждалась возможность

применения Путиным ядерного оружия, а московские чиновники говорили, что военнослужащие с парада отправятся сразу на фронт, как при обороне Москвы.

Войну в Украине российские власти тоже представляют как логичное продолжение Великой Отечественной. Якобы историческая миссия России как наследницы СССР — защита Европы от нацистского реванша, поэтому одной из целей СВО и называлась денацификация — ее проще всего было «продать» обществу, которое годами воспитывалось на культе Великой Отечественной.

День Победы священен, как священна сама Победа. В наше время, когда каждая смерть на фронте происходит онлайн, когда у нее есть своя страница в соцсетях и когда она оповещением приходит прямо тебе в мобильный, даже сто погибших на войне кажутся катастрофой.

Двадцать семь миллионов! Как это себе представить вообще? Это в каждой семье, значит, есть

мертвые. Убитые на фронтах деды и прадеды, погибшие от бомбежек и голода женщины и дети. Великая Отечественная потребовала от каждой семьи отдать кого-то ей в жертву. Люди брали оружие в руки, чтобы защитить свой дом. Свой именно дом, свою семью: жену любимую, ребятишек. Выбора не было. Враг напал предательски, без объявления войны, начав с ночных бомбардировок мирно спящего Киева. Надо брать в руки оружие и идти воевать. А если придется погибнуть — то погибнуть, чтобы твоя жена и твои дети могли спастись и жить дальше.

И они гибли. Это было настоящее жертвоприношение: недожитая жизнь перетекала от мужчин, которые миллионами вращались в землю, — их детям. Оставались только черно-белые карточки в красном углу, на домашнем алтаре духов предков, которые отдали нам все свои силы, всю свою кровь, все свое время на земле.

День Победы был днем памяти предков и днем жизни. Да, по Красной площади маршировали воины, но воины эти были продолжателями дела защитников. Теми, кто смог появиться на свет благодаря самопожертвованию их отцов и дедов. И дело, которое они продолжали, было делом защиты своей родной земли, своих семей.

День Победы по сути своей является Днем предков, языческим древним торжеством, в котором скорбь по ушедшим мешается с радостью от того, что сами мы сейчас живы — благодаря им. Эти чувства и смыслы понятны и доступны любому, они так первобытны, так могучи, что священность этого торжества ощущается каждым — до мурашек; словно поток силы, горячей крови идет из далекого прошлого — струясь через каждого из нас. И все, что омывает этот поток, становится сакральным тоже.

Места, где была пролита кровь, превращаются в святыни. Освящаются слова, которыми говорят о жертвах предков — и пустые лозунги становятся

действенными заклинаниями. Освящаются государственные, военные и культурные символы, которые политики окунают в этот поток — и наши сердца начинают биться чаще при одном взгляде на них. И сами политики, причащаясь его, становятся как будто его жрецами.

Так любой, кто посягнет на окропленное святой кровью, оскорбляет память предков. Ведь все, что свято — непогрешимо. В нем нельзя сомневаться. Верующие готовы рвать на части тех, кто посягнет на их святыни, столь искренней будет их ярость.

Поэтому чем греховней и бездуховнее политик, тем сладостней он плещется в крови наших предков: ведь она покроет его тефлоновой кожурой, ведь ей он сможет отразить любую критику.

Потому власть и поднимает павших из братских могил, потому и заставляет их маршировать по проспектам российских городов об руку с живыми. Мертвые ведь безгласны, они шагают туда, куда зовет их громоухание военных оркестров и речи с пла-

стиковых трибун. Безгласность мертвых и послушность живых, следующих за тенями своих предков, искушает ряженных жрецов: неужели можно так заманить живых куда угодно, заставить их сделать что угодно?

Кажется, что можно. И вот живых отправляют умирать на фронты беспричинной, несправедливой, захватнической войны, внушая им, что это деды их туда зовут.

Но предки заклинали не повторять, и когда жрецы требуют повторения, сама суть культа Победы извращается. Миссия погибших на фронте состояла в том, чтобы позволить жить нам, иначе их жертва бессмысленна. И если они не ограждают нас от гибели, а сами же пытаются втравить нас в новую войну, то превращаются из наших защитников и покровителей — в неупокоенных мертвецов, которые жаждут крови живых, которые хотят затащить своих детей к себе на тот свет. А когда Великая Отечественная используется для оправдания украинской «спецоперации», выходит так, что духи предков

натравливаются на собственных внуков, превращаются в безмозглых цепных псов, которые готовы загрызть любого, на кого укажет им хозяин-некромант, не чуя родства, потеряв всякую связь с новыми поколениями. Это настоящая жуть.

Разрушается главная эмоция, главный подспудный смысл, которые наполняли культ Победы силой. Торжество жизни, омраченное данью памяти ушедшим, превращается в церемонию жертвоприношения, в кормление мертвых живыми. А жрецы, которые говорили от имени мудрых и благородных предков, начинают изрыгать заклятия своего настоящего бога — бога смерти. В служении этому богу есть свой смысл: как и публичные казни, жертвоприношения гипнотизируют публику и делают ее животнопокорной. Эффект, известный всем жрецам и правителям.

С пластиковых трибун требуют смерти, призывают ее сойти на весь мир атомным пожаром, потому что суть и смысл этого нового культа — в ги-

бели, в жертвоприношении ради одной только власти, а доблесть — в самоубийстве вместе со всем миром. Бесы, которые овладели нашими правителями, не имеют ничего общего с тенями наших предков. Те, кто нами правит, и те, кто правит ими, пока стеснительно, но все решительнее и решительнее вталкивают народ в печи мобильных крематориев. День Победы превращается в День Смерти.

А наши предки желали нам одного — жить.

10–05–2022

Депобедизация

Контекст

Новое идеологическое наполнение Дня Победы требовало новых символов, которые власть активно искала — и нашла. Комплекс мемориальных законов, запрещающих сомневаться в роли СССР в победе в Великой Отечественной войне, сравнивать Советский Союз и нацистскую Германию, фактический запрет на альтернативные точки зрения, в том числе в научном сообществе, со временем сделали власть единственным источником «правильной» информации о войне.

Поддержкой риторики власти «снизу» стала акция «Бессмертный полк», которая появилась по инициативе томских журналистов в 2012 году. Изначально это была именно памятная акция, на которую люди выходили с портретами своих родствен-

ников, погибших на войне. Успех и массовость акции побудили власти фактически «захватить» «Бессмертный полк», сделав его бюрократическим и пропагандистским. С 2015 года все чаще для массовости привлекался административный ресурс, а соцсети наводнялись фотографиями с однотипными портретами ветеранов, валяющимися на помойках.

Градус абсурда нарастал — мини-парады детей в военной форме проводились в детских садах, среди участников шествия замечали людей с портретами нацистов, депутат Госдумы Вячеслав Никонов вышел с портретом своего деда Вячеслава Молотова, который был ответственным за печально знаменитый тайный договор о разделе зон влияния между СССР и Германией, положивший начало Второй мировой войне. Позже тема «Бессмертного полка» расширилась на другие, теперь уже российские войны — в Донецке глава республики Александр Захар-

ченко в 2017 году вышел с портретом полевого командира сепаратистов Арсена Павлова, известного под позывным Моторола.

Еще одним символом государственного милитаризма стала георгиевская ленточка. Исторически она отсылала к гвардейской ленте, которой обтянута орденская колодка к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ленточка быстро превратилась из символа памяти в символ лояльности власти. С 2014 года ленточка стала символом «Антимайдана», чуть позже ее стали использовать сепаратисты в Донбассе, а сейчас — сторонники СВО. Тогда же, на фоне Майдана, возник новый лозунг Дня Победы — «Можем повторить», который отражал имперские и реваншистские идеи власти. В ура-патриотическом угаре сторонники Путина клеили стикеры «На Берлин!» на свои немецкие автомобили, пока пропаганда яростно доказывала, что российская армия в любой момент может снова пройти всю Европу.

Главным достижением монополизации памяти о Великой Отечественной войне стал удобный идеологический конструкт борьбы с фашизмом. Госпропаганда могла обвинить любую страну в продолжении политики Гитлера, чтобы вызвать патриотическую мобилизацию и оправдать любое насилие со своей стороны. И вот Навального приговаривают к первому сроку не за политическую деятельность, а за оскорбление ветерана, а страны НАТО и Украина становятся наследниками идей нацистской Германии, что должно давать моральное право на агрессию и оправдывать многотысячные жертвы.

Когда Путину предложили распотрошить чучело Великой Победы, зашить в него придворного политехнолога и приказать ему маршировать, приплясывать и кланяться царю, тот думал недолго.

Разбили музейную витрину, достали экспонат, отряхнули пыль, высыпали опилки и запихнули в эту шкуру какого-то жулика. Сначала похихикивали, как ловко вышло: народу воскрешение понравилось (ему вообще нравятся воскрешения), Победа рьяно

kozyряла новому Главнокомандующему, словно не видя никакой разницы между этим и прежними; оживленное божество можно было водить за собой на поводке, пугая им супостатов и внушая благоговение верующим.

Было очень удобно, а интеллигенцию, которая все сетовала, что такое использование мощей есть осквернение святыни, проигнорировали. Да еще и тех, кто брюзжал об осквернении святынь, самих обвинили в осквернении святынь.

А кроме интеллигенции никто и не стал спорить с тем, что двадцать миллионов человек погибли не за Родину, а за Сталина. Кроме интеллигенции, всех будто бы и устраивало, что «этого больше не должно повториться никогда» как-то само превратилось в «если надо, повторим». И превращение дня памяти и мира в милитаристский карнавал тоже не устраивало, кажется, только интеллигентишек, западных наймитов.

Народ можно понять. Народ рядится на майские шашлыки в выцветшие гимнастерки и пилотки,

чтобы ощутить связь с предками, чтобы ощутить неслучайность своего нищего и суетного существования, оправданность и осмысленность повседневных лишений. Люди косплеят фронтовиков, потому что хотят почувствовать себя продолжателями дел тех, кому выпала великая и ясная миссия — защитить свою семью и освободить свою Родину от беспощадного врага.

И власть понять можно. Власть уже каждый день рядится в жуковский китель, чтобы скрыть свою ничтожность, свою безыдейность, свою вороватость, свое полное моральное банкротство. Ряженные генералы тоже притворяются наследниками фронтовиков, но на самом-то деле являются наследниками НКВД, продолжателями дела заградотрядов и конвоев, которые гнали освобожденных из немецкого плена солдат теперь уже в советские лагеря. Так что и их «можем повторить» оборачивается повторением не боевых подвигов, а заградотрядовских.

Власть выжимала из Победы все; когда один скоморох выдыхался, его из чучельной шкуры вытряхивали и зашивали туда следующего, а прочие стояли кругом и идей набрасывали — что еще такого может исполнить выпотрошенное божество. Оно получалось как бы дрессированное, оно любые трюки умело. Ему поручали волшебство с выборами, ему поручали за Крым пояснять, ему поручали и далекую Сирию жечь, и оппозицию дома кушать, и со всем чучельная Победа справлялась. Пока ей не приказали сбавить реплику Великой Отечественной.

Задача оказалась не из простых. Играть надо было за наших, а вести себя как фашисты: начать войну с ночных бомбежек Киева, прямо по тексту песни⁷⁶, а людям внушить, что напали на нас; захва-

⁷⁶ Отсылка к популярной песне времен Великой Отечественной войны:

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

тывать чужую землю и к себе приштопывать, а доказывать, что своих освобождаем. Наконец, русских людей, хоть и с украинскими паспортами, в братские могилы сталкивать, аккуратно по-эсэсовски, а чтобы по эту сторону телевизора все верили, что нацисты как раз те, кого освободить пришли. Сложно, короче, не спрашивайте. Даже у чучела, даром что, кроме битой молью шкуры, ничего оригинального в нем не осталось, шерсть дыбом встала.

Но ничего, пригладили, бутафорских орденов навешали, пилотку нахлобучили поглубже и отправили народ окормлять. Народ засомневался вначале: вроде бы Отечественная война получается у них, а не у нас? — но чучелу удвоили, утроили эфиры, а кто его стеклянным взглядом гипнотизироваться не желал, тому пообещали срок, если вякнет. И как-то сработало все-таки.

*Кончилось мирное время,
Нам распрощаться пора,
Я уезжаю, быть обещаю
Верным тебе навсегда.*

С этой стороны телевизора сработало. А с той началось непредвиденное. С той стороны война оказалась Отечественной по-настоящему. Их враг из потешного, гипотетического стал самым настоящим, беспощадным — и самое главное, бессмысленно жестоким.

И весь мир, как ни плясали скоморохи, не верил отчего-то, что чучело живое. Стало ясно, что эту войну царю не выиграть. Что будет поражение — раньше или позже, более катастрофическое или менее, — но Победа Поражением обернется непременно. Но отыгрывать назад уже было поздно.

Мне хочется себя успокоить, и я говорю себе: может быть, это поражение будет для нашего народа освобождением. Потому что чучельная шкура трещит уже по швам и скоро лопнет. И только когда она лопнет, люди поймут, что их обманывали. Что внутри чучела прятались урки и прохиндеи. Что это было не чудо воскрешения, а надругательство вандалов над телом святого.

Есть вещи, которые нельзя людям объяснить. С бумаги или по Ютьюбу они кажутся ерундой, или вообще непонятно, о чем там тебе бубнят: как это — не нацисты, как это — не та война, как это — нас там не ждут, как это — фашисты как раз у нас, да ну брось! Какие-то вещи не поймешь, если их не прожить.

Может, и хорошо, что сейчас наша власть эксплуатирует память павших на фронтах Великой Отечественной именно таким — самым поганым, самым людоедским и самым безвкусным способом из всех возможных — в меру своих собственных безвкусицы и людоедства. Может, и хорошо, что в самый разгар этого некрошапито она обделается посреди мировой арены, только тогда и лопнет несчастная шкура. Только тогда наконец поймут что-то люди. Только тогда произойдет депобедизация России и мы перестанем танцевать со скелетами, отпустив духи предков на покой.

Но безумно жаль десятки тысяч ни за что убитых людей. Жаль стертые с лица земли цветущие го-

рода. И еще жаль, что словосочетание «русский солдат» еще долго будет не с защитой Родины отождествляться, а с изнасилованными женщинами, с убитыми детьми, с белыми лентами, которыми связаны за спиной руки у людей в экскаваторных рвах, и с ворованным добром, которое нищая армия шлет на нищую родину нищей родне.

Зря царизм решил бить стекла музейных витрин. Легко было и хорошо заставлять чучело плясать и себе в ноги кланяться — и ничего другого так и не сделали, чтобы увлечь или хотя бы развлечь народ, да и кормить его было как-то не с руки. Народная вера в Победу хоть как-то цементировала извечные топи, на которых стоит сожженный гнилью аляповатый дворец путинского режима. Когда сама власть веру в Победу разрушит и разъест окончательно, дворец этот, памятник провинциальности, спеси, узколобости и мегаломании своих обитателей, ничем не заслуживших править великой державой, вздрогнет, покачнется и утопнет в трясине русского безвременья.

02–10–2022

За что воюем?

Контекст

Российские власти с начала войны заявляли, что не собираются отправлять в Украину срочников и тем более не намерены объявлять мобилизацию. И все-таки 21 сентября 2022 года Путин подписал указ о мобилизации, которую, правда, называли «частичной». Но и до этого власть не ограничивалась контрактниками — регионы формировали добровольческие отряды, власть активно предлагала мигрантам идти на войну в обмен на гражданство, а в колониях заключенных вербовали в ЧВК, обещая помиловать, снять судимость и хорошо заплатить.

«Частичность» мобилизации власти объясняли количеством мобилизованных — якобы требовалось всего 300 тысяч человек, а в Сети даже появились ролики, сравнивающие количество людей, от-

правленных на войну, с всего лишь одним мармеладным мишкой из пачки — мол, смотрите, как мало. Правда, в тексте указа часть деталей была засекречена, в том числе и реальное количество людей, подлежащих мобилизации, что привело к предположениям о намного большем масштабе мобилизации, а отсутствие указа о ее прекращении наводило на мысль о «ползучей» мобилизации, которая продолжается и сейчас.

Позже власти приняли ряд поправок, устанавливающих уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен, мародерство, самовольное оставление воинской части, неявку на учения, дезертирство, отказ выполнять приказ, отказ от участия в боевых действиях и операциях.

Объявляя о мобилизации, Владимир Путин заявил, что Россия находится в состоянии войны с «коллективным Западом». Он заявил, что мобилизация необходима для защиты суверенитета и территориальной целостности России, обвинил США и Ев-

росоюз в «ядерном шантаже» и пригрозил применением ядерного оружия. Он заявил, что цели России в Украине не изменились.

После объявления мобилизации страну покинули сотни тысяч человек.

Они зовут тебя защищать Родину.

Но разве Родина — это зажавшиеся казнокрады? Друзья Путина и друзья друзей, подставные лица, на которых записано все народное достояние, вся отечественная промышленность, недра, транспорт, медиа... Ворье, сидящее в Думе, бандиты, сидящие в Совете Федерации, назначенцы, вообразившие себя избранными, которые относятся к народу как к своим крепостным. Это они-то — Родина?

Разве Родина — это мордатые росгвардейцы, вшестером наваливающиеся на студенток на митингах, наглые менты, которые затаскивают случайных людей в отделения и запытывают их до смерти, возомнившие себя опричниками фээсбэшники, на лжи, подкупе и страхе построившие в России страну своей мечты?

Неужели Родина — это безразличные чиновники, вмазанные в коррупционные схемы, которые живут в страхе разоблачения и потому послушно зигуют в ответ на самые каннибальские инициативы верховной власти? Гонящие с готовностью людей, как скот, хоть на фальшивые выборы, хоть во фронтовую мясорубку, просто для отчета, для нужной цифры?

Или их бессовестная обслуга — держащие народ за идиотов пропагандисты, циничные и презирующие «простых» людей пиарщики, продажные социологи, малюющие власти восторженное большинство — в стране, где большинство всегда власть ненавидело и боялось? Они чаще других говорят, орут, визжат от лица Родины; но они просто стелются под власть — за миллионы, миллиарды украденных у народа и щедро розданных казнокрадами денег.

Разве Родина — это неверующие попы, которые зовут мужчин идти на смерть, которые обещают

православным рай за убийство других православных, за покорность лживой и вороватой власти, которая заскучала от простого воровства и решила развлечь себя кровавой войной? Не должна ли Церковь была остановить эту войну, не должна ли она была осудить эту власть? Должна была, но не может, потому что сама создана этой опричной властью, потому что кормится ворованным хлебом и человеческим мясом с ее руки.

Все эти люди и есть нынешнее российское государство. Они-то и призывают тебя на фронт, именно они запихивают тебя в мясорубку.

Они прикрываются нашей Родиной, просят и требуют защитить ее. Но наша Родина не нуждается в защите. На нашу Родину никто не нападал; а вот наше государство — напало на другую страну. На страну, где живут такие же люди, как ты сам. И от твоего лица, от твоего имени убивало их, насиловало, рушило их дома.

Теперь у этого государства кончились силы, оно получило по харе, умылось кровью и ему нужно подкрепиться человечинкой, чтобы снова навалиться на наших соседей и заглотить их. Слышишь, государство ревет? Это оно зовет тебя. Это тобой оно собирается подкрепиться. Из твоего трупа соорудить бруствер, за которым спрячется в украинской степи. А потом бросить его там же, в степи, потому что уверено, что оболваненный и запуганный народ с него никогда ничего не спросит — ни за тебя, ни за других убитых. Их даже никто не считает, как никогда никто в нашей стране убитых не считал.

Но было время, когда люди сражались и гибли за Родину. Когда защищали свой дом и свои семьи. А теперь ты должен пойти и погибнуть за них — за зажравшихся казнокрадов и откормленных опричников, за бездушных бюрократов, за попов-сатанистов, торгующих твоей душой, за неверующих пропагандистов, торгующих смертью.

Тебя натравливают на людей, которые сейчас защищают свои семьи и свой дом, и требуют их убивать. Убивать, чтобы это государство подмяло под себя их землю и установило и там тоже свои людоедские порядки.

А для чего?

Чтобы ты не думал о том, почему ты нищ. Почему бесправен. Почему живешь в страхе. Почему казнокрады жируют. Почему у опричников ряхи сытые. Почему чиновники тебя за скот держат. Почему те, кто чужие души спасать должен, свою дьяволу продали. Почему телевизор каждый день разное врет и каждый день в сегодняшнее верить нужно, а вчерашнее — забыть.

Чтобы ты занят был убийством. Чтобы ты замазан был убийством.

Потому что тогда ты ничего не сможешь поменять, и они будут — вечно.

06–04–2023

Письмо в Басманный суд

Контекст

В мае 2022 года Дмитрий Глуховский был объявлен в федеральный, а затем и в международный розыск по обвинениям в «распространении заведомо ложной информации о действиях Вооруженных сил РФ» в Украине с отягчающим обстоятельством — «по мотивам политической ненависти к президенту РФ», статья 207.3 УК РФ, одно из цензурных новшеств, введенных в России в связи с войной в Украине. Обвинение строилось на многочисленных антивоенных высказываниях Глуховского в социальных сетях, ютьюб-эфирах и интервью.

В последний раз Глуховский был в России в январе 2022 года, за месяц до войны. Процесс шел в Басманном суде в Москве в его отсутствие. Защи-

щавшие его адвокаты попросили у Дмитрия написать письмо с изложением его позиции для суда. Мы приводим это письмо ниже.

Для чего человеку закон?

Закон нужен для того, чтобы слабых оградить от посягательств со стороны сильных, а сильных оградить от соблазна посягнуть на слабого. Закон нужен для того, чтобы воздать преступнику и чтобы предотвратить новые преступления. Для того, чтобы худшее в человеке выкоротить, а лучшему позволить цвести.

Нет ничего важнее и драгоценнее вашей жизни. Ваша жизнь принадлежит только вам и никому больше. Никто не вправе отнять ее у вас. Никто не вправе погубить тех, кого вы любите. И никто не имеет права приказывать вам убить ни в чем не повинного человека.

Если примут закон, обязывающий меня убивать невиновных, мой долг — нарушить этот закон. Если

примут закон, обязывающий меня покрывать убийства невинных, я должен нарушить и этот закон. Если примут закон, запрещающий говорить правду о том, что другие убивают невинных, такой закон соблюдать не обязан никто.

Неважно, являются ли убийцы солдатами нашей страны. Неважно, выполняли ли они приказ своих командиров, выполняли ли они приказ главнокомандующего. Солдат, убивающий невинного, — преступник, и он страшней обычного уголовника, потому что за ним стоит огромная организованная сила, которой жертва не может сопротивляться.

Для чего нужна статья УК «О распространении заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации»?

Чтобы запретить говорить правду о убийствах и зверствах, которые чинят наши солдаты на украинской земле. О пытках, об изнасилованиях, о внесудебных казнях. Эти пытки и изнасилования задокументированы. Тела — с руками, связанными за спи-

ной белыми лентами, которые приказано было российскими солдатами носить украинским гражданским лицам, — эксгумированы. Это факты. Это уже случилось. Правду невозможно запретить. Можно только пытаться скрыть ее, чтобы убивать, пытать и насиловать дальше — безнаказанно.

С Россией давно не происходило ничего более разрушительного и расчеловечивающего, чем война против Украины. Моя страна вторглась на территорию соседней страны, которая когда-то была нам братской, без причины и повода. Отправила танки захватывать столицу Украины. Послала самолеты бомбить ее города. Загубила без счета человеческих жизней. Разрушила до основания десятки населенных пунктов. В нарушение международного права захватила и объявила своими украинские земли.

Эту войну нельзя оправдать ничем. Ее ужас и бессмысленность слишком очевидны. Но люди, которые приказали ее начать — Владимир Путин и его

ближайшее окружение, — не могут отступить. Потому что, по всем человеческим законам, настоящие преступники тут они, и потому что они боятся понести наказание за свое преступление.

Но в России сегодня власть силы. В России сегодня сила ломает людям хребты, сила гнет закон, выбивая из суда право и дальше ломать хребты слабым, и дальше гнуть законы себе на потребу. Поэтому в России принимаются законы античеловеческие.

Запретить называть войну войной, а приказать называть ее специальной военной операцией — чтобы ни перед чужими, ни перед своими не отчитываться за то, сколько украинцев убито ни за что, сколько российских солдат положено зря. Заткнуть тех, кто посмеет о ней заикаться. Назначить им десять лет тюрьмы, назначить им пятнадцать лет тюрьмы.

Запретить правду называть правдой, а ложь — ложью. Ввести это определение в само именование закона, потребовав называть доказанные факты

«заведомой ложной информацией». Разрешить убийства невиновных. Приказать покрывать их. Отменить воздаяние преступникам. Поощрить их к новым убийствам.

Власть принуждает нас в очень короткий срок поверить в то, что невообразимое зло нормально и желательно. Она заставляет нас отказаться от основных моральных принципов, которые воспитывают в каждом из нас с детства отец и мать. Она приучает нас ко лжи и к убийствам.

У запрета говорить вслух правду и у требования декламировать публично ложь есть смысл. Смысл этот заключается в том, чтобы уничтожить самоуважение у нового поколения россиян. Переломить в них человеческий стержень, плюнуть на себя самих из страха перед несправедливым наказанием, самолично растоптать в себе моральное основание, естественное понимание того, что такое есть человеческий закон.

С Россией давно не происходило ничего более разрушительного и расчеловечивающего, чем

война против Украины. Не сумев расчеловечить украинцев, российская власть расчеловечивает собственных граждан. И пусть разрушения в Украине видно невооруженным взглядом, видно даже из космоса — но те разрушительные процессы, которые российская власть из самосохранения запустила сейчас в народной душе, в ткани нашего общества, пусть они пока и невидимы, ставят под угрозу само существование России.

Чтобы сохранить себя сегодня, российская власть разрушает чудесную цветущую Украину и уничтожает Россию, мою Родину. Я не могу помешать этому, но я не могу об этом молчать.

Я убежден, что говорю правду, изобличая преступления российской армии в Украине. Я убежден, что Министерство обороны и верховное руководство РФ лгали и лгут, оправдывая эту чудовищную, бессмысленную войну. Я убежден, что преступление против России и ее будущего совершаю не я, а они.

Есть законы, которые не должен соблюдать никто. И я не буду их соблюдать.

28–06–2023

В ожидании чуда⁷⁷

24 июня я, как и все мои друзья и знакомые, как все мало-мальски пытающиеся понять, что творится с нашей страной, люди, не вылезал из телеграм-каналов, следя за удивительным и невозможным марш-броском ЧВК «Вагнер» на Москву. Никто не мог объяснить и даже понять, что происходит: терялись эксперты, терялись «люди со связями», и, как это стало известно спустя непродолжительное время, очень растерялся сам президент Российской Федерации.

Настроения были разные: в Москве некоторые трепетали, ожидая уличных боев, в Ростове-на-Дону жители фотографировались с захватившими город боевиками в масках, социальные сети были переполнены мемами и шутками о происходящем; но в целом всеми, кто следил за политической жизнью

⁷⁷ Для журнала Focus (Германия).

страны, овладело состояние, которое можно описать как ажиотаж.

Да, все понимали, что Евгений Пригожин — бандит и головорез, что он — плоть от путинской плоти и кровь от гнилой и стылой крови путинского режима. Знали, что такой человек во власти может быть еще опасней, чем живущий в своих фантазиях, запутавшийся и нерешительный нынешний президент. И все же никак не выходило подавить в себе ощущение радостного и злорадного предвкушения... Предвкушения чего?

Совершенно точно, никто не хотел гражданской войны, никто не хотел кровопролития, но именно стремительность и относительная бескровность, с которой мчались по российским дорогам на Москву колонны ЧВК «Вагнер», вдруг дали людям ощущение неожиданной хрупкости, даже иллюзорности казавшегося могучим, железобетонным, вечным путинского режима. Оказалось — достаточно всего нескольких тысяч решительно настроенных вооруженных людей с боевым опытом, и ни одна душа из

грозного миллионного репрессивного аппарата, выстроенного царем-параноиком за десятилетия, не готова рискнуть собой за этого царя.

Может, это было предвкушением чуда? Потому что происходящее казалось настоящим чудом, настолько оно не соответствовало ни нашим, ни украинским, ни западным представлениям о том, из какого материала построена путинская Россия, из какой ткани скроена русская жизнь и по каким законам живет наше общество.

Неудивительно: российская пропаганда настолько искажает представление и россиян, и украинцев, и европейцев о том, как на самом деле в стране обстоят дела, что даже постоянно деконструирующие ее мифы специалисты все равно оказываются под ее влиянием. Путинская Россия — царство сплошной, тотальной лжи, которая въелась слишком глубоко в сознание не только обывателей, но и тех, кто ретранслирует эту ложь, и тех, кто пишет для

них методички, и даже тех, кто эти методички заказывает, — и, как мы видим, того человека, в чьих интересах все это делается.

Для всех них случившееся 24 июня стало потрясением. Пусть в конечном итоге пригожинский мятеж обернулся балаганом, который лучше всего иллюстрирует сделанная в захваченном «Вагнером» Ростове-на-Дону и превратившаяся в мем фотография «Танк застрял в воротах цирка». Но выводов о состоянии России и ее обитателей на основании случившейся истории можно сделать массу — и очень неожиданных как для хозяев Кремля, так и для западной публики.

Во-первых, умирать за Путина не готов никто. Ни армия, ни Росгвардия, единственная цель и смысл существования которых — в защите власти от любых посягательств, ни полиция, ни ФСБ. Не говоря об обычных людях, которым даже в голову не пришло выйти на стихийные митинги в поддержку своего президента, чтобы защитить страну от военного переворота.

В том ли только дело, что солдаты и полицейские испугались закаленных в боях головорезов, репутация которых известна каждому в России благодаря воспеванию в СМИ и самопиару в интернете? Кажется, нет.

Та легкость, с которой он взял Ростов, непротивление его продвижению со стороны военных и — на удивление! — радость жителей города, которые встречали вагнеровцев чуть ли не цветами и делали с головорезами селфи, с моей точки зрения, говорят именно об этом: Путин и его режим, на самом деле, невероятно утомили россиян. Если бы Пригожин был чуть решительней, он бы в тот день мог взять, наверное, и Москву.

Но как же ошеломительные цифры, которыми российские социологи иллюстрируют народную любовь к президенту, до мятежа составлявшие около восьмидесяти процентов, а после мятежа якобы подскочившие до девяноста?

Какие бы цифры ни выдавали официальные российские социологические службы, надо всегда помнить, что тотальный контроль над социологией наша власть установила даже раньше, чем окончательно подмяла под себя медиа. Поддержка войны населением России ровно настолько же завышена социологами, насколько завышена ими поддержка Путина. Иллюзия чуть ли не единогласного одобрения народом власти и самых людоедских ее инициатив нужна для того, чтобы все сомневающиеся ощущали себя в одиночестве и сомневались молча, а лучше — присоединялись к мнимому общественному консенсусу.

Именно поэтому социологам срочно приказали нарисовать небывалую девяностопроцентную поддержку Путина сразу после переворота: россияне живут в Зазеркалье, в царстве лжи, где все вроде бы похоже на настоящее, но перевернуто с точностью до наоборот; где сознание определяет бытие. Именно удостоверившись, что настоящая поддержка Путина составляет процентов десять,

власть решила в очередной раз вывернуть действительность наизнанку и приказать народу поверить в картину, которая настолько же похожа на реальность, как отражение в зеркале похоже на оригинал.

Жизнь в царстве, где слово правды жестоко карается, требует от его подданных немалых повседневных усилий: чем дольше существует такой режим, тем более всепроникающей и тотальной становится ложь, вторгаясь из сфер абстрактного, идеологического и эмпирически непроверяемого в области повседневного. Нельзя становится говорить о потерях в войне, о своих личных чувствах относительно нескончаемого кровопролития, нельзя говорить честно о друзьях и врагах, о таких фундаментальных вещах, как представления о добре и зле, о допустимом и недопустимом, да и прочие сферы государственной и общественной жизни стремительно политизируются, а значит, подвергаются действию цензуры и пропаганды.

Здравоохранение, экономика, финансы, путешествия, воспитание и образование детей — все становится сферой пристального внимания государственной идеологии, и по всем этим вопросам гражданам приходится убеждать себя в правильности государственного вранья, которое к тому же в таких режимах, как путинский, день ото дня меняет вектор, как флюгер — в угодую конъюнктурным ветрам. Врать утомительно, и унизительно самого себя каждый день убеждать в достоверности государственного вранья.

И Пригожин, всего несколько месяцев назад начавший карьеру политического блогера, превратился в настоящую звезду русского Ютьюба и Телеграма прежде всего потому, что он строил из себя правдоруба и борца с путинской закоснелой системой, атакуя ее в самом слабом месте — оказавшейся совершенно неэффективной российской армии.

И хотя в основном он требовал искоренить армейскую коррупцию (и это человек, который зарабатывал миллиарды, потому что ему было позволено без конкуренции забирать грандиозные подряды на обеспечение российских вооруженных сил продовольствием!) и отстранить некомпетентное военное руководство, которое бездарно тратит в Украине солдатские жизни (и это человек, который запросто и бесцельно изничтожил в бахмутской мясорубке двадцать тысяч собственных наемников!), его голосовые сообщения и ютьюб-выступления собирали миллионные прослушивания и просмотры.

Пригожин строил себе репутацию ультра-ястреба, который готов был пойти на тотальную войну и постоянно упрекал путинское военное руководство в полумерах. Можно было бы предположить, что народ поднял его на щит, потому что настроен даже более воинственно, чем президент — но мне кажется, что дело в другом.

Миф о том, что война в России пользуется широкой народной поддержкой, имеет то же происхождение, что и миф о поголовной и неистовой любви россиян к своему президенту. На самом деле, несмотря на титанические усилия российской пропаганды, которая полтора года пытается обеспечить общественный консенсус в оправдание и поддержку военных действий, абсолютное большинство сторонников войны выступают за нее только на словах и у армии по-прежнему огромные проблемы с рекрутированием добровольцев. Именно по этой причине прошлой осенью Кремлю пришлось принудительно мобилизовывать сотни тысяч мужчин (мобилизация не закончена до сих пор).

То, что Пригожин якобы учит власть, как лучше воевать, — только законный повод для ультрапатриотов заслушиваться его сообщениями. Реальная причина — решительность и безнаказанность, с которыми Пригожин «вел огонь по штабам», подвергая безжалостной критике насквозь проворовавшийся, импотентный и совершенно наплевательски

относящийся к жизням верноподданных российский политический истеблишмент с Путиным во главе.

Изначально Пригожин играл в древнюю русскую забаву под названием «царь хороший, бояре плохие»: его показушный гнев обрушивался на министра обороны Сергея Шойгу и начальника Генштаба ВС РФ Алексея Герасимова, которые якобы были виноваты в провалах на фронте и в намеренном притеснении ЧВК «Вагнер» — с целью ослабить и уничтожить частную пригожинскую армию.

И критика эта встречала настолько искренний и воодушевленный отклик у его паствы, что Пригожин решил пойти дальше, иносказательно атаковав самого Путина. Есть разные мнения по поводу того, чего он пытался добиться — возможно, личной аудиенции у монарха или каких-то гарантий для себя и своих наемников, но, очевидно, желания эти удовлетворены не были, а вкус к прямой атаке на Путина у Пригожина развился.

И вот, когда в день мятежа Путин в своем телевизионном обращении потребовал от Пригожина сдаться, тот немедленно ответил, что президент «глубоко ошибается» и никто ему сдаваться не собирается. Тут нужно еще пояснить, что в уголовном сленге, на котором часто общается отсидевший серьезный срок «повар», слова «глубоко ошибаться» весят куда больше, чем в обычной речи: на зоне за такие ошибки можно заплатить и жизнью.

И именно такой борзости, как выяснилось, ждали от него люди. Да, бандит, да, уголовник, да, варвар, казнящий дезертиров и предателей ударом кувалды, а потом еще и рассылающий сувенирные кувалды российским и европейским политикам. Но — впервые за долгое время! — человек, не боящийся, как казалось, бросить вызов царю и говорящий с ним на его же языке, на языке силы, да так убедительно, что царь, который должен был бы, не дрогнув, призвать бунтаря к себе во дворец и приказать ему сдаться без всяких предварительных условий, бежит из столицы, просит помощи у своих вассалов

и соглашается в итоге на позорный компромисс с выходящим сухим из воды мятежником.

Народ, хоть и страшно было ему было, ждал, что Пригожин пойдет до конца. И когда тот объявил в своем телеграм-канале, что решил «не проливать кровь» и остановить свой марш на российскую столицу, все народное восхищение им тут же превратилось в разочарование. Под пригожинским постом о добровольном прекращении мятежа его фолловеры поставили чуть ли не четыреста тысяч эмодзи с изображением клоуна, высмеивая Пригожина за трусость, театральность и отказ от революционных планов.

А стремительность, с которой эвакуировался из даже не осажденной еще столицы государь, тоже стала большим откровением, важным открытием, которое мы все сделали по результатам нынешних событий. Владимир Зеленский остался в Киеве, несмотря на то что передовые части российской армии уже вели бои на подступах, а путинский блицкриг казался удавшимся. Владимир Путин исчез с

радаров, видимо отправившись в убежище на Валдае, еще до того, как авангард вагнеровских колонн приблизился на четыреста километров к Москве. Это говорит, прежде всего, о том, насколько сам Путин уверен в прочности машины своей власти и верности своих преторианцев: показатель этой его уверенности колеблется около нуля. И это тоже нам еще предстоит осознать.

Растерялся не только он, растерялась вся свита: от «верного пехотинца президента», главы Чечни Рамзана Кадырова, до своры пропагандистов. Министр обороны, командующий Росгвардией, директор ФСБ просто исчезли, никак не комментируя ситуацию. Вместо них увещевали бунтаря полевые генералы. Вся система власти вдруг оказалась парализованной. Говорят, ключевые люди просто не подходили к телефонам; выяснилось, что в настоящую российскую власть не верит никто.

И те отчаянные попытки продемонстрировать эту машину народу после мятежа: вот же они, мини-

стры, и даже Шойгу, несмотря на требования Пригожина, не уволили, и вот все высшие силовики в форме хмурятся на камеру и машут кулаками после драки, и вот сам Путин нахмуренный, и вот построенные на кремлевском плацу бутафорские гвардейцы, и флаги, и вот золото гербов, у нас настоящее государство, да-да, и все работает как часы! — разбиваются о неспособность наказать бунтаря, о попытки уже после проваленного мятежа умиловать, замирить мятежников.

В соцсетях, а другой социологии, как я уже говорил, у меня для вас нет, над Путиным потешаются и те, кто против войны, и те, кто за нее. И даже пропагандистам, которым, если Путину конец, то и им за ним следом, тяжело, невозможно просто всю эту идиотскую эпопею мало-мальски достойно для своего работодателя подать.

Но — промелькнула возможность чуда, не успели люди и зевнуть. Отвыступал Путин, погрозили с экрана силовики, новости переключились на

Украину, коммунальщики заделали рвы на федеральных трассах, которыми планировалось остановить продвижение пригожинских колонн, закопали поспешно сбитых вагнеровцами «русских летчиков» — и все.

А потом и Пригожина сбили, и его тоже забыли так же быстро, как забыли его звездный час и его бессмысленный бунт.

Проехали. Забыли. Задремала бескрайняя Россия дальше. Может, и это ей причудилось.

Но что же с ней, с Россией? Как хотя бы описать ее состояние, если его нельзя объяснить?

Думаю, так: Россия ждет перемен.

Каких? Да уже каких угодно.

А почему же народ не решится смести эту гниль сам? Потому что запуган и отучен в политику лезть, как отучена от этого за последнюю сотню лет многократно вычищенная репрессиями армия. Нет уж, как говорится, паны дерутся — у холопов чубы трещат. Хорошо бы, чтоб перемены, только вот давайте сами как-нибудь.

И да, увы, надо признать, дело тут далеко не только в правде, по которой истосковались люди. У Пригожина была сила, в отличие, допустим, от говорившего правду и добровольно вернувшегося на голгофу Навального. Мучеников в России могут втайне и чтить, но жертвовать собой ради них не станут.

Так получается, что надежды у россиян только на одну силу, которая другую сметет. Можно списать это на то, что политическая культура у нас все еще средневековая.

А можно объяснить это и тем, что все-таки, несмотря ни на что, русский обыватель — реалист.

16–02–2024

Смерть героя

Контекст

16 февраля 2024 года в исправительной колонии особого режима «Полярный волк» в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа в возрасте 47 лет скончался Алексей Навальный.

В современной российской истории было немало случаев, когда казалось: мы достигли дна, пробить которое невозможно. Деградация власти, распад и деморализация гражданского общества достигли предела, за которым виден один только мрак.

Таковыми событиями стали полномасштабное российское вторжение в Украину, начало авиационных бомбардировок украинских городов, чудовищная резня, учиненная российскими солдатами в Буче, выгребание из тюрем насильников и убийц и мясные штурмы без ведения учета брошенных в них

уголовников, кадыровские заградотряды, общенациональная лотерея смерти, в которую превратилась мобилизация, захват украинских АЭС и путинский ядерный шантаж.

Но именно убийство Навального, трусливое убийство самого отважного человека в российской политике, единственного настоящего героя политической жизни современной России, подводит окончательную черту в ее и нашей истории. Именно оно отсекает горизонт событий, предел видимости и предвидимости черной дыры, в которую падает страна.

Если можно умертвить в тюрьме главного народного оппозиционного политика — внаглую, не думая даже о фиговых листьях, — то можно вообще все: ликвидировать оппозиционных деятелей рангом помельче, вернуть ночные «воронки», расстреливать людей на улицах и стадионах, заново отстроить ГУЛАГ — была бы в этом экономическая целесообразность.

Навального пытались отравить, Навального заперли пожизненно на Крайнем Севере, но даже и в таком виде российская власть — подлая и трусливая — все еще боялась его до невозможности. Даже в карцере за полярным кругом этот человек был опасен для Путина и его людей.

Опасен прежде всего тем, что олицетворял собой возможность другой России — не затхлого токсичного псевдосовка, управляемого дегенеративной наследственной псевдоаристократией, в котором население бесправно, оболванено и находится под круглосуточным электронным наблюдением, а современной живой нормальной страны, граждане которой свободны и имеют чувство собственного достоинства, страны, ориентированной на будущее.

На вопрос «Если не Путин, то кто?» есть сто сорок миллионов ответов: этого человека на посту президента РФ может заменить кто угодно, и кто угодно будет на нем менее эгоистичным, коррумпированным и лживым, менее губительным для своего народа и опасным для мира на планете. Однако

никто за последнее десятилетие не являл собой такую яркую и такую внятную альтернативу Путину, как Алексей Навальный. Именно для того, чтобы уничтожить эту будущую альтернативную Россию, в которой ни Путину, ни его окружению не нашлось бы места, Путин убил Навального. Но чего он достиг?

Раньше Навальный был обычным живым человеком, сотканным из противоречий, но в последние пять лет он, благодаря своим поступкам, своему мужеству и моральным выборам, благодаря своему первому чудесному воскрешению, выкристаллизовался в безупречного героя из античных мифов, даже из религиозного мифа, пожалуй. Его жизнь в последние пять лет — житие праведника, а его гибель — гибель мученика. Навальный принес в эру грязного путинского цинизма идеализм и однозначность, которых в нашей жизни не было много десятилетий.

Могила, превращенная в курган из живых цветов — последняя страница жизнеописания Алексея

Навального. Десятки тысяч людей, пришедших проститься с героем, которых он заразил своей смелостью и решимостью, подтверждают — убитый политик превратился в идею, в символ, в чистую энергию, которая еще сможет однажды повернуть историю страны в другую сторону.

Навальный погиб за надежду и за справедливость, за правду и за мечту. Прежде в России не было фигуры масштаба, узнаваемости и иконографичности Че Гевары или Манделы. После убийства Путиным Навального в нашей истории впервые появился герой, которого будут изображать на знаменах, на граффити и на футболках. Чудовище сожрало героя, но победил все равно герой.

Взгляд из будущего

Эта книга составлена из комментариев к событиям, которые казались мне поворотными, к выражам и порогам реки нашей новой истории. Это именно что дневник, начатый в тот момент, ко-

гда автору пришло в голову его вести, и оборванному там, где для него нашелся издатель. Завершаемый в тот момент, где настоящее равняется с будущим.

Книга получается без конца — но если этот дневник должен запечатлеть наше падение на дно, от которого, я надеюсь, мы сможем оттолкнуться — то очевидно, что это падение, увы, еще не закончено.

Почти во всех своих статьях я пытаюсь заглянуть в будущее и угадать, что нас ждет: лихая и дикая, хмельная и беспамятная русская жизнь рождает неутолимый запрос на предсказание, на надежду.

Но где наша путевая карта?

Иногда знание истории помогает нам заблаговременно пристегнуться покрепче, но иногда и исторические параллели оказываются обманчивыми, потому что через пространство и время Россия мчит перпендикулярно опыту и логике — в будущее, которое оказывается прошлым, в

прошлого, которого никогда не существовало; впереди у нее всегда туман, позади у нее всегда мрак.

Никто ничего не понимает, но все дуют щеки. Тут я ничуть не хуже прочих. Поэтому не буду слишком радоваться попаданиям и не буду слишком переживать по поводу промахов.

Из той точки, в которой я сам сейчас завис — в эмиграции, с ведущимся против меня судебным процессом, приговор по которому до сих пор не оглашен, я могу не более точно предсказать будущее моей страны, чем предугадать свое собственное будущее. Стоит ли и браться?

Но мне кажется более важной не прогностическая, а диагностическая часть этой книжки. Потому что, не разобравшись в наших комплексах и чаяниях, в наших травмах и мечтах, в обидах и заблуждениях, никак не выйдет понять, как и почему мы оказались в историческом тупике, в

смысловой западне, в положении убийц, пойманных на месте преступления и несущих что-то бессвязное.

Да, мы — нация в состоянии аффекта. Но дело не в том, что наш лунатизм оправдывает нас и должен помочь нам сколотить себе будущий срок в некой теоретической небесной Гааге. Просто, если мы сами не поймем, как это все с нами случилось, когда и если придем в себя, — все может повториться, как повторялось уже в нашей истории раз за разом.

Путевая карта есть.

Протрезветь и вспомнить. Опомниться и остановиться. Покаяться и раскаяться. Заслужить прощение. Заслужить свободу. И двигаться дальше — теперь только вперед и вверх.